

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

На правах рукописи

Агеева Наталья Николаевна

**НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И
ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.Ф. ФОРТУНАТОВА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Иванова Татьяна Николаевна

Чебоксары – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ С.Ф. ФОРТУНАТОВА.....	29
1.1. История семьи Фортунатовых как важнейший фактор становления личности С.Ф. Фортунатова.....	29
1.2. Годы учебы в Московском университете, формирование научных интересов и общественно-политических взглядов.....	50
1.3. Этапы профессиональной деятельности	76
 ГЛАВА II. С.Ф. ФОРТУНАТОВ КАК ПЕДАГОГ И УЧЕНЫЙ.....	96
2.1. Педагогические взгляды и деятельность С.Ф. Фортунатова.....	96
2.2. С.Ф. Фортунатов как один из основоположников русской американистики.....	121
2.3. История европейских государств XVIII-XIX вв. в научно-педагогическом наследии ученого.....	143
 ГЛАВА III. ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.Ф. ФОРТУНАТОВА.....	166
3.1. Политические взгляды	166
3.2. Публицистическая деятельность	184
3.3. С.Ф. Фортунатов в коммуникативном пространстве московской интеллигенции.....	198
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	220
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ....	227
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	275

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Сложные процессы трансформации политической системы современной России и поиска объединяющей идеологии актуализировали изучение общественных настроений в российском обществе начала XX в. и роли интеллигенции, в том числе профессуры, в тех процессах, которые привели к революционным событиям 1917 г. В этой связи исследование общественной деятельности С.Ф. Фортунатова позволит внести вклад в осмысление феномена российского либерализма, который являлся одним из важнейших направлений в общественно-политической жизни предреволюционной России.

Биографистика как жанр исторической литературы, анализирующей жизнь и деятельность определенного человека, является одной из древнейших разновидностей исторических исследований, не теряющей актуальности со временем. Л.П. Репина указывает, что «историческая биография, несомненно, во все времена была важным средством для понимания тех сил, которые движут действиями людей»¹. По сути, это есть исторический процесс со всеми его закономерностями и случайностями, отраженный, как в линзе, в конкретной исторической личности.

Рассмотрение биографии с точки зрения коммуникативного подхода дает возможность проследить связи, влияние, роль индивида в конкретном коммуникативном пространстве, определенном сообществе и уточнить объективные характеристики его деятельности. «Портреты на фоне эпохи» позволяют вписать героя в широкий общественно-политический и социокультурный контекст его времени. Иными словами, исследование эпохи способствует комплексной оценке индивидуума (восстановление различных аспектов жизни и деятельности, особенности восприятия окружающего мира, определение места в социокультурном пространстве), а изучение отдельного человека дополняет

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 287.

характеристику эпохи. Особенно важен такой подход к личностям, чьи имена в силу разных обстоятельств оказались преданными забвению.

К таким ученым относится и *Степан Федорович Фортунатов (1850-1918)*. Определить основное направление его деятельности очень непросто. Приват-доцент Московского университета, а затем профессор Высших женских курсов и Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского, он так и не удостоился научного звания, ибо две написанные им диссертации не приняли к защите. Он был, хотя и нетипичным, но настоящим российским интеллектуалом, представителем интеллигенции. Типичность вообще не была характерной чертой его оригинальной и своеобразной личности. Возможно, именно это и помешало ему добиться подлинного успеха во всех многообразных направлениях его деятельности. Отсутствие формально признанных результатов, в свою очередь, стало причиной того, что до недавнего времени С.Ф. Фортунатов не становился центральной фигурой научного исследования. Его фамилия неизменно упоминается в общих научных обзорах, воспоминаниях современников, но он никогда не был в центре внимания.

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью комплексного изучения жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова, что позволит не только вернуть из забвения имя видного деятеля российской культуры, но и воссоздать целостную картину развития российской исторической науки и образования конца XIX – начала XX вв.

Объект исследования – историк, педагог, публицист Степан Федорович Фортунатов как яркий представитель российской науки и образования конца XIX – начала XX вв.

Предмет исследования – научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова, его вклад в российскую науку, образование и публицистику конца XIX – начала XX вв.

Хронологические рамки диссертационной работы – конец XIX – начало XX вв. – определяются временем научно-педагогической и общественно-публицистической деятельности С.Ф. Фортунатова. Однако в целях всесто-

ронной реконструкции биографии ученого необходимо привлечение материала о его семье, оказавшей большое влияние на формирование его мировоззрения. В связи с этим нижняя хронологическая граница исследования – 30-е гг. XIX в., а верхняя определяется датой смерти С.Ф. Фортунатова (1918 г.).

Территориальные рамки диссертационного исследования: Вологодский и Олонецкий край, где прошло детство С.Ф. Фортунатова, Москва, с которой связана его основная деятельность, и ряд городов, в которые он выезжал (Санкт-Петербург, Гейдельберг, Фрайбург, Париж).

Степень разработанности проблемы представляется неудовлетворительной. Как уже было отмечено, личность С.Ф. Фортунатова не становилась объектом специальных исследований. Можно отметить лишь статью Т.Н. Ивановой и Г.П. Мягкова «С.Ф. Фортунатов и московское научное сообщество» (2011 г.)¹, в которой впервые была предпринята попытка определить его место в коммуникативном пространстве российской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. Имеется также ряд работ этих авторов, посвященных В.И. Герье и его научной школе, где даны развернутые характеристики деятельности С.Ф. Фортунатова².

Первые сведения о С.Ф. Фортунатове содержатся в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Его труды упоминаются в общих статьях «Историография»³ и «Историческая наука» (в разделе «Россия»)⁴, также ему по-

¹ Иванова Т.Н., Мягков Г.П. С.Ф. Фортунатов и московское научное сообщество // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли: Материалы XVII чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. 7-8 апр. 2011 г. / отв. ред. А.В. Хазин. Н. Новгород, 2011. С. 24-27.

² Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009; Ее же. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX в. – начало XX века). Чебоксары, 2010; Ее же. В.О. Ключевский о В.И. Герье и не только: к публикации одного письма // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сб. ст. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 315-322; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Мягков Г.П., Иванова Т.Н. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 165-185.

³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 82 т. и 4 доп. т. Т. XIII^A. СПб., 1894. С. 499.

⁴ Там же. Т. XXVIII. С. 802-807.

священа отдельная статья, написанная А.К. Дживелеговым¹. Принимая во внимание, что С.Ф. Фортунатов и А.К. Дживелегов хорошо знали друг друга (последний был выпускником историко-филологического факультета 1897 г. и работал вместе с ним в газете «Русские ведомости»), она могла быть написана при непосредственном участии Степана Федоровича. Это крайне важно, так как только в ней содержатся сведения о стажировке Фортунатова в зарубежных университетах. Последующие энциклопедические статьи крайне немногословны и повторяют уже известные сведения². С.Ф. Фортунатов не упоминался ни в «Большой советской энциклопедии» (в отличие от двух своих братьев), ни в «Советской исторической энциклопедии» (1961-1976).

Небольшая биографическая заметка имеется в сборнике статей «Русские ведомости. 1863-1913», посвященном пятидесятилетию газеты.³ В ней кроме кратких биографических сведений характеризуются публикации ученого на страницах газеты. Очерки о сотрудниках газеты составлены А.Н. Максимовым. С С.Ф. Фортунатовым их объединяла не только работа в «Русских ведомостях», но и общность политических взглядов – в 1906 г. они вместе издали небольшую книгу «Одна или две палаты»⁴.

Отсутствие исследований, посвященных С.Ф. Фортунатову, обусловило необходимость собирания по крупицам сведений о нем в большом комплексе разноплановой литературы, содержащей упоминание имени ученого и его окружения.

Среди общих историографических обзоров, освещающих развитие всеобщей истории как отечественной исторической науки, следует выделить работу В.П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв.», опубликованную в 1929-1931 гг., но и сегодня остающуюся одним из наиболее полных и авторитетных исследований в данной области.

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 82 т. и 4 доп. т. Т. XXXVI. С. 322.

² Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электрон. ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_biography/ [Дата обращения: 30.11.2014].

³ Русские ведомости. 1863-1913: сб. ст. М., 1913. С. 185-186.

⁴ Фортунатов С.Ф., Максимов А.Н. Одна или две палаты? М., 1906.

В.П. Бузескул не дает развернутого анализа научной деятельности С.Ф. Фортунатова, но отмечает его монографии «Представитель индпендентов Генри Вен» и «История политических учений в Соединенных Штатах» без их детальной характеристики¹. Труд В.П. Бузескула очень важен для диссертационного исследования и в плане наличия в нем анализа развития историографии всеобщей истории в России, а также характеристик научного наследия учителя С.Ф. Фортунатова В.И. Герье, его соучеников и коллег – П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера, Н.И. Кареева, М.С. Корелина и др.

В статье В.А. Бутенко «Наука новой истории в России» проанализировано развитие отечественной историографии, однако основное внимание уделяется исследованиям истории Великой французской революции². Общая линия развития истории исторической науки в нашей стране представлена в многотомном исследовании «Очерки истории исторической науки в СССР»³. Это издание важно для понимания уровня научных исследований по отечественной историографии всеобщей истории. Произведения С.Ф. Фортунатова упоминаются и в ряде обобщающих изданий по истории Англии и США⁴.

Весьма ценными для диссертационного исследования являются работы, содержащие хотя бы краткие оценочные суждения о трудах С.Ф. Фортунатова. Преимущественно это исследования, посвященные развитию отечественной американистики, так как он стоял у ее истоков. При этом если для советской историографии были характерны достаточно критические оценки научного наследия первых отечественных американистов⁵, то в последнее время, хотя и

¹ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв.: в 2 ч. Л., 1931. Ч. 2. С. 61.

² Бутенко В.А. Наука новой истории в России // Анналы. 1922. № 2. С. 129-167.

³ Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.Н. Тихомирова, М.В. Нечкиной и др. М., 1960-1966. Т. 1-4.

⁴ Английская буржуазная революция XVII в.: в 2 т. М., 1954. Т. II. С. 229; История США: в 4 т. М., 1983. Т. 1. С. 651.

⁵ Бурганова Л.А., Мягков Г.П. К вопросу о становлении теории американской «исключительности» в национальных буржуазных историографиях // Методология исторического познания и буржуазная наука. Казань, 1977. С. 69-90; Михайлов Ю.А. Американская буржуазная революция XVIII века в историографической традиции дореволюционной России // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Казань, 1974. Вып. 3. С. 125-149.

отмечается в целом достаточно сильная зависимость этих ученых (в том числе и С.Ф. Фортунатова) от зарубежной историографии, признаются их достижения в плане создания первых обзорных трудов по истории США и изучения ряда частных проблем (в частности, специфики политической системы)¹. Определенный интерес в этом плане представляют статьи И.Р. Чикаловой о П.Г. Мижуеве, который наряду с С.Ф. Фортунатовым был одним из первых американистов и популяризаторов идей конституционализма в России².

Необходимо особо выделить работы, посвященные научно-педагогическому наследию представителей научной школы В.И. Герье, в которых также неизменно упоминается С.Ф. Фортунатов. Кроме отмеченных ранее публикаций Т.Н. Ивановой и Г.П. Мягкова, это исследования Д.А. Цыганкова³ и А.В. Антощенко⁴, в которых, в частности, анализируется очень важный вопрос для реконструкции научной биографии С.Ф. Фортунатова – о его заграничной стажировке. Следует отметить и работы, посвященные Н.И. Карееву⁵, а

¹ Преподавание истории США в МГУ // Сайт исторического факультета МГУ [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/departments/Modemttist/node/90> [Дата обращения: 10.12.2015]; Болховитинов Н.Н. Изучение американской историографии в России // Американское общество на пороге XXI века: итоги, проблемы, перспективы: материалы II научн. конф. (1995 г.) [Электрон. ресурс]. URL: http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/conf1995/bolhovitinov5.Htm. [Дата обращения: 16.04.2015]; Кубышкин А.И., Цветков И.А. Университетские учебники по истории США как индикатор состояния российской американистики // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций. Волгоград, 2009. С. 181–207.

² Чикалова И.Р. Профессор Павел Григорьевич Мижуев: российский англовед и либерал // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 5–30; Ее же. Русский американист Павел Григорьевич Мижуев // Американистика: актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т.В. Аленбековой, М.А. Филимоновой. Курск, 2012. Вып. 4. С. 121–133.

³ Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2008; Его же. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.

⁴ Антощенко А.В. Диссертации П.Г. Виноградова // Мир историка. Омск, 2010. Вып. 6. С. 85–120; Его же. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010.

⁵ Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988; Погодин С.Н. «Русская школа историков»: Н.И. Кареев, И.В. Луцицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997; Николай Иванович Кареев. Биобиблиографический указатель (1869–2007) / сост. В. А. Филимонов. Казань, 2008.

также коллегам ученого по кафедре всеобщей истории Московского университета – Р.Ю. Випперу и А.Н. Савину¹.

Для характеристики места С.Ф. Фортунатова в коммуникативном пространстве российской науки необходимо привлечение исследований и о коллегах С.Ф. Фортунатова, с которыми он поддерживал дружеские связи, имел близкие политические взгляды – прежде всего это А.А. Кизеветтер и П.Н. Милюков². К числу лиц, достаточно тесно общавшихся с С.Ф. Фортунатовым можно отнести и В.О. Ключевского. Из имеющейся обширной литературы о выдающемся российском историке кроме «классического» труда М.В. Нечкиной³ можно выделить ряд исследований последних лет: Н.В. Гришиной об исследовательских, коммуникативных и педагогических основаниях «школы Ключевского»⁴ и О.В. Богомазовой, раскрывающих различные аспекты частной жизни историка⁵.

В условиях отсутствия развернутых оценочных суждений о Фортунатове важное значение имели работы, посвященные различным проблемам развития российской науки и образования рубежа XIX-XX вв. Отдельную группу литературы составляют исследования о развитии университетского образования в России и особенностях его функционирования. Прежде всего, необходимо выделить работы Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной о различных аспектах диссертационной культуры второй половины XIX – начала XX вв.,

¹ Кузнецов А.А. Новые факты биографии С.И. Архангельского // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 267-282; Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976; Шарова А.В. Университетское сообщество и власть в начале XX века (по материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. Сер.: Вопросы образования. Языки и специальность. 2010. № 18. С. 280-189.

² Вандалковская М.Г. П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер: история и политика. М., 1992; Шпаковская М.А. А.А. Кизеветтер в российской историографии. М., 2003.

³ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

⁴ Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.

⁵ Богомазова О.В. Частная жизнь известного историка (по материалам воспоминаний о В.О. Ключевском) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 23 (161). История. Вып. 33. С. 151–159, Её же. В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.

которые позволяют понять сложности, с которыми столкнулся С.Ф. Фортунатов при попытках защитить магистерскую диссертацию¹.

Исследования, посвященные системе подготовки кадров высшей квалификации в дореволюционной России, позволяют проанализировать широкий спектр вопросов, связанных с ее функционированием². Так А.Ю. Трохимовским³ рассматриваются заграничные научные стажировки выпускников университетов, оставленных для приготовления к профессорскому званию. Детальное рассмотрение вопросов, связанных с заграничной стажировкой, представляется крайне важным, поскольку ее удачное прохождение было важным этапом в становлении молодых ученых и способствовало удачной защите диссертации.

Для характеристики преподавательской деятельности С.Ф. Фортунатова в Московском университете представляют интерес статьи В.П. Пискунова об институте приват-доцентуры⁴. Особое внимание автор уделяет вопросу о

¹ Алеврас Н.Н. Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX – начала XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XX веков. Челябинск, 2011. С. 129-145; Ее же. Диссертационная культура как историографический концепт // Урал. ист. вестн. 2014. № 4 (45). С. 111-120; Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Российская диссертационная культура XIX – начала XX века в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 221-247; Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860-1920-е гг. // Мир историка. Омск, 2014. Вып. 9. С. 122-145.

² Лаута О.Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета: начало XIX - XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2000; Карнаух М.В. Значение зарубежной научной стажировки в системе подготовки российских профессоров в Дерпте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 12. Ч. 3. С. 94-99; Посохов С.И. Университетская реформа 1863 г. в ряду Великих реформ: историографический аспект // Мир историка. Омск, 2014. Вып. 9. С. 81-102; Университетская реформа 1863 года в России / Сост. В.А. Томсинов. М., 2012.

³ Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856 - 1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Его же. Политика Министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей (1556-1881) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2007. № 1. С. 61-76.

⁴ Пискунов И.В. Правовое положение приват-доцентов российских университетов // Вестн. ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4. С. 98-116; Его же. Как стать российским приват-доцентом? // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 243-260.

том, какие изменения внес университетский устав 1884 г. в правовой статус этой категории преподавателей в российских университетах. Именно благодаря новому уставу С.Ф. Фортунатов получил возможность стать приват-доцентом Московского университета.

Кроме того привлечены работы по истории учебных заведений, в которых преподавал С.Ф. Фортунатов: Московского университета¹, Высших женских курсов², Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского³. В этом ряду особо следует выделить статью Т.Г. Архиповой «История и историки в Московском городском университете имени А.Л. Шанявского», в которой кратко охарактеризована преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова, а также его личность (преимущественно по воспоминаниям А.А. Кизеветтера)⁴. Определенный интерес представляют также работы, посвященные российской профессуре⁵.

Для всестороннего анализа общественно-публицистической деятельности С.Ф. Фортунатова необходимо обратиться к исследованиям о развитии периодической печати в России на рубеже XIX – XX вв. Общие обзоры журнальной периодики второй половины XIX – начала XX вв., которые приведены в работах М.А. Мамонтовой «Коммуникативное пространство отече-

¹ Гутнов Д.А. Обучение на историко-филологическом факультете Московского университета в конце XIX начале XX века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1993. № 1. С. 57–68; Московский университет за 200 лет. Краткий исторический очерк / под ред. И.С. Галкина. М., 1955 и др.

² Боброва Л.А. Высшие женские курсы профессора Герье в Москве (1872–1888 гг.) // Тр. Моск. гос. ист.-архив. ин-та. М., 1961. Т. 16. С. 253–265; Москвин В.В. Московские высшие женские курсы в начале XX в. М., 1999.

³ Ардабацкий Е.Н. Московский городской народный университет А.Л. Шанявского – краткий миг академической свободы // Подготовка управленческих и партийных кадров: традиции и современность (К 90-летию открытия Комвуза в Саратове). Саратов, 2013. С. 9–124; Власов В.А. Народный университет имени Шанявского // Изв. ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 527–532 и др.

⁴ Архипова Т.Г. История и историки в Московском городском университете имени А.Л. Шанявского // Гуманит. науки / ред. кол.: А.Н. Тихонов, В.А. Садовничий и др. М., 1995. С. 192–204,

⁵ Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века: социокульт. аспект. М., 2008; Краснова Ю.В. «Любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь»: образ «идеального» профессора (на материале российских университетов конца XIX – начала XX вв.) // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы. Чебоксары, 2008. С. 124–129.

ственной исторической науки на рубеже XIX–XX веков»¹, М.П. Мохначевой «Журналистика и историческая наука»², Л.Д. Ивановой «Формирование системы периодической печати в России на рубеже XIX–XX вв.»³ позволяют составить представление о структуре периодических изданий и основных уровнях коммуникативного пространства исторической науки. Привлечены и публикации, посвященные деятельности отдельных журналов и газет, с которыми сотрудничал С.Ф. Фортунатов⁴. Обращение к исследованиям, освещающим развитие политических идеологий в России, в частности либерализма и конституционализма⁵, обусловлено необходимостью всестороннего анализа политических взглядов С.Ф. Фортунатова.

Особую группу литературы составляют исследования о семье Фортунатовых. Эта уникальная династия дала России целую плеяду талантливых ученых и педагогов. Большая часть публикаций посвящена старшему брату Степана Федоровича – выдающемуся лингвисту Филиппу Федоровичу Фортунатову, однако в них преимущественно анализируются его научные взгля-

¹ Мамонтова М.А. Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 267–277.

² Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX в. М., 1998.

³ Иванова Л.Д. Формирование системы периодической печати в России на рубеже XIX–XX вв. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. №1. С. 42–47.

⁴ Богданова Е.М. Газета «Русские ведомости»: издатели-редакторы и сотрудники // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февр. 2012 г.). СПб., 2012. С. 181–189; Русская периодическая печать (1702–1894): справ. / Под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. М., 1959; Шигабутдинов Р.Р. Журнал «Критическое обозрение» в научной и общественной жизни России на рубеже 70–80 гг. XIX в. [Электрон. ресурс]. URL: [http:// do.gendocs.ru/docs/index-100089.html?page=14](http://do.gendocs.ru/docs/index-100089.html?page=14) [Дата обращения: 11.02.2015].

⁵ Медушевский А.Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX в. М., 2010; Сараева Е.Л., Волкова Т.И. Цивилизация русского общества периода модерна в контексте идей и деятельности «западнической» и земской интеллигенции // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/2. С. 38–49; Серых А.А. Поколение «восьмидесятников» и поколенческая идентичность русских историков рубежа XIX–XX вв. // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 158–171; Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX в. М., 2011; Циунчук Р.А. Идея народного представительства в России в 1904–1905 гг.: от совещательной к законодательной модели // Вест. экон., права и социологии. 2008. № 6. С. 100–110; Шнейдер К.И. Образы Запада и Россия в представлениях ранних русских либералов // Диалог со временем. 2009. Вып. 27. С. 243–262.

ды, а биографических же данных недостаточно¹. Имеется ряд научно-популярных публикаций об отце историка, Федоре Николаевиче Фортунатове², а также о его младшем брате – известном исследователе и педагоге в области статистики и сельского хозяйства А.Ф. Фортунатове³.

Подводя итоги обзора литературы, следует констатировать отсутствие специальных исследований о С.Ф. Фортунатове, однако комплекс проанализированной историографии позволяет определить тенденции общественно-политического и социально-экономического развития рассматриваемого периода, охарактеризовать развитие исторической науки, выявить основные этапы становления российского образования, оценить уровень развития историографии отдельных проблем, изучавшихся С.Ф. Фортунатовым, охарактеризовать его учителей и коллег. Таким образом, в историографии существует обойденная предшественниками насущная проблема исследования жизни и творчества С.Ф. Фортунатова.

Цель диссертационного исследования – реконструировать основные вехи биографии С.Ф. Фортунатова, проанализировать общественно-политические и социально-экономические условия формирования его мировоззрения и дать комплексную характеристику его научно-педагогической и общественно-публицистической деятельности.

¹ Кочергина В.А. Имя Ф.Ф. Фортунатова в истории кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского университета // Рус. филол. вестн. 1987. Т. 82. № 1/2. С. 16-26, Научное наследие академика Ф.Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2004; Толкачев А.И. Ф.Ф. Фортунатов [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=138&pid=160&sub=workabout> [Дата обращения: 03.04.2015]; Вековищева С.Н., Хухуни Г.Т. Ф.Ф. Фортунатов: между двумя парадигмами // Вестн. МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2013. № 6. С. 13-19; Щерба Л.В. Ф.Ф. Фортунатов в истории науки о языке // Вопр. языкознания. 1963. № 5. С. 89-93.

² Гришенков М. Учителя и ученые Фортунатовы // Красный Север. 1987. 20 окт.; Кошелев В.А. Вологодские давности: лит.-краевед. очерки. Архангельск, 1985; Пашков А.М. Фортунатов и изучение краеведения в учебных заведениях Олонецкой губернии во второй половине XIX в. // Традиция образования в Карелии. Петрозаводск, 1995 и др.

³ Петров К.В. Алексей Федорович Фортунатов [Электрон. ресурс]. URL: http://gallery.economicus.ru/cgibin/frame_rightn.pl?type=ru&links=./ru/fortunatov/biogr/fortunatov_b1.txt&name=fortunatov&img=brief.gif [Дата обращения: 01.03.2015)].

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) воссоздать историю семьи Фортунатовых как важнейший фактор формирования мировоззрения С.Ф. Фортунатова;
- 2) реконструировать биографию С.Ф. Фортунатова: выделить и охарактеризовать основные этапы его жизни и деятельности;
- 3) провести всесторонний анализ научно-педагогической деятельности С.Ф. Фортунатова, оценить его вклад в развитие российского образования и становление отечественной американистики;
- 4) охарактеризовать политические взгляды С.Ф. Фортунатова и его общественно-публицистическую деятельность;
- 5) определить место С.Ф. Фортунатова в коммуникативном пространстве московской интеллигенции конца XIX – начала XX вв.

Источниковая база исследования представляет собой комплекс опубликованных и неопубликованных материалов, которые можно разделить на несколько групп. Были привлечены 19 фондов из пяти архивов: Архив Российской академии наук (РАН), Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ РАН), научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы).

Первая группа – нормативные источники представляют собой университетские уставы 1863 и 1884 гг.¹, изучение которых позволяет определить регламентирующие условия функционирования учебных заведений, в которых преподавал С.Ф. Фортунатов. Также использован ряд постановлений по Министерству народного просвещения, в частности циркуляр 1867 г. «О пра-

¹ Общий устав и временный штат императорских российских университетов, а также описание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб., 1884; Университетский устав 1863 года. СПб., 1863.; Сравнительная таблица уставов университетов. 1884, 1863, 1835 гг. СПб., 1901.

вилах для отправления за границу молодых людей с целью приготовления к профессорскому званию»¹.

Второй группой являются документальные, делопроизводственные источники, абсолютное большинство которых не опубликовано. Прежде всего, это формулярные списки С.Ф. Фортунатова и его отца Ф.Н. Фортунатова, которые были обнаружены в фонде Канцелярии попечителя Московского учебного округа (ЦГА Москвы)².

Восстановить основные события учебы и службы С.Ф. Фортунатова в Московском университете позволяет комплекс документов из фонда Императорского Московского университета (ЦГА Москвы). Период его студенчества и подготовки к магистерскому экзамену – это списки студентов историко-филологического факультета (с указанием успеваемости по отдельным предметам)³, решения Совета университета о «допущении к испытанию на степень магистра всеобщей истории кандидата Степана Фортунатова»⁴, присуждении ему стипендии имени Т.И. Грановского⁵. Начало преподавательской деятельности С.Ф. Фортунатова в университете в должности приват-доцента зафиксировано в ряде документов: представлении ректора и письме Попечителя Московского учебного округа⁶, разрешении на чтение лекций⁷, распоряжениях об оплате⁸, учебных планах и распределении лекций⁹.

Очень важны материалы, связанные с наиболее спорным моментом биографии С.Ф. Фортунатова – его заграничной стажировкой: распоряжение попечителя Московского учебного округа о заграничной командировке¹⁰ и об отсрочке командировки для С.Ф. Фортунатова¹¹, свидетельство о направле-

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1871.

² ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4077.

³ Там же. Ф. 418. Оп. 477. Д. 50-51.

⁴ Там же. Оп. 42. Д. 221.

⁵ Там же. Оп. 43. Д. 248.

⁶ Там же. Оп. 476. Д. 208.

⁷ Там же. Оп. 54. Д. 433.

⁸ Там же. Оп. 54. Д. 433. Оп. 82. Д. 554. Оп. 83. Д. 429.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 395. Л. 9 об. – 10.

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. Л. 24, 24 об., 79, 79 об.

¹¹ Там же. Л. 25, 25 об., 48, 48 об.

нии на стажировку (с собственноручной подписью С.Ф. Фортунатова о его получении)¹, инструкция для прохождения научной командировки², а также решения совета университета и попечителя округа об исключении С.Ф. Фортунатова из списка лиц, командированных за границу³.

Особое место в группе делопроизводственных источников занимают протоколы заседаний историко-филологического факультета Московского университета, в которых получили отражение не только решения по различным вопросам жизни факультета, но и процесс их обсуждения⁴.

В эту группу также включены материалы, относящиеся к преподавательской деятельности С.Ф. Фортунатова в Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского и на Высших женских курсах: расписание занятий, учебные планы, отзывы преподавателей о работах студентов и т.п.⁵ Для сопоставления привлечены программы лекционных курсов других преподавателей кафедры всеобщей истории, в частности В.И. Герье⁶.

Отдельно следует выделить опубликованные отчеты учебных заведений, в которых преподавал С.Ф. Фортунатов. В «Отчетах о состоянии и действиях Императорского Московского университета» имеются сведения о защищенных на факультетах диссертациях, научных трудах преподавателей, заграничных стажировках, именных стипендиях студентов⁷. Также изучены «Обозрения преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета» и «Обозрения преподавания на историко-философском факультете Московских Высших Женских курсов», что позволило установить тематику лекционных курсов и семинарских занятий

¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. Л. 84.

² Там же. Л. 85, 85 об.

³ Там же. Л. 26, 27.

⁴ Там же. Оп. 476. Д. 1-5, 12.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 554. К. 2. Ед. хр. 59, К. 3. Ед. хр. 2; ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 1. Д. 54; РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Д. 612.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 70. Ед. хр. 24. Л. 1-3.

⁷ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1871-72 акад. и 1872 гражданском году. М., 1872.; Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета в 1872-73 акад. и 1873 гражданском году. М., 1873 и др.

С.Ф. Фортунатова¹. В отчеты Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского кроме общих сведений о работе учебного заведения включены учебные планы по всем отделениям, а также программы основных курсов².

По формальному признаку в рассматриваемую группу делопроизводственных источников можно отнести и автобиографию С.Ф. Фортунатова, хранящуюся в «Деле об определении, перемещении и увольнении должностных лиц Московского университета»³. Однако эта единственная собственноручно написанная автобиография является в то же время ценным источником личного происхождения (см. прил. 5).

Что касается эпистолярных источников, то к сожалению, С.Ф. Фортунатов, обладавший по свидетельству современников, «отвращением к писанию», крайне редко писал письма. Сохранилось всего два его письма к В.И. Герье, хранящиеся в НИОР РГБ⁴. Однако из переписки Я.Л. Барскова, П.Г. Виноградова, В.И. Герье, В.О. Ключевского, М.С. Корелина, А.А. Шахова, В.П. Преображенского, Ф.А. Смирнова можно выяснить существенные факты жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова⁵.

Уникальные свидетельства о С.Ф. Фортунатове содержатся в таких источниках личного происхождения как воспоминания его современников. Наиболее яркие характеристики даны известными историками А.А. Кизеветтером⁶ и П.Н. Милюковым¹. Они долгое время работали вместе с Фортунатовым

¹ Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на академический 1890-91 год. М., 1890; Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на академический 1891-92 год. М., 1891; Обзорение преподавания на историко-философском факультете Московских Высших Женских курсов в 1913-1914 учебном году. М., 1913 и др.

² Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. 1913-1914 акад. год. Год 6-й. М., 1913; Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Исторический очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. М., 1914 и др.

³ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп.2. Д. 4077.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 94.

⁵ Там же. Ф. 16. К. 1. Ед. хр. 4а, 4б; К. 3. Ед. хр. 99, К. 4. Ед. хр. 36; Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 93, К. 56. Ед. хр. 12; Ф. 131. К. 34. Ед. хр. 61; Ф. 119. К. 45. Ед. хр. 30.

⁶ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: 1881–1914. М., 1996.

(на Высших женских курсах, университете имени А.Л. Шанявского, в 4 гимназии), а также в газете «Русские ведомости», находились с ним в приятельских отношениях. Достаточно подробны и воспоминания С.М. Мельгунова², однако необходимо отметить, что в отличие от большинства своих коллег он достаточно негативно относился к С.Ф. Фортунатову. Мемуары Н.И. Кареева³ и Н.Г. Высотского⁴ позволяют подробнее реконструировать период обучения в Московском университете. Свидетельства М.М. Богословского⁵ касаются в основном преподавательской деятельности ученого. Очень интересны воспоминания учениц С.Ф. Фортунатова – В. Муромцевой⁶, С. Гиацинтовой⁷, Е.Н. Щепкиной⁸. В них отмечаются не только особенности преподавательского стиля историка, но и отношение к нему учащихся.

Примыкают к воспоминаниям дневники М.М. Богословского⁹, Ю.В. Готье¹⁰, М.С. Корелина¹¹, А.Н. Савина¹². В отличие от воспоминаний, в которых присутствует более или менее систематизированная оценка личности С.Ф. Фортунатова, в дневниках содержатся эпизодические, но порой бесценные сведения, как, например, единственное дошедшее до нас свидетельство Ю.В. Готье об обстоятельствах смерти и похорон С.Ф. Фортунатова. Определенный интерес представляют и материалы из фонда М.О. Гершензона, в частности его конспекты лекций С.Ф. Фортунатова¹³, а также титульный

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

² Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003.

³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

⁴ Высотский Н.Г. Из далекого прошлого (Воспоминания о студенческих годах в Московском университете) // Вест. воспитания. 1910. № 7. С. 150-170.

⁵ Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987.

⁶ РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 2519.

⁷ Гиацинтова С.В. С памятью наедине. М., 1985.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л.8, 10.

⁹ Богословский М.М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011.

¹⁰ Готье Ю. В. Мои заметки // Вопр. истории. 1991. № 12. С. 137-164.

¹¹ Корелин М.С. Дневник // Тетра Егора: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 273-449.

¹² Издание дневников А.Н. Савина только готовится к публикации. Благодарим А.В. Шарову за предоставленную рукопись.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 746. К. 11. Ед. хр. 41.

лист книги «Афинская полития Аристотеля и жизнеописания Плутарха» с дарственной надписью¹.

Важную роль в оценке жизни того или иного человека играют некрологи, содержащие первые, иногда эмоциональные, оценочные суждения о значении деятельности умершего. Так называемые «академические некрологи» знаменитых ученых играют важную роль в изучении их деятельности, так как содержат основные биографические сведения о жизни умершего, первые обобщенные оценки их научного наследия и определения их роли в развитии науки и образования. Однако смерть С.Ф. Фортунатова пришлось на суровый 1918 г., когда сложившаяся в университетской среде традиция поминовения ушедших приостановилась, поэтому удалось обнаружить лишь один краткий некролог С.Ф. Фортунатова². В качестве некролога может рассматриваться и рукопись статьи А.А. Кизеветтера «С.Ф. Фортунатов», которая хранится в фонде журнала «Голос минувшего» в АРАН³. Статья не имеет датировки, но написана явно после смерти С.Ф. Фортунатова. В ней А.А. Кизеветтер дает очень теплую, дружескую характеристику личности ученого и оценивает его место в среде московской интеллигенции. Эта статья так и не была опубликована в журнале «Голос минувшего»⁴. Можно предположить, что это произошло в силу того, что издатель и редактор журнала С.П. Мельгунов весьма негативно относился к С.Ф. Фортунатову.

В нашем распоряжении имеется и небольшое количество визуальных источников – это фотографии С.Ф. Фортунатова (отдельные и с членами семьи)⁵. Нам не удалось обнаружить личного архива С.Ф. Фортунатова, однако были использованы фонды других представителей династии Фортунатовых: брата Степана Федоровича – А.Ф. Фортунатова в НИОР РГБ (Ф. 377) и ЦГА

¹ РГАЛИ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1.

² Профессор С.Ф. Фортунатов. Некролог // Высш. шк. 1919. № 1. С. 62.

³ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 121.

⁴ «Голос минувшего» (Москва. 1913-1923). «На чужой стороне» (Берлин, Берлин-Прага, Прага. 1923-1925). «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж. 1926-1928). Систематическая роспись статей и заметок / Сост. и вступ. ст. Ю.Н. Емельянова. М., 2001.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 743. К.31. Ед. хр. 2.

Москвы (Ф. 642), а также его внучатого племянника И.К. Фортунатова в РГАЛИ (Ф. 3204). Из материалов этих фондов прежде всего следует выделить генеалогию рода Фортунатовых, которая была составлена А.И. Ушаковым и Н.И. Фортунатовой¹. В нее включены представители династии Фортунатовых начиная с XVIII в. с указанием не только дат жизни и семейно-брачных связей, но и сфер деятельности, основных заслуг.

В статье Э.С. Коган «К истории первой революционной ситуации в России»², посвященной деятельности старшего брата Степана Федоровича Е.Ф. Фортунатова, кроме подробного анализа его политических взглядов и деятельности в рядах народников имеются интересные сведения о семье Фортунатовых. Биографический очерк «Алексей Федорович Фортунатов (1856-1925)», написанный Г.А. Фортунатовым и И.К. Фортунатовым³, также включает материал о семье ученого. Имеющаяся в личных фондах А.Ф. Фортунатова достаточно обширная переписка в основном касается его коллег и друзей (за исключением нескольких телеграмм, отправленных родным)⁴. Особо можно выделить лишь письма ученого к В.И. Герье и его ответное послание⁵.

Самую значительную группу источников составляет творческое наследие С.Ф. Фортунатова, представленное научными трудами (монографии и статьи), рецензиями, публицистическими статьями, литографированными изданиями лекционных курсов и программ к ним. Именно анализ произведений С.Ф. Фортунатова позволяет дать наиболее полную характеристику его научно-педагогической и публицистической деятельности, охарактеризовать политические взгляды и общественную позицию ученого.

Для оценки вклада С.Ф. Фортунатова в развитие исторической науки и политической мысли важное значение имеет анализ исследований научных

¹ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79.

² Там же. Д. 246.

³ Там же. Д. 2.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 377. К. 1. Ед. хр. 29; К. 5. Ед. хр. 47.

⁵ Там же. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 93; Ф. 377. К. 2. Ед. хр. 31.

проблем, поднимаемых в его работах. Это прежде всего труды В.И. Герье¹ и представителей его школы – Н.И. Кареева², П.Г. Виноградова³, Р.Ю. Виппера⁴, а также ряда крупнейших западноевропейских историков XIX – начала XX вв., специалистов по истории США, Англии и Франции⁵. Для изучения политических взглядов С.Ф. Фортунатова необходимо обратиться к работам представителей российского либерализма рубежа веков – М.М. Ковалевского, С.А. Котляревского, П.Н. Милюкова и др.⁶

В ходе исследования рассмотрены и работы представителей династии Фортунатовых, в частности воспоминания Ф.Н. Фортунатова о Санкт-Петербургском университете⁷ и небольшие очерки об Олонецкой гимназии и Петрозаводском женском училище⁸, а также статьи А.Ф. Фортунатова, посвященные проблемам высшего образования⁹. Эти работы позволяют полнее охарактеризовать педагогические традиции, сложившиеся в семье Фортунатовых.

¹ Герье В.И. Из прошлого конституционного вопроса о народовласти и свободе // Вестн. Европы. 1905. № 5. С. 371-388; Его же. История Франции XVIII века. Последнее десятилетие. М., 1888; Его же. Современная историография Франции // Истор. вестн. 1880. Т. 2. Июнь. С. 522-544.

² Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879; Его же. История Западной Европы в Новое время. М., 1904. Т. 1-4 и др.

³ Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории. М., 1914.

⁴ Виппер Р.Ю. Учебник древней истории. М., 1907; Его же. Учебник новой истории. М., 1908.

⁵ Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. СПб., 1891; Еллинек Г. Правительство и парламент в Германии. История развития их отношений. М., 1910; Олар Ф. Политическая история Французской революции. М., 1938; Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897 и др.

⁶ Ковалевский М.М. Учение о личных правах // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 168-212; Его же. Происхождение современной демократии. СПб., 1912; Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907; Шелгунов Н.В. Борьба поколений // Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб., 1895. С. 631-650.

⁷ Фортунатов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830-1833 гг. М., 1869.

⁸ Фортунатов Ф.Н. Историческая записка о пятидесятилетии Олонецкой гимназии. СПб., 1858; Его же. Историческая записка об открытии в Петрозаводске женского училища 1 разряда. СПб., 1861.

⁹ Фортунатов А.Ф. Зачем люди идут в высшую школу. М., 1910; Его же. О студенческом творчестве. М., 1912; Его же. О студенческом интересе. М., 1915.

Отдельную группу источников составляют различные справочные материалы: о гимназиях, где учился и преподавал С.Ф. Фортунатов¹, сборник «Русские ведомости»², «Адрес-календари жителей Москвы» за разные годы³.

Завершая характеристику источниковой базы исследования, следует отметить, что отсутствуют источники, в которых более или менее полно освещается биография С.Ф. Фортунатова или характеризуется вся его деятельность. Сложность исследовательского поиска в диссертационной работе заключалась в кропотливом синтезе отрывочных свидетельств о жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова из разных источников. Не сохранилось его личного архивного фонда, что можно объяснить тем, что в 1918 г., после смерти старого холостяка, жившего на съемной квартире, не нашлось человека, который бы позаботился о сохранении его наследия. В условиях отсутствия прямых свидетельств приходилось тщательно изучать «фон», окружение историка и восстанавливать важные факты его биографии посредством косвенных свидетельств. Поэтому, несмотря на фрагментарность сведений, привлечение разнообразных источников позволило реконструировать биографию С.Ф. Фортунатова и дать комплексную оценку его деятельности.

Научная новизна исследования. Автор диссертационной работы выявлен комплекс опубликованных и неопубликованных источников о жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова. Впервые в историографии воссоздана история рода Фортунатовых и реконструированы основные вехи жизненного пути С.Ф. Фортунатова. В работе представлен комплексный анализ научного наследия ученого, определен его конкретный вклад в становление отече-

¹ Гулевич С. Историческая записка о 50-летию Московской 2-й гимназии (1835-1885). М., 1885; Двадцатипятилетие Московской частной гимназии С.А. Арсеньевой. 1873-1898. М., 1899; Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С.Н. Фишер с 1-го сентября 1872 г. по 1-е сентября 1912 г. По материалам, собранным Г.Б. Фишером / сост. И. Владимировский. М., 1912.

² Русские ведомости. 1863-1913: сб. ст. М., 1913.

³ Московская памятная книжка или адрес-календарь жителей Москвы на 1869 год. М., 1868, Московская памятная книжка или адрес-календарь жителей Москвы на 1869 год. М., 1869, Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1913 год. М., 1913, Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1914 год. М., 1914 и др.

ственной американистики, дана оценка педагогической деятельности, проанализированы его лекционные курсы. Впервые охарактеризованы политические взгляды историка и его публицистические работы. В научный оборот введены более 40 архивных документов о жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова, создана библиография его работ.

Указанные положения соответствуют пунктам 12. История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; 17. Личность в российской истории, ее персоналии; 20. История семьи; 22. Интеллектуальная история России Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования позволяют уточнить теоретические положения выделения концепта «человек второго плана», возможности использования «казуального подхода» в изучении конкретной личности.

Результаты исследования могут найти практическое применение в общих исследованиях развития истории исторической науки, истории российского образования, истории отечественной журналистики. Воссозданные факты биографии С.Ф. Фортунатова и его семьи позволят уточнить данные статей из энциклопедий и словарей. Результаты исследования могут быть использованы при преподавании истории России, истории исторической науки и в спецкурсах.

Методология и методы исследования. Особенности личности С.Ф. Фортунатова и его положения в научной среде, а также крайняя фрагментарность свидетельств о его жизни и деятельности обусловили обращение к двум методологическим подходам, востребованным в современной историографии – «казуальному подходу», разработанному Ю.Л. Бессмертным и концепту «человек второго плана в истории».

Ю.Л. Бессмертный рассматривал казус преимущественно в двух аспектах: как нечто стереотипное, которое мы вычленим из общей массы и которое ярко иллюстрирует общую психологию, реальную социальную практику,

и как нечто универсальное, неповторимое, как отклонение от этой сложившейся практики, как не вписывающееся в общую коллективную психологию, стереотип поведения¹. Казус может послужить точкой отсчета, началом развития иной социальной практики, иного стереотипа поведения, характерного для более позднего этапа развития общества. Ответы на важнейшие вопросы исследователь ищет в анализе конкретного казуса: как человек прошлого делает свой выбор, какими мотивами он при этом руководствуется, как претворяет в жизнь свои интенции и, что особенно интересно, насколько он способен при этом проявить свою индивидуальность и в какой мере оставить на происходящем свой индивидуальный «отпечаток». Иными словами, главная новация казусного подхода заключается прежде всего в том внимании, которое уделяется индивиду и личности: возможностям и функциям отдельного человека в разные эпохи и соответствующим казусам, в которых выявляется противостояние конкретного человека и окружающей его социальной среды.

Исследователи стремятся в первую очередь понять, насколько индивид в состоянии пренебречь обычными стереотипами и действовать вопреки им. Индивид, которому это удавалось, заслуживает особого внимания, и не только потому, что он создает своими действиями прецедент поведения в данном обществе. Не менее (если не более) важно понять его собственное своеобразие, импульсы и стимулы его нестандартных интенций, их резонанс и последствия для культурных канонов². «Казуальный подход» к исследованию жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова позволяет выявить нетипичность его поведения, роль этих девиаций в его карьере и в формировании отношения к нему окружающих.

В условиях характерного для современной науки внимания к микроистории и одновременно к массовым видам источников весьма продуктивным оказался поворот к исследованию «фигур второго плана». Это люди, дея-

¹ Бессмертный Ю.Л. Что за «Казус»...? // Казус. 1996. № 1. С. 7.

² Земцов В.Н. Микроистория: итоги 15-летнего пребывания в России // Урал. ист. вестн. 2010. № 4. С. 5.

тельность которых составляет фундамент изучаемой эпохи, и дает основу для подвижничества выдающихся личностей. Характерная для XIX в. идеализация роли личности в истории сменилась в XX в. марксистскими исследованиями роли народных масс и антропологическим поворотом историографического направления «Анналы». Крайности этих направлений может примирить изучение «Человека второго плана» как личности, внесшей определенный вклад в общее дело, типичного представителя своей эпохи, но со своим индивидуальным лицом.

В рамках исследовательского издательского проекта «Человек второго плана в истории» разрабатывается типология этого концепта. В теоретических поисках участников этого проекта «человек второго плана» занимает «стратегически важный “плацдарм” между “безмолвствующим (и безымянным) большинством”, “типичным человеком” и “актерами”, “творцами истории”»¹. А.В. Корневский определяет человека второго плана как незаурядную личность, «но не претендующую на движущую роль в истории, не обгоняющую время, но тем не менее, как никто другой отражающую в делах и мыслях основные коллизии своей эпохи»². В.П. Корзун и Д.М. Колеватов определяют предметное поле изречения «человека второго плана» как «промежуточный, пограничный тип личности, наименее, пожалуй, типологически исследованный», находящийся между «человеком массы» и «титанами и героями»³. По мнению Н.А. Мининкова, А.В. Корневского и А.Е. Иванеско «человек второго плана» – «это акторы, действующие лица истории, которых современники сочли достойными упоминания в анналах, но которые не воспринимались в качестве «творцов истории», которые в силу сознательного

¹ Мининков Н.А., Корневский А.В., Иванеско А.Е. Человек второго плана в контексте современной историографии // Человек второго плана в истории / отв. ред Н.А. Мининков. Вып. 2. Ростов-н/Д., 2005. С. 6.

² Корневский А.В. Неукротимый ересиарх (штрихи к портрету Н.С. Ильина) // Человек второго плана в истории / отв. ред Н.А. Мининков. Ростов-н/Д., 2004. Вып. 1. С. 80.

³ Корзун В.П., Колеватов Д.М. На первый - второй рассчитайся: человек второго плана как исследовательский проект // Диалог со временем. 2009. Вып. 28. С. 343.

выбора или суммы обстоятельств не оказались на исторической авансцене, но сохранили свой персональный «голос»»¹.

Под «человеком второго плана» следует понимать не обыденное представление антитезы лидер–масса, а выделение некоего третьего субъекта этой связи как незаурядной личности, деятельность которой создает некий фундамент, плацдарм для творческих свершений лидеров. Это личность, которая выделяется из общей массы, но ее вклад не сравним с вкладом выдающихся исторических личностей. Именно таким «человеком второго плана» был С.Ф. Фортунатов. Несмотря на свою «нетипичность», и во многом благодаря ей он являлся важным актором в российской истории эпохи рубежа XIX–XX вв. Без исследования этой «фигуры второго плана» картина развития российской исторической науки и отечественного образования будет неполной.

В диссертационном исследовании использована совокупность общенаучных принципов системности, историзма, объективности, на которые опираются общеисторические, специально-исторические и конкретно-проблемные методы. Принцип системности отразился в рассмотрении жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова во взаимодействии со сложноорганизованной системой общественно-политических условий, социокультурной среды и когнитивными процессами исторического познания, отразившимися в тенденциях развития науки и образования. Принцип историзма проявился в изучении предмета исследования в его генетических связях и эволюции. Принцип объективности определяется репрезентативностью анализа разнообразного комплекса источников.

Общенаучные методы восхождения от конкретного к абстрактному, от абстрактного к конкретному тесно связаны с методами анализа и синтеза, индукции и дедукции. Метод систематизации позволил объективно проанализировать наследие С.Ф. Фортунатова. Специально-исторические методы (истори-

¹ Мининков Н.А., Кореневский А.В., Иванеско А.Е. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // В тени великих: образы и судьбы. СПб., 2010. С. 23.

ко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический) дали возможность выявить особенности условий жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова, оценить его место в ряду представителей русской исторической науки.

Как конкретно-проблемный использовался биографический метод. В исследовании также применен коммуникативный подход, заключающийся в рассмотрении жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова в коммуникативном пространстве российской науки конца XIX – начала XX вв. Использование ретроспективного метода позволило применить современные теоретические и методологические положения науки к событиям конца XIX – начала XX вв.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. История семьи Фортунатовых должна стать предметом специальных исследований, поскольку это яркий пример просветительской деятельности и воспитательного потенциала российской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. Именно семья оказала определяющее воздействие на формирование мировоззрения С.Ф. Фортунатова.

2. Преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в Московском университете, на Высших женских курсах и в Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского представляет собой важную страницу в развитии преподавания зарубежной истории в российской высшей школе, так как С.Ф. Фортунатов, взяв за основу страноведческий подход, впервые стал преподавать ряд курсов по современной истории.

3. С.Ф. Фортунатова следует считать одним из основоположников отечественной американистики, заложившим основы изучения истории США в нашей стране.

4. Определяя политические взгляды С.Ф. Фортунатова как либеральные, можно считать, что неудача с защитой его магистерских диссертаций определялась не столько недостатками его научных трудов, сколько отраженными в них либеральными взглядами.

5. Публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова носила, по сути, просветительский характер, способствуя распространению в широких кругах исторических знаний и либеральных идей конституционализма.

6. С.Ф. Фортунатов занимал значимое место в коммуникативном пространстве московской интеллигенции конца XIX – начала XX вв., выступал определенным связующим звеном между различными группами ученых, преподавателей высшей школы, гимназическими учителями и журналистами.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность выводов диссертации подтверждается репрезентативностью источниковедческой базы, уровнем историографического анализа и совокупностью научных методов исследования. Основные положения диссертационной работы были представлены на следующих конференциях: международных – «Социальная модернизация стран постсоветского пространства: исторические тенденции и казахстанский опыт» (Актобе, 2013), «Историк в историческом и историографическом времени» (Казань, 2013), и всероссийских – «Патриотизм в России: история и современность (к 400-летию воцарения династии Романовых)» (Чебоксары, 2013), «Образы власти в гуманитарных исследованиях. 18-е чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского» (Нижний Новгород, 2013), «Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов» (Чебоксары, 2014), «Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации» (Казань, 2014), «Университеты в системе развития и интеграции России» (Омск, 2014 г.), «Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. VI Арсентьевские чтения» (Чебоксары, 2015). По теме исследования опубликовано 13 научных статей (общим объемом 4,31 п.л.), в том числе пять статей в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, утвержденных ВАК при Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ГЛАВА I

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ С.Ф. ФОРТУНАТОВА

1.1. История семьи Фортунатовых как важнейший фактор становления личности С.Ф. Фортунатова

Реконструкция биографии С.Ф. Фортунатова невозможна без анализа исторической обстановки и среды, которые оказали значительное влияние на становление его личности. Именно семья сыграла основополагающую роль в формировании его мировоззрения. Фортунатовы являются ярким примером династии, на протяжении нескольких поколений преданно служившей России на ниве образования и просвещения.

Генеалогические корни рода Фортунатовых восходят к XVII в. Их предки происходили, по всей видимости, из с. Палех, где они не только крестьянствовали, но и занимались иконописью¹. Основателем рода можно считать Федора Никитича (1725 – ок. 1790), сына иконописца Никиты Кузьмича. Ему удалось выйти из крестьянского сословия, окончить семинарию, где он и получил фамилию Фортунатов². Впоследствии он служил священником в с. Палех. Два его сына, Василий Федорович и Матвей Федорович, также стали священниками в родном селе, а трое других служили в Вологде учителями. С них и начинается педагогическая династия Фортунатовых.

Алексей Федорович Фортунатов (1777-1828) был старшим учителем естественной истории в Вологодской гимназии. Он интересовался краеведением и минералогией, был членом-корреспондентом Вольного Экономического общества³. Его интересы, отразившиеся в публикациях, были достаточно разноплановыми – это и «Метеорологические наблюдения и разные

¹ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 1 об.

физические замечания, сделанные в Вологде», и «Вологодский провинциальный словарь», и целый ряд статей по проблемам сельского хозяйства¹. Так, в «Вестнике Европы» за 1826 г. было напечатано его исследование о скотоводстве, рыболовстве и пчеловодстве в Вологодском уезде².

Иона Федорович Фортунатов (1756–1802) был старшим учителем Главного народного училища в Вологде, имел чин титулярного советника, а *Петр Федорович Фортунатов (ок. 1759 – 1815/20)* заведовал канцелярией этого училища, а затем – канцелярией Вологодской гимназии³. Сын последнего, *Николай Петрович Фортунатов (1783-1831)*, сначала преподавал физику и математику в Вологодской гимназии, затем занимал должность инспектора местной губернской гимназии. Он получил за безупречную службу потомственное дворянство. Тогда же был пожалован герб Фортунатовых: золотая липа на голубом фоне⁴. Н.Ф. Фортунатов интересовался историей и краеведением, являлся автором многих публикаций по истории и культуре Вологодской губернии. Некоторые из его 9 детей также выбрали учительскую карьеру (в частности, две дочери), но наибольших успехов достиг старший сын Федор, отец Степана Фортунатова, оказавший на формирование личности последнего определяющее влияние.

Федор Николаевич Фортунатов родился в Вологде 1 февраля 1814 г. Рано обучившись чтению и письму, он окончил гимназию в возрасте 12 лет и должен был ждать достижения 16-летия для поступления в университет (ранее этого возраста подавать документы было нельзя)⁵. Выбор Фортунатовых падает на Петербургский университет. В январе 1830 г. Федора принимают без вступительных испытаний на историко-филологический факультет в качестве «казенного студента» (без оплаты за обучение), что было немаловажно для Фортунатовых ввиду тяжёлого материального положения многодет-

¹ Кошелев В.А. Указ соч. С. 96.

² Фортунатов А. Записки по части сельского домоводства в Вологодском уезде // Вестн. Европы. 1826. Ч. 150. № 23 С. 205-237.

³ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1, 1 об.

⁵ Фортунатов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете ... С. 3.

ной учительской семьи. За годы обучения в университете Ф.Н. Фортунатов зарекомендовал себя как талантливый и усердный студент, проявляя особые успехи в изучении древних языков. Он становится одним из первых вологжан, закончивших Петербургский университет (на момент его поступления в Вологде не было ни одного выпускника этого учебного заведения).

Ф.Н. Фортунатов в своих воспоминаниях об университете с большой теплотой отзывался о многих преподавателях, с некоторыми он впоследствии поддерживал дружеские связи. Так, он очень высоко оценивал преподавание богословских наук настоятелем университетской церкви В.Б. Бажановым (впоследствии духовник Александра II). Он вспоминал, что «и горем и радостью делились мы с нашим законоучителем, обращаясь к нему в часы недоумений и тревог душевных. И за стенами университета, через много, много лет, бывшие его ученики находили у него благовременную помощь в разных невзгодах душевных»¹. Ф.Н. Фортунатов был глубоко верующим человеком, и впоследствии своих детей он стремился воспитать в христианском духе.

Из всех своих учителей Ф.Н. Фортунатов особо выделял Федора Богдановича Грефе (1780-1851), который преподавал древние языки. Все в профессоре восхищало студента: и его знание предмета, и манера изложения материала, и отношение к студентам, и даже необыкновенная пунктуальность. Так, он не позволял себе не только без уважительной причины пропускать лекции, но даже опаздывать, что было для других преподавателей вполне обычной практикой. После окончания университета Ф.Н. Фортунатов многие годы поддерживал связь со своим наставником, который продолжал оказывать ему всяческую поддержку и покровительство. Благодаря своим хорошим отношениям с министром просвещения С.С. Уваровым Ф.Б. Грефе смог добиться в 1836 г. для Ф.Н. Фортунатова разрешения в порядке исключения совмещать должность инспектора Вологодской гимназии и учителя грече-

¹ Фортунатов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете ... С. 10-11.

ского языка с сохранением жалования¹. Следует отметить, что Ф.Б. Грефе оказал огромное влияние на Ф.Н. Фортунатова, оставаясь для него непрерываемым авторитетом, не только как специалист в области древних языков, но и как педагог. В дальнейшем в деятельности Федора Николаевича наблюдается стремление следовать примеру своего учителя: та же беззаветная преданность своему делу, высокий профессионализм, внимание к ученикам.

После окончания университета Ф.Н. Фортунатов в 1833 г. был удостоен степени кандидата и с ноября того же года получил назначение старшим учителем истории и статистики в родную гимназию. Вместе с тем Федор Николаевич не оставлял надежд на продолжение образования. В его формулярном списке сохранилось сообщение, что Фортунатов «посвятив себя филологии, был экзаменован в Академии Наук с 5 товарищами в языках греческом, латинском, французском и немецком и признан достаточно подготовленным для поступления в профессорский институт Императорского Дерптского университета и подающим надежду к успешному прохождению избранного им поприща»². В это время большинство профессоров университетов в стране были из числа иностранцев. Для расширения количества российских профессоров была открыта специальная профессорская школа (профессорский институт) в Дерпте. Это уникальное учебное заведение пользовалось большой славой в России. Среди его выпускников можно отметить таких известных ученых как М.С. Куторгу, М.М. Лунина, Н.И. Пирогова и др.³

Однако, Федору Николаевичу мечты о подготовке к профессорской деятельности пришлось оставить, так как на него как на старшего сына после смерти от холеры родителей легли заботы о младших братьях и сестрах. В октябре 1833 г. «принимая в соображение как слабое здоровье, так равно и бедственное положение семейства» он был отчислен из списка воспитанни-

¹ Фортунатов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете ... С. 15.

² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 299. Л. 24 об.

³ См. подробнее: Карнаух М.В. Указ соч. С. 94-99.

ков¹. Вернувшись в Вологду, он полностью посвятил себя работе, но вместе с тем находил время для общественной и публицистической деятельности.

По службе Ф.Н. Фортунатов продвигался достаточно быстро. 2 апреля 1837 г. попечитель Петербургского учебного округа дал согласие «дабы исправление должности инспектора при Вологодской гимназии было поручено старшему учителю истории и статистики Фортунатову». Но назначение состоялось не сразу. Ф.Н. Фортунатов был утвержден инспектором гимназии только 25 января 1838 г. по повторному представлению директора училищ губернии, и вместе с тем продолжал вести уроки по греческому языку, истории и статистике. В разное время Федор Николаевич преподавал в гимназии русскую словесность, логику, французский язык. Кроме своих прямых обязанностей ему приходилось неоднократно исполнять различные особые поручения министерства народного просвещения. Так, в 1842 г. он был командирован для осмотра гимназий в Харьковскую и Воронежскую губернии².

Несмотря на то, что служебная деятельность занимала у него много времени и сил, Федор Николаевич активно участвовал в общественной жизни Вологодской губернии. В 1836 г. он вошел в состав Вологодского губернского статистического комитета в звании члена-корреспондента, а вскоре становится признанным его руководителем. С 1838 г. он является редактором местных губернских ведомостей, где постоянно публикует свои заметки и статьи по проблемам образования и духовно-нравственного воспитания (например, «Источники успеха нравственного воспитания в общественных заведениях», «Каков должен быть наставник» и др.)³. По собственной инициативе (при одобрении директора училищ губернии) он проводил занятия по методике преподавания с учителями уездных и городских училищ⁴.

¹ Костина Т.В. Воспитанники Санкт-Петербургского университета в Дерптском профессорском институте // Петербургские исследования: альманах. 2011. № 3. С. 224.

² Поржезинский В. Ф.Ф. Фортунатов: некролог // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1914. Ч. 54. Декабрь. С. 182.

³ Поржезинский В. Филипп Федорович Фортунатов. М., 1914. С. 3.

⁴ Гришенков М. Учителя и ученые Фортунатовы // Красный Север. 1987. 20 октября.

В Вологде 30-40-х гг. XIX в. Ф.Н. Фортунатов был очень заметной фигурой. По воспоминаниям современников, обладая глубокой эрудицией и мягким характером, он неизменно привлекал к себе самых разных людей. Умный и интересный собеседник, талантливый организатор, он был в центре общественной жизни губернского города. Вокруг него группируется большой литературный кружок, о котором тепло отзывался редактор «Вологодских губернских ведомостей» В.И. Соколовский (известный поэт, находившийся в Вологде под надзором полиции): «Инспектор здешней гимназии в этом кружке – самый деятельный, и самый “положительный”, и самый бескорыстный. Именно он, когда потребовалась его помощь, добровольно взвалил на свои плечи всю “неофициальную часть” “Вологодских губернских ведомостей”»¹.

С Ф.Н. Фортунатовым непременно встречались писатели и ученые, посещавшие Вологду. Так, в 1841 г. у него побывал М.П. Погодин, в 1847 г. – С.П. Шевырев. Постепенно у Ф.Н. Фортунатова складываются обширные и довольно прочные литературные связи: с М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым, И.И. Дмитриевым — в Москве; А.А. Краевским, П.А. Плетневым, Н.И. Надеждиным – в Петербурге².

В 1852 г. приказом Министерства народного просвещения Ф.Н. Фортунатов в звании коллежского советника был переведен в Петрозаводск на должность директора Олонецкой губернской мужской гимназии и одновременно директора народных училищ. И на новом месте Федор Николаевич сумел проявить себя как талантливый педагог и активный общественный деятель.

Одним из направлений педагогической деятельности Ф.Н. Фортунатова в Петрозаводске стало развитие краеведения³. Знаток и большой почитатель народной поэзии, он стремился расширять использование краеведческих ма-

¹ Кошелев В.А. Указ соч. С. 97.

² Там же. С. 98.

³ Пашков А.М. Указ. соч. С. 54–56.

териалов в преподавании. По его инициативе в Олонецкой гимназии с 1852 г. было «обращено особое внимание на выбор тем для сочинений, относящихся до нашего края»¹. Благодаря Ф.Н. Фортунатову гимназия стала своеобразным центром изучения краеведения. Так, став директором, он в том же 1852 г. пригласил на должность учителя русской словесности Федора Ивановича Дозе, выпускника Санкт-Петербургского университета, которого хорошо знал по Вологде и на которого мог положиться.

Ф.Н. Фортунатов стремился прививать ученикам гимназии любовь к родной истории и литературе. По его инициативе учителя русской словесности и истории всячески поощряли учащихся к чтению сочинений лучших отечественных писателей и историков, вплоть до выдачи книг на дом. Также Федор Николаевич неуклонно проводил линию по развитию творческих способностей учащихся, стремился привить им навыки самостоятельного исследования. Показательна в этом отношении традиция, введенная им в гимназии с 1852 г.: все ученики 7-го класса должны были разрабатывать историческую тему по данным им источникам. Он писал: «Не довольно того, чтобы учащиеся в гимназии запасались многоразличными сведениями в разных отраслях наук; эти материалы, обогащающие и изошряющие память, тогда только приносят должную пользу, когда обладающий ими умеет распоряжаться и пользоваться запасом познаний, а для этого единственным и вернейшим средством служит собственное упражнение в сочинениях, развивающее мыслительную способность, дар наблюдения и соображения»². Как актуальны и сегодня эти рассуждения!

Федор Николаевич очень много сделал для развития образования в Олонецкой губернии. Именно благодаря его стараниям в Петрозаводске в 1861 г. было открыто женское училище. В торжественной речи, посвященной этому событию он восклицал: «Приветствую вас, вступающие питомцы

¹ Фортунатов Ф.Н. Историческая записка о пятидесятилетии Олонецкой гимназии. СПб., 1858. С. 9.

² Там же. С.11.

нового учебного заведения! Стократ счастливы вы в сравнении с теми, которые до сих пор вырастали, лишенные возможности озарять ум свой светом наук! Приветствую в вас будущих образованных матерей семейств, которые сами в свою очередь и в семействах своих и вне их будут разливать живительный свет просвещения. Приветствую в вас будущих благоразумных домохозяек, умудренных наукою и правильно ознакомленных со всем, что необходимо знать об окружающих нас предметах»¹.

В 1863 г., выйдя в отставку, Ф.Н. Фортунатов с семьей переехал в Москву. Здесь он еще несколько лет преподавал педагогику в Филаретовском епархиальном училище. Он продолжал писать, его статьи публиковались в периодических изданиях Москвы, Петербурга, Вологды и Петрозаводска. Значительная часть его работ была посвящена Вологде и стала по праву классикой краеведческой литературы: «Памятные заметки Вологжанина», «Воспоминание об архиепископе Иринее», «Заметки и дополнения Вологжанина к статье об А.П. Мельгунове (Из записок, семейных бумаг и памяти)», «О старинных русских костюмах в Грязовецком и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии» и др. В этих статьях на основе преданий и исторических документов он восстанавливал многогранную картину жизни родного города в XVII-XVIII вв.²

Семейная жизнь Федора Николаевича складывалась не просто. Он рано лишился жены – Юлия Алексеевна (дочь А.А. Монакова (1780-1860), служившего в Вологодской казенной палате)³ умерла в 1857 г., когда младшему сыну Алексею был всего год. Непродолжительным оказался и второй брак – Александра Карловна (Спенглер) умирает в 1862 г. На руках у Федора Николаевича остались пять сыновей и три дочери, и всем он смог дать достойное воспитание и образование. Скончался Федор Николаевич в Москве 18 ноября 1872 г. и был погребен на кладбище Алексеевского монастыря⁴.

¹ Фортунатов Ф.Н. Историческая записка о пятидесятилетии Олонецкой гимназии. С. 8-9.

² Кошелев В.А. Указ. соч. С. 99.

³ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 1 об.

⁴ Поржезинский В. Ф.Ф. Фортунатов: некролог. С. 184.

Ф.Н. Фортунатов был незаурядным человеком, свою любовь и преданность педагогической и просветительской деятельности он сумел не только пронести через всю жизнь, но и привить своим детям. Н.Г. Высотский в своих воспоминаниях отмечал: «Дом Фортунатовых был как будто насквозь пропитан ученостью, и было бы странно и непонятно, чтобы сыновья глубоко преданного науке Федора Николаевича Фортунатова не стремились к кафедре»¹.

Естественно отец очень много значил для Степана, потерявшего мать в семь лет, но, на наш взгляд, не меньшим было и влияние других членов семьи, прежде всего это сестер *Марии Федоровны (1839-1882)* и *Екатерины Федоровны (1844-1879)*. Они не только окружили младших братьев поистине материнской заботой, но и повлияли на становление их личности. И Мария, и Екатерина были широко образованы, Екатерина преподавала иностранные языки, Мария была активной «деятельницей воскресных школ», занималась распространением произведений Герцена². Сестры сделали дом Фортунатовых в Петрозаводске местом, где встречались многие политические ссыльные³ (за одного из них – революционера-шестидесятника П.В. Завадского Мария вышла замуж)⁴. На протяжении всей жизни сестры старались поддерживать своих братьев, всегда откликались на их просьбы⁵. Взаимопонимание и взаимопомощь были характерны для всех членов этой большой и дружной семьи (см. прил. 3).

Старший из братьев, *Евгений Федорович Фортунатов (1841-1866)* после окончания гимназии в Петрозаводске в 1857 г. поступил в Главный педагогический институт на историко-филологическое отделение, а после его закрытия в 1859 г. перевелся в Петербургский университет. После успешного завершения курса учебы в университете он был оставлен на кафедре славянских языков и в мае 1862 г. отправлен на три года на стажировку в Прагу в

¹ Высотский Н.Г. Указ. соч. С. 170.

² РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 2. Л. 1а.

³ Там же. Д. 246. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 1а; Д. 79. Л. 2.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 377. К. 1. Ед. хр. 29. Л. 1.

Карловский университет¹. Е.Ф. Фортунатов подавал большие надежды как начинающий ученый-исследователь, но в возрасте 25 лет он скорострительно скончался от туберкулеза².

В период учебы в Петербурге Евгений достаточно близко сошелся с революционными демократами и в письмах к отцу подробно писал о студенческих волнениях и встречах с участниками революционных организаций.³ Это явно свидетельствует, что в семье Фортунатовых были достаточно доверительные отношения между отцом и детьми. Ф.Н. Фортунатов в ответных письмах, однако, не разделял радикальных настроений своего сына и советовал остерегаться такой общественной активности, напоминая, что в семье семеро малолетних братьев и сестер, и сыну надо более ответственно относиться к своей судьбе.⁴ Евгений, по всей видимости, считал эти советы совершенно неприемлемыми с точки зрения понимания общественного долга, лишь постепенно в своих письмах стал более сдержанно рассказывать о подобных событиях, часто уточняя, что сам он в них не участвовал, а передает с чужих слов. В своих письмах родным Е.Ф. Фортунатов сообщал и о новостях литературной жизни Петербурга, излагал наиболее важные с его точки зрения высказывания преподавателей института и университета по вопросам истории, религии, рассказывал о своих занятиях, давал оценку специальной литературы. Характерно, что он выделял прежде всего труды, посвященные революциям, движениям народных масс. Так, восхищаясь работами Г.Г. Гервинуса, он отмечал, что автор «подробно доказывает слабость консерватизма в настоящее время и свежесть сил либерализма Запада! Это самое значительное место»⁵. Позднее идеи либерализма и конституционализма будут занимать центральное место в сфере научных интересов Степана Федоровича. Поэтому, возможно, что

¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 299. Л. 24; РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.

² РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 246. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 5.

именно старший брат и сестры оказали непосредственное влияние на формирование его общественно-политических взглядов.

Второй брат Степана Федоровича, *Филипп Федорович Фортунатов* (1848–1914) (см. прил. 3) достаточно рано проявил способности к древним языкам, поэтому после переезда в Москву отец выбрал для него именно ту гимназию, где лучше всего было поставлено преподавание греческого и латинского языков. Это была 2-я мужская гимназия, которую он и закончил в 1864 г. с серебряной медалью и правом поступления в университет без экзамена¹. Ф.Ф. Фортунатов выбрал историко-филологический факультет Московского университета, где он с первого курса заинтересовался сравнительным языкознанием. Он усердно учился, начал изучать санскрит. Но кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков, созданная в 1863 г., была плохо укомплектована кадрами, и преподавание в этой области не было организовано должным образом. Как отмечает ученик Ф.Ф. Фортунатова В.К. Поржезинский: «Для Филиппа Федоровича, который к концу университетского курса успел самостоятельно приобрести большую и солидную ученость в области языковедения, университет официально давал слишком мало, и неудивительно, что он, в особенности на старших курсах, даже вообще редко ходил на лекции»².

В 1868 г., окончив университетский курс первым кандидатом, Ф.Ф. Фортунатов был оставлен при кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков для приготовления к профессорскому званию³. В 1871 г. он успешно сдал магистерский экзамен. В том же году началась и его научная деятельность – вместе с В. Миллером он совершил длительную поездку в Литву для изучения литовских говоров, результатом которой стало издание сборника литовских народных песен. С 1 октября 1871 г. министерство отправляет молодого магистранта за границу. Эту стажировку

¹ Гулевич С. Указ соч. С. 273.

² Поржезинский В. Ф.Ф. Фортунатов: некролог. С. 192.

³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 299. Л. 2.

Ф.Ф. Фортунатов использовал для интенсивной работы. В Тюбингене он под руководством лучшего в то время знатока вед профессора Рота занимался изучением «Ригведы» и «Авесты», в Лейпциге слушал ведущих младограмматиков Г. Курциуса и А. Лескина, в Париже – основоположника М. Бреаля, в Берлине – известных филологов Г. Вебера и Г. Эбеля, в Кенигсберге его занятия сосредоточивались в основном на изучении рукописей и старопечатных книг на литовском языке. За период стажировки он собрал материал для своей магистерской диссертации, изучил язык пали¹.

После возвращения в Москву в 1873 г. Ф.Ф. Фортунатов продолжил работу над диссертацией, которую успешно защитил 6 октября 1875 г. Оппонентами выступали А.Л. Дювернуа и Ф.Е. Корш. Это было первое в России исследование по сравнительной грамматике индоевропейских языков. По предложению Ф.Е. Корша, поддержанному В.И. Герье, Ф.И. Буслаевым, К.К. Герцем и Н.С. Тихонравовым, Ф.Ф. Фортунатов был единогласно избран доцентом на вакантную кафедру сравнительной грамматики индоевропейских языков². Преподавательская деятельность Ф.Ф. Фортунатова в Московском университете продолжалась вплоть до его переезда в Санкт-Петербург в 1902 г. За четверть века он прочел множество разнообразных университетских курсов по сравнительно-исторической грамматике, общему языкознанию и древним индоевропейским языкам и стал основоположником Московской (или фортунатовской) лингвистической школы.

В 1884 г. Ф.Ф. Фортунатов по представлению Московского и Киевского университетов без защиты диссертации получил почетную степень доктора сравнительно-исторического языкознания. В 1898 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1902 г. академиком Российской академии наук. После этого он переезжает в Петербург. Здесь он полностью сосредоточивается на работе в Отделении русского языка и словесности Академии и редактировании академических изданий: «Филипп Федорович был незауряд-

¹ Поржезинский В. Ф.Ф. Фортунатов: некролог. С. 193.

² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп.476. Д. 3. Л. 8.

ным редактором... Он не только тщательнейшим образом читал ряд корректур, не пропуская вообще ни одной мелочи, но и весьма внимательно относился к оригиналу, всемерно содействуя в нужных случаях, его улучшению»¹. В 1904 г. он возглавляет подкомиссию Орфографической комиссии, подготовившей принятую после 1917 г. реформу русского письма. Ф.Ф. Fortunatov также был действительным членом Сербской Королевской академии, почетным доктором университета Христиании (ныне Осло) и действительным членом Финно-угорского общества в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки).

Ф.Ф. Fortunatov сыграл огромную роль в русской науке и как ученый, и как университетский преподаватель. Подготовив большую группу лингвистов (прежде всего славистов), он во многом способствовал тому, что русское и славянское языкознание, развившееся в России особенно в начале XX в., заняло в мировой славистике одно из почетных мест. У него учились не только русские, но и многие известные зарубежные лингвисты. Общие взгляды Ф.Ф. Fortunatova на язык, его грамматическую структуру оказали в свое время большое влияние на целый ряд ученых². Именно Ф.Ф. Fortunatov одним из первых поднял такие языковедческие проблемы, как соотношение языка и мышления, языка и общества, которые и поныне остаются актуальными³.

Однако печатался Филипп Федорович очень мало, что объясняется, с одной стороны, огромной требовательностью к себе, а с другой, по мнению некоторых исследователей, тем, что он с чрезвычайной добросовестностью относился к своим профессорским обязанностям⁴. Ученый не оставил никакого обобщающего труда. Его творческое наследие состоит из нескольких десятков посвященных частным вопросам статей и рецензий, а также литографированных материалов для студентов. Два тома избранных трудов

¹ Поржезинский В. Филипп Федорович Fortunatov. С. 10.

² Толкачев А.И. Указ. соч.

³ Борисова Г.Ю. Документы ЦИАМ как источники по истории Вологодского края [Электрон. ресурс]. URL: http://mosarchiv.mos.ru/meropriyatiya/vystupleniya_SMI/2004%20-%202007/krugly_stol.php [Дата обращения: 30.03.2015].

⁴ Поржезинский В. Ф.Ф. Fortunatov: некролог. С. 190.

Ф.Ф. Фортунатова были изданы лишь в 1956 г., а многие работы и поныне остаются неопубликованными.

Оригинальный и глубокий мыслитель, превосходный педагог, человек большого обаяния, Ф.Ф. Фортунатов умел привлечь к себе талантливую молодежь, его лекции пользовались большим успехом¹. Будучи человеком крайне требовательным к себе, Филипп Федорович постоянно обрабатывал свои курсы заново и тщательно готовился к лекциям. Он старался не только познакомить студентов с новейшими достижениями лингвистической науки, но и продемонстрировать им творческую лабораторию ученого: «при возникновении малейшего сомнения он посвящал в него свою аудиторию, не скрывая и не затушевывая решительно никаких деталей. Даже молодые первокурсники, еще плохо разбиравшиеся в глубинах лингвистической науки, инстинктивно чувствовали, что перед ними не заурядный профессор, а крупнейший авторитет и самостоятельный мыслитель, не только излагавший, но и творивший науку»². Известно, что западноевропейские корифеи лингвистики добывали через его учеников записи лекций, в которых содержались крупные научные откровения³.

Манера чтения лекций у Ф.Ф. Фортунатова была достаточно своеобразной. Он никогда не стремился к внешним эффектам. Его неторопливая речь, в которой каждое слово стояло на своем месте и в которой не было досадных для слушателей заминок и поправок, прекрасно гармонировала со стройностью и точностью самой мысли⁴. Современники отмечали, что «специалисты упивались его лекциями. Для неспециалистов слушать его было очень тяжело. С чрезвычайной скупостью отмеривал он слова, и для понимания его лаконического изложения требовалась солидная подготовка»⁵.

¹ Николич В. Влияние фортунатовской школы на Александра Белича // Научное наследие академика Ф.Ф.Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2004. С. 40.

² Поржезинский В. Ф.Ф. Фортунатов: некролог. С. 188.

³ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 64.

⁴ Поржезинский В. Филипп Федорович Фортунатов. С. 18-19.

⁵ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 64.

Влияние Филиппа Федоровича на студентов не ограничивалось лишь университетскими занятиями, он находил время и на личное общение. В его скромной квартире по вечерам проводились занятия, которые стали своего рода академией по языкознанию. Проходили они по четвергам и были дополнением и продолжением его университетской деятельности, их посещали и студенты, и ученые, и друзья гостеприимного хозяина¹. На вечерах в его доме «царила атмосфера полного демократизма, хозяин был внимателен к каждому, независимо от его положения и возраста»².

По воспоминаниям ближайших учеников, Ф.Ф. Фортунатов был для них не только непрекаемым научным, но и высшим нравственным авторитетом: «они шли к нему, как к близкому, бесконечно дорогому человеку, не только за наукою, но и за советом и словом одобрения в жизни»³. Со многими своими учениками он сохранял на протяжении долгих лет не только научные связи, но и теплые дружеские отношения⁴.

Ф.Ф. Фортунатов часто посещал Карелию. С 1895 г. он регулярно проводил летние месяцы на даче в деревне Косалма (недалеко от Петрозаводска) среди красот любимого им озерного края. Приезжал он всегда с супругой Юлией Ивановной, с которой прожил счастливо 27 лет. Филипп Федорович, демократичный по своим взглядам, в общении с крестьянами был прост и радушен, проявлял интерес к их жизни и быту. Летом носил белую русскую рубаху навыпуск, подпоясанную кушаком. Жители Косалмы и других деревень очень хорошо относились к Фортунатовым, были благодарны им за заботу и помощь, которую они щедро оказывали.⁵ Супруги, не имев-

¹ Поржезинский В. Филипп Федорович Фортунатов. С. 23.

² Кочергина В.А. Указ. соч. С. 22.

³ Поржезинский В. Филипп Федорович Фортунатов. С. 23-24.

⁴ См. подробнее: Чаркич М.Ж. Неизвестные письма Ф.Ф. Фортунатова Александру Беличу // Научное наследие академика Ф.Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2004. С. 48-62.

⁵ Керт Г.М. Ф.Ф. Фортунатов в Косалме // Научное наследие академика Ф.Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2004. С. 82.

шие собственных детей, удочерили крестьянскую девочку Настю Башову, ставшую полноправным членом их семьи. К Фортунатовым на дачу часто приезжали в гости многочисленные друзья, ученики, русские и зарубежные коллеги. Умер Ф.Ф. Фортунатов скоропостижно в Косалме 20 сентября 1914 г. Похоронен, как он и завещал, на сельском кладбище у часовни.

В Карелии до сих пор очень почтительно относятся к памяти Ф.Ф. Фортунатова. В Петрозаводске на здании Музея изобразительных искусств республики Карелия висит памятная табличка, посвященная Ф.Ф. Фортунатову (см. прил. 3). Именно здесь располагалась мужская гимназия, в которой учился будущий крупный российский лингвист¹. Это здание, а также могила Ф.Ф. Фортунатова постановлением Совета Министров РСФСР от 4 декабря 1974 г. N 624 были включены в число памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения². С 2007 г. музей изобразительных искусств республики Карелия совместно с гимназией № 30 г. Петрозаводска проводят ежегодные «Фортунатовские чтения», посвященные истории и культуре родного края³. Учащиеся этой гимназии взяли под свою опеку, оказавшуюся заброшенной, могилу Филиппа Федоровича⁴.

Двух братьев – Филиппа Федоровича и Степана Федоровича – объединяло очень многое: они практически одновременно учились на историко-филологическом факультете, имели общий круг знакомых, впоследствии много лет проработали в стенах Московского университета. Но при этом они были совершенно разными людьми и по складу характера, и по манере пове-

¹ Карелия [Электрон. ресурс]. URL: http://www.all-karelia.ru/section_38707.htm. [Дата обращения 05.05. 2015].

² Памятники истории и культуры народов Российской Федерации [Электрон. ресурс]. URL: <http://kulturnoe-nasledie.ru/documentations.php?id=13>. [Дата обращения 11.05. 2015].

³ Карелия официальная: официальный интернет-портал Республики Карелия [Электрон. ресурс]. URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2014/04/0416_30.html. [Дата обращения 18.04. 2015]; Лицей: интернет-журнал [Электрон. ресурс]. URL: <http://gazeta-licey.ru/news/chronicle/5465-fortunatovskie-chteniya-o-pamyati-pokolenij>. [Дата обращения 21.04. 2015].

⁴ Мороз К.С. Судьба семьи в истории страны. Фортунатовы // Библиотечный выпуск Карелии. 2011. Вып. 32 (39). Краеведение. С. 23.

дения, и в целом по отношению к жизни. Несмотря на это они тесно общались, Степан Федорович был завсегдатаем журфиксов, проводимых на квартире Филиппа Федоровича, а после отъезда его в Петербург часто навещал там брата.

Младший брат Степана Федоровича *Иван Федорович Фортунатов* (1852-1916), единственный из семьи, кто не проявил интереса к гуманитарным наукам. Окончив с серебряной медалью гимназию¹, он стал студентом физико-математического факультета Московского университета². Завершив обучение, И.Ф. Фортунатов поступил на службу в правление Московского округа путей сообщения, где практически всю жизнь проработал инженером путей сообщения. За участие в постройке Бабьегородской плотины на Москве-реке и за проектирование и постройку технического училища в Измайлове Городская дума назвала его именем новую улицу в Измайлово *Фортунатовская* (название существует до сих пор)³.

Младший из братьев, *Алексей Федорович* (1856-1925), известен как видный исследователь и педагог в области статистики и географии сельского хозяйства. Он был крайне разносторонней личностью. Окончив в 1874 г. с золотой медалью гимназию⁴, он сначала как и старшие братья поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь он с большим интересом приступил к занятиям, за один год под руководством В.И. Герье написал пять работ по римской истории, но, успешно окончив первый курс, поступил на медицинский факультет. Проучившись и там только один год и выдержав экзамен на второй курс, перевелся в Петербург в Императорскую медико-хирургическую академию. Здесь он успешно занимался до пятого курса, большое влияние на него в эти годы оказали профессора П.Ф. Лесгафт и С.П. Боткин. В 1879 г. А.Ф. Фортунатов, увлекшись аграрной статистикой и политэкономией, перебрался в Петровскую академию.

¹ Гулевич С. Указ. соч. С. 278.

² РГАЛИ. Ф. 904. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³ Там же. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.

⁴ Гулевич С. Указ. соч. С. 280.

Сменив несколько учебных заведений, А.Ф. Фортунатов в итоге успешно заканчивает в 1881 г. Петровскую сельскохозяйственную академию, а в 1882 г. получает и диплом врача¹. Его магистерская диссертация «Урожай ржи в Европейской России» была высоко оценена Русским географическим обществом, наградившем молодого ученого большой золотой медалью.

А.Ф. Фортунатов вел активную преподавательскую работу. После окончания Петровской сельскохозяйственной академии он был оставлен здесь для преподавания и постепенно стал одним из ведущих преподавателей. В сборнике, посвященном 40-летию научной и общественной деятельности А.Ф. Фортунатова, его ученик, профессор Н.И. Вавилов писал: «Для петровцев нашего времени трудно представить себе "alma mater" без Алексея Федоровича. Все, что в ней прекрасного, лучшего, а в ней было все лучшее, нераздельно связано с Вами».² В разные годы А.Ф. Фортунатов читал курсы в Новоалександрійском лесном институте, Киевском политехническом институте, Коммерческом институте, Московском высшем техническом училище, Александровском коммерческом училище, Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского, на Женских Голицынских сельскохозяйственных курсах, а также вел научно-популярные лекции на курсах агрономов, статистиков, кооператоров, журналистов, учителей³.

Такая востребованность А.Ф. Фортунатова как преподавателя объяснялась, по-видимому, не только его высокой квалификацией, но и тем, что он пользовался большой любовью и популярностью среди молодежи, которую привлекали и глубокая эрудиция ученого, и талантливо проводимые лекции-беседы, и внимательное отношение к запросам учащихся. Он старался привить студентам интерес к научным исследованиям, побудить их к поиску своего собственного пути в науке. Интересны в этом отношении его публичные лекции, прочитанные в нескольких учебных заведениях Москвы («Зачем

¹ Фортунатов А.Ф. Автобиография // Русские ведомости. 1863-1913: сб. ст. С. 183-184.

² Петров К.В. Указ. соч.

³ Фортунатов А.Ф. Автобиография. С. 184.

люди идут в высшую школу», «О студенческом творчестве», «О студенческом интересе»), в которых он пытается донести до студенческой молодежи мысль о важности науки и непростых путях ее постижения¹. Одну из лекций он закончил стихотворением собственного сочинения, в котором есть такие строки: «Нет множества наук. Она одна наука, но каждый сможет путь прокладывать в ней свой...»². В своей автобиографии, написанной в 1913 г. для сборника, подготовленного в честь 50-летнего юбилея «Русских ведомостей», он отмечал: «Наиболее приятным ремеслом для себя считаю должность привратника при храме науки»³.

Активную научную и преподавательскую деятельность А.Ф. Фортунатов совмещал с работой в различных научных обществах. Он был действительным членом Географического отделения императорского общества естествознания и этнографов при Московском университете, являлся секретарем статистического отделения Юридического общества, активно работал в Обществе взаимопомощи русских агрономов. Алексей Федорович активно участвовал в работе съездов и совещаний земских статистиков, деятелей сельского хозяйства. Им опубликовано более 200 работ, брошюр и журнальных статей⁴, большинство из которых посвящено анализу развития аграрного сектора России.

По своим общественно-политическим взглядам А.Ф. Фортунатов был близок к социал-демократам, но активной политической деятельностью не занимался. Лишь в студенческие годы он был близко знаком со многими народниками, в 1870-е гг. в Петербурге тесно общался с братьями Игнатовыми из группы «Черный Передел»⁵. Умер А.Ф. Фортунатов от инфаркта 13 апреля 1925 г., и был похоронен в Петровско-Разумовском на профессорском кладбище.

¹ Фортунатов А.Ф. Зачем люди идут в высшую школу; Его же. О студенческом творчестве; Его же. О студенческом интересе.

² Фортунатов А.Ф. О студенческом интересе. С. 15.

³ Фортунатов А.Ф. Автобиография. С. 184.

⁴ Петров К.В. Указ. соч.

⁵ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

А.Ф. Фортунатов, по-видимому, сохранил интерес и любовь к истории на протяжении всей своей жизни. Он общался со многими историками (П.Г. Виноградовым, Н.И. Лучицким, П.Н. Милюковым)¹, был членом «Исторического общества при Московском университете»². Поддерживал он связь и со своим первым наставником в стенах Московского университета В.И. Герье. Нам известно несколько писем Алексея Федоровича к Владимиру Ивановичу, в одном из которых он вспоминает об учебе на историко-филологическом факультете, о методике своего учителя: «Через 10 лет вспомнил я о Ваших мастерских семинариях и по их образцу старался и стараюсь организовать занятия студентов Петровской Академии»³. Говоря о своих научных интересах, А.Ф. Фортунатов отмечал: «Сельскохозяйственная география так тесно соприкасается с историей хозяйственных отношений, что заниматься одною и не интересоваться другою – немыслимо»; свою связь с историей он не прерывает, так, например, «ведет занятия по истории сельского хозяйства»⁴. В ответ В.И. Герье выражал сожаление, что Алексей Федорович бросил историю, и даже чувствовал какую-то свою вину за это⁵. В другом письме к В.И. Герье А.Ф. Фортунатов с гордостью пишет о своем сыне Александре, историке, приват-доценте Московского университета⁶.

Александр Алексеевич Фортунатов (1884–1949) окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1908 г. и начал преподавать историю и литературу на Пречистенских курсах для рабочих, затем в частных женских гимназиях. В 1913 г. он был приглашен в Московский университет для подготовки и сдачи кандидатских экзаменов⁷, а затем начал работать там в качестве приват-доцента.

¹ НИОР РГБ. Ф. 377. К. 2. Ед. хр. 10. 2 л.; К. 3. Ед. хр. 66. 1 л.; К. 3. Ед. хр. 77. 2 л.

² Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2011. С. XXXVII.

³ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 93. Л. 1-2.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Ф. 377. К. 2. Ед. хр. 31. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 93. Л. 4.

⁷ Богословский М.М. Дневники. 1913–1919. С. 543.

Степан Федорович мог оказать непосредственное влияние на формирование научных интересов своего племянника. Он преподавал ему в годы обучения в Московском университете, впоследствии они вместе работали в университете имени А.Л. Шанявского¹. А.Н. Савин отмечал в своем дневнике, что магистерский экзамен по новой истории Александр Фортунатов сдал «так себе [...] я несколько покривил душою, ставя высокую отметку, в значительной мере из уважения к Степану Федоровичу»². Первый самостоятельный университетский курс А.А. Фортунатова был посвящен традиционной для С.Ф. Фортунатова истории Франции XIX в.³ На протяжении всей своей жизни он уважительно относился к памяти своего дяди и его трудам. В нашем распоряжении имеется издание книги С.Ф. Фортунатова «Представитель индпендентов Генри Вен» с собственноручной надписью на титульном листе А.А. Фортунатова «Глубокоуважаемому Николаю Николаевичу Кравченко, сотоварищу по ученой и педагогической работе от племянника автора. 3/X 46» (см. прил. 8).

Александр Алексеевич стал известным историком и педагогом. В 1919-1925 гг. он руководил внешкольной работой учителей, занимался вопросами эстетического воспитания на 1-й Опытной станции по народному образованию Наркомпроса РСФСР. В 1926-39 гг. преподавал историю, литературу и педагогику в средних и высших учебных заведениях Москвы (в том числе МГУ, Институте истории при РАНИОН). С 1939 г. и до конца жизни он вел педагогическую и научно-исследовательскую работу в МГПИ им В.П. Потемкина (с 1940 г. он был заведующим кафедрой истории средних веков, а с 1947 г. – деканом исторического факультета).

¹ Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. 1913-1914 акад. год. Год 6-й. М., 1913. С. 24.

² Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908-1917. 3 ноября 1915 г. Материалы предоставлены А.В. Шаровой.

³ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 93. Л. 4.

А.А. Фортунатов первым в отечественной историографии обратился к изучению жизни и деятельности Алкуина¹. Известны его работы по педагогике, посвященные трудовому воспитанию: «Борьба за трудовой метод в Западной Европе и Америке» (1924), «Социально-революционные течения в конце XVIII и XIX вв. и трудовая школа» (1924). Таким образом, своей деятельностью А.А. Фортунатов продолжил традиции, заложенные в семье.

Подводя итоги необходимо отметить, что представленный материал убедительно свидетельствует, что практически для всех представителей династии Фортунатовых именно семья была важнейшим фактором формирования мировоззрения и научных интересов. Становление личности Степана Федоровича проходило в окружении высокообразованных людей, для которых научные исследования и активная педагогическая деятельность являлись нормой жизни. Необходимо отметить также приверженность членов семьи Фортунатовых к изучению гуманитарных наук. Влияние семьи на С.Ф. Фортунатова сказалось не только в юношеские годы, но продолжалось всю жизнь. Однако, восприняв от семьи многие жизненные принципы, он представлял собой достаточно оригинальную фигуру, отличаясь от родственников своим поведением, нерешительностью, что не позволило ему достичь высоких результатов в карьере. Для поиска причин этого следует обратиться к биографии С.Ф. Фортунатова.

1.2. Годы учебы в Московском университете, формирование научных интересов и общественно-политических взглядов

Степан Федорович Фортунатов родился 26 июля 1850 г. в Вологде. После переезда в Москву в 1863 г. семья Фортунатовых поселилась на Старобассманной улице (дом Верховитовой)². Степан, как и его старший брат

¹ Фортунатов А.А. Алкуин как деятель Каролингского возрождения // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. 1941. Т. 3. Вып. 1. С. 26-46.; Его же. Алкуин и его ученики // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. 1948. Т. 8. Вып. 1. С. 5-48.

² Московская памятная книжка ... на 1869 год. Ч. 1. С. 568.

Филипп поступил во 2-ю гимназию, которая занимала особое место среди учебных заведений Москвы. Она отличалась от других московских гимназий тем, что, несмотря на все реформы образования в XIX в., сохраняла наиболее полный курс преподавания древнегреческого и латинского языков (так, в старших классах латинскому языку отводилось 5 часов в неделю, греческому – 6 ч.)¹. В связи с этим можно расценивать данную гимназию как своеобразный питомник подготовки учеников к поступлению на историко-филологический факультет. В этой гимназии в разные годы преподавал целый ряд московских профессоров, например Ф.И. Буслаев. О преподавании в гимназии древних языков можно судить по донесению попечителю округа профессоров Московского университета П.М. Леонтьева и Г.А. Иванова, направленных в январе 1867 г. в московские гимназии «с целью удостовериться в состоянии преподавания в них древних языков». В этом донесении они отмечали, что «познания некоторых учеников высших классов 1-й, 2-й и 5-й гимназий они испытали вне урочного времени, причем оказались заслуживающими особенной похвалы два ученика 2-й гимназии: Фортунатов Степан VII класса и Розенквист Александр VI класса»².

Историю в гимназии в годы обучения С.Ф. Фортунатова преподавал Александр Карлович Шуф. Он закончил юридический факультет Московского университета и, проработав во 2-й гимназии около 8 лет, впоследствии стал присяжным поверенным при Московском окружном суде³. Приглашение выпускников юридических факультетов на должность преподавателей истории в гимназиях достаточно широко практиковалось в это время. Так, во 2-й гимназии с 1835 по 1885 г. из 9 учителей истории трое были юристами по образованию⁴. По-видимому, это объяснялось прежде всего дефицитом преподавателей гуманитарного цикла в гимназиях, что было вызвано «их большой педагогической нагрузкой и скромной оплатой квалифицированно-

¹ Гулевич С.В. Указ. соч. С. 119.

² Там же. С. 123.

³ Там же. С. 232.

⁴ Там же. С. 232-233.

го труда»¹. А.К. Шуф с большим интересом относился к преподаванию истории, за годы своей работы в гимназии опубликовал статью «О преподавании истории в гимназии»² и учебник по русской истории «Рассказы и биографические очерки из русской истории»³, который выдержал в дальнейшем семь изданий⁴. Можно предположить, что именно под влиянием гимназического учителя у Степана сформировался интерес не только к истории, но и к проблемам права и государственного устройства, которым А.К. Шуф, будучи юристом по образованию, неминуемо должен был уделять особое внимание. Интерес и способности к истории у С.Ф. Фортунатова проявились достаточно рано. Известно, что в девятилетнем возрасте он уже читал серьезные исторические сочинения и написал сам для себя историю Греции⁵.

Гимназический курс С.Ф. Фортунатов завершает в 1867 г. с золотой медалью, в этом году выпускные испытания в гимназии производились в присутствии профессора кафедры греческой словесности Московского университета О.И. Пеховского и профессора кафедры чистой математики Н.В. Бугаева⁶. По примеру своего старшего брата Филиппа Степан поступает на историко-филологический факультет Московского университета.

Общий устав российских университетов, утвержденный Александром II 18 июня 1863 г., должен был создать в России «классический университет науки». Он предусматривал расширение участия профессоров в решении основных вопросов (так называемая «университетская автономия»), изменял структуру университетов, расширял количество кафедр. Так, на историко-филологическом факультете было образовано 11 кафедр: философии; греческой словесности; римской словесности; сравнительной грамматики индоевропейских языков; истории русского языка и русской литературы; ис-

¹ Андреев А.И., Змеев В.А., Ильин И.В. Студенческая жизнь Императорского Московского университета (1755-1917). М., 2011. С. 313.

² Шуф А.К. О преподавании истории в гимназии // Приложение к циркуляру по Московскому учебному округу. 1868. № 9.

³ Шуф А.К. Рассказы и биографические очерки из русской истории. М., 1868.

⁴ Шуф А.К. // Энцикл. словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 82 т. и 4 доп. т. Т. XL. С. 24.

⁵ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 121. Л. 3.

⁶ Гулевич С.В. Указ соч. С. 123.

тории всеобщей литературы; славянской филологии; всеобщей истории; русской истории; церковной истории; теории и истории искусств. Как видно, большой акцент в преподавании делался на изучение словесности¹.

Студенты в годы учебы С.Ф. Фортунатова первоначально слушали все курсы и лишь с третьего года обучения выбирали себе специализацию по истории или словесности. При этом иногда свой выбор студенты могли изменить, так, например, поступил Н.И. Кареев². Лишь с 1872 г. распределение студентов факультета стало жестким: с первого курса они распределялись по следующим специальностям: древнеклассическая филология, славяно-русская филология, исторические науки.

К сожалению, сам С.Ф. Фортунатов воспоминаний о своих студенческих годах не оставил. Однако мы считаем важным восстановить список тех профессоров, которые сформировали у Степана Федоровича историческое мировоззрение. Определенную помощь в этом могут оказать воспоминания первого магистранта В.И. Герье Н.Г. Высотского, который проходил обучение на факультете в 1863-1867 гг., и Н.И. Кареева, поступившего в университет через два года после С.Ф. Фортунатова и некоторое время обучавшегося вместе с ним. Они вместе слушали некоторые курсы и посещали одни и те же семинары. Дело в том, что на кафедре, как правило, преподавал один профессор, который последовательно читал все дисциплины одновременно студентам всех курсов. Так, например, В.И. Герье в 1867/68 учебном году читал первый период новой истории (до XVIII в.); в 1868/69 – историю XVIII в.; в 1870/71 – историю средних веков; 1872/73 – опять первый период новой истории³. Таким образом, С.Ф. Фортунатов и Н.И. Кареев вместе слушали историю средних веков и историю Реформации и, по воспоминаниям последнего, вместе посещали семинар В.И. Герье.

¹ Императорский Московский университет: 1755-1917: энцикл. словарь / сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010. С. 746.

² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 121.

³ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 70. Ед. хр. 24. Л. 1-3. В 1869-1870 учебном году Герье не преподавал, т.к. находился в зарубежной командировке.

По свидетельству Н.И. Кареева «студентов первого курса угощали преимущественно латинским и греческим языком с приемами, сильно напоминающими гимназию»¹. Думается, что С.Ф. Фортунатову, закончившему гимназию с углубленным изучением древних языков, это не доставляло особых хлопот. Греческий язык на факультете преподавал О.И. Пеховский (1815-1891), присутствовавший в гимназии на выпускных экзаменах С.Ф. Фортунатова. Он был весьма требовательным преподавателем, но студенты всегда «чувствовали, что профессор отлично знал древние языки и что он горячо любил древне-классическую литературу; и эта любовь передавалась слушателям»². Однако в 1869 г. он переехал в Харьков, стал профессором Харьковского университета.

Профессором римской словесности и древностей был П.М. Леонтьев (1822-1874). Он являлся не только филологом, но и историком, читал лекции по истории Древнего Рима и античному искусству, участвовал в археологических раскопках, подготовил к изданию пять сборников статей по античности под названием «Пропилеи» (в этом ему помогал тогда еще студент В.И. Герье), руководил нумизматическим кабинетом, ратовал за расширение преподавания классических языков в гимназиях. Однако с 1863 г. он становится совместно с М.Н. Катковым редактором консервативной газеты «Московские ведомости». Ко времени поступления в университет С.Ф. Фортунатова П.М. Леонтьев уже слыл среди студентов реакционером и скандалистом, манкировавшим своими профессорскими обязанностями. По воспоминаниям Н.И. Кареева, из-за своей занятости издательской деятельностью П.М. Леонтьев перестал уделять внимание преподавательским обязанностям³. Его публицистическая деятельность оттолкнула от него значительную часть студенчества⁴. Сохранились очень противоречивые отзывы о его преподавании. Так, Н.Г. Высотский чрезвычайно высоко оценивал лекции П.М. Леонтьева,

¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 114.

² Высотский Н.Г. Указ. соч. С. 153-154.

³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 114-115.

⁴ Высотский Н.Г. Указ. соч. С. 165.

отмечая, что именно он дал «истинное понимание античного мира»¹, а Н.И. Кареев, напротив, дает крайне нелестную характеристику, как, впрочем, и другим преподавателям греческой и римской литературы. Примечательно, что С.Ф. Фортунатов, который с гимназических лет славился своим знанием древних языков, будучи студентом третьего курса, получает у него по латинскому языку только «хорошо»².

Одним из самых интересных преподавателей словесности на факультете был А.Л. Дювернуа (1838-1883) – известный ученый, владевший многими языками, знаток санскрита, применявший методы сравнительного анализа языков, в том числе славянских. Эрудит, член многих научных обществ, участник этнологических и археологических экспедиций, Александр Львович преподавал, скорее, для студенческой элиты, не пытаясь снизить до основной массы студентов. Студенты плохо понимали его лекции, насыщенные узкоспециальными терминами. Как вспоминал Н.И. Кареев, он даже взялся составлять для товарищей перевод этой «тарабарщины на общепонятный язык». О сущности этого «языка» дает представление пассаж из письма В.О. Ключевского А.А. Шахову, который так описывал выступление А.Л. Дювернуа на одном из совещаний: «он демонстрировал, что диспозиция университетских оккупаций не позволит ему в такой кратковременный интервал погрузиться в надлежащем градусе в глубины тайников Ригведы»³. Однако именно А.Л. Дювернуа привлек Ф.Ф. Фортунатова к занятиям сравнительным языкознанием и стал руководителем его магистерской диссертации.

Лекции по русской словесности читал Ф.И. Буслаев (1818-1897), начавший свою преподавательскую карьеру во 2-й Московской гимназии. Он был известным исследователем диалектов русского языка и фольклора, сторонником сравнительно-исторического метода в изучении древней культуры

¹ Высотский Н.Г. Указ. соч. С. 167.

² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 477. Д. 50. Л. 15, 15 об.

³ Иванова Т.Н. В.О. Ключевский о В.И. Герье и не только ... С. 318.

индоевропейских народов. Он нравился студентам своим демократизмом и тем, что «никакого курса по истории русской литературы не читал, а излагал разные мифологические теории и сообщал различнейший фольклорический материал, все это как-то не систематически, разбросанно, отрывочно, но очень интересно»¹. Н.Г. Высотский вспоминал: «Не могу сказать, чтобы Буслаев был очень даровитым лектором; можно сказать, что иные его лекции были даже скучноваты, но Буслаев воодушевлял и увлекал своих слушателей какой-то особенной любовью, с которой он относился к предмету, который преподавал»².

Ученик Ф.И. Буслаева Н.С. Тихонравов (1832-1893), позже ставший деканом, а затем и ректором, был представителем культурно-исторической школы в русском литературоведении. Он опубликовал в основанной им серии «Летописи русской литературы и древности» множество обнаруженных им источников по русской истории и филологии. В 1866 г. Н.С. Тихонравов издал с комментариями «Слово о полку Игореве», заложив традиции преподавания литературоведения. Он был, по мнению Н.И. Кареева, крупным ученым, но «давал студентам меньше, чем мог бы дать»³. Будучи блестящим лектором и прекрасным специалистом, он между тем не вызывал особой любви у студентов: «он был малосимпатичен, казался человеком себе на уме, множество лекций он пропускал», – свидетельствует П.Г. Высотский⁴.

Всеобщую историю литературы С.Ф. Фортунатову преподавал известный шекспировед Н.И. Стороженко (1836-1906). Помимо научных трудов, посвященных Шекспиру и его эпохе, он публиковал научно-популярные статьи и рецензии в периодических изданиях. Андрей Белый считал, что Н.И. Стороженко обладал особым авторитетом в своей среде и был «гетманом некой воображаемой сечи словесного отделения филологического фа-

¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 117.

² Высотский Н.Г. Указ. соч. С. 156.

³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 118.

⁴ Высотский Н.Г. Указ. соч. С. 157.

культета»¹. Его ученик А.Н. Веселовский (1843-1918), закончивший ту же московскую гимназию, что и С.Ф. Фортунатов, читал студентам свои рефераты во время семинаров Н.И. Стороженко. Позже он прославился как автор фундаментальных работ по истории европейского театра. Несмотря на представительность преподавательского состава, можно предположить, что словесность Степана Фортунатова не увлекла, и далеко не все курсы по истории литературы он посещал².

В год его поступления в университет деканом историко-филологического факультета был знаменитый русский историк С.М. Соловьев (1853-1900). Его лекционный курс по истории России высоко оценивался всеми слушателями. По словам В.И. Герье, «по смерти Грановского и Кудрявцева он стал в университете главным преподавателем исходившего от них предания был в нем центром для людей, особенно дорожившим этим преданием»³. Соединение имен Т.Н. Грановского и С.М. Соловьева нам представляется не случайным. Специалист по отечественной истории, С.М. Соловьев со студенческой скамьи интересовался всеобщей историей, самостоятельно изучив сочинения Дж. Вико, Э. Гиббона, Г. Гегеля, Л. Ранке, Ф. Савиньи, Ф. Гизо, О. Тьерри. Он один из немногих в своем поколении ученых из специализировавшихся по российской истории прошел обучение в зарубежных университетах, слушал лекции Ф. Шеллинга, Л. Ранке, Ф. Шлосера, П. Шафарика, В. Ганки, Ж. Мишле и др. Общий курс русской истории С.М. Соловьева производил неизгладимое впечатление на студентов: «необычайная ясность и картинность изложения, вполне доступное пониманию юных слушателей, выяснение мировых исторических явлений, яркая характеристика целых эпох и отдаленных исторических личностей... Все до последнего слова было выработано, и вся лекция имела всегда какой-то необычайно стройный характер, каждая лекция представляла собой что-то

¹ Императорский Московский университет: 1755-1917. С. 693.

² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 477. Д. 50. Л. 12, 14.

³ Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев // Ист. вестн.: отиск. СПб., 1880. С. 39.

вполне законченное»¹. Курс русской истории у С.М. Соловьева С.Ф. Фортунатов сдал на «отлично»².

Семинарские занятия С.М. Соловьев вел совместно со своим зятем Н.А. Поповым (1833-1891), который занимался изучением не только русской истории, но и истории западных славян. На протяжении 1864-1867 гг. Н.А. Попов издал исследования по истории польского народа, австрийских сербов, русин³. Н.Г. Высотский так оценивал его преподавание: «Содержание лекций бралось из разных книг, бывших в распоряжении профессора, все это скраивалось и сшивалось довольно ловко, но скоро даже второкурсники разглядели в чем дело. Из лекций Попова можно было получить много сведений, но всеми нами чувствовалось, что в лице Нила Попова перед нами не такой профессор, какими были в наших глазах Тихонравов, Ешевский, Буслаев»⁴.

Н.А. Попов руководил историческим семинаром по русской истории, в рамках которого студенты писали исследования по выбранным темам. Примечательно, что у С.Ф. Фортунатова уже в студенческие годы проявилась нелюбовь к письменным работам. Его сочинение по «Русской Правде» было оценено лишь на «хорошо»⁵.

В 1868 г. С.М. Соловьев занял пост ректора Московского университета, а деканом историко-филологического факультета стал философ П.Д. Юркевич (1827-1874). Он читал лекции по истории философии, логике, психологии, педагогике, прославился серией публичных лекций, посвященных анализу материалистических учений в философии. Историю древней философии С.Ф. Фортунатов сдал П.Д. Юркевичу на «отлично»⁶.

Фортунатов в свои студенческие годы не только слушал лекции С.М. Соловьева, но и общался на общефакультетских мероприятиях с его ма-

¹ Высотский Н.Г. Указ. соч., С. 164-165.

² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 477. Д. 50. Л. 11.

³ Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. С. 32.

⁴ Высотский Н.Г. Указ. соч. С. 158.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 477. Д. 50. Л. 13-13 об.

⁶ Там же. Л. 17, 17 об.

гистрантом В.О. Ключевским, готовившим в эти годы свою диссертационную работу «Древнерусские жития святых как исторический источник». Можно сказать, что кафедра российской истории переживала в годы студенчества С.Ф. Фортунатова свой расцвет, чего нельзя сказать о кафедре всеобщей истории.

После преждевременной смерти Т.Н. Грановского в 1855 г., а затем его преемника П.Н. Кудрявцева в 1858 г. ведущим преподавателем кафедры всеобщей истории ненадолго стал Г.В. Вызинский, затем с 1858 г. – С.В. Ешевский, но в мае 1865 г. он умирает. С сентября 1865 г. на кафедре читает молодой, только что вернувшийся из заграничной командировки магистр В.И. Герье (1837-1919). Именно с его лекций по истории Реформации началось для С.Ф. Фортунатова знакомство с историей зарубежных стран. С.Ф. Фортунатов оказался в числе студентов, которым посчастливилось прослушать первый систематический курс по истории Великой французской революции, который В.И. Герье начал читать в 1868/69 учебном году. Это был определенный прорыв цензурных ограничений, в силу которых история революции в российских университетах до того не читалась. В.И. Герье осторожно назвал этот курс «Историей XVIII в.», но анализ его содержания неопровержимо свидетельствует о либеральном подходе молодого ученого к этому событию всемирной истории¹.

В.И. Герье первым в Московском университете стал вести семинары по всеобщей истории, чем привлекал к себе студентов, желавших серьезно заниматься историческими исследованиями. 16 марта 1868 г. в Московском университете В.И. Герье защитил докторскую диссертацию «Лейбниц и его век». Однако на последовавших затем выборах на должность профессора он был забаллотирован консервативным большинством Ученого совета. Дело в том, что В.И. Герье был близким другом и сторонником либерального профессора юридического факультета Б.Н. Чичерина. В 1866 г. произошел конфликт между «консерваторами» и «либералами» в совете Московского уни-

¹ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье ... 195.

верситета (так называемое «дело В.Н. Лешкова»), после которого Б.Н. Чичерин вынужден был уйти в отставку. Усилившиеся «консерваторы» «прокатили» на выборах 1868 г. его сторонника, молодого и инициативного ученого В.И. Герье¹.

Оскорбленный В.И. Герье уезжает в очередную научную командировку за границу, и через год его назначают «сверхштатным» профессором, что было и не престижно, и не выгодно материально. А на должность штатного профессора совет Московского университета избирает М.С. Куторгу (1809-1886), которого в 1869 г. забаллотировал Совет Петербургского университета. Кстати, М.С. Куторга учился в Петербургском университете одновременно с отцом С.Ф. Фортунатова и в 1828 г. был направлен в Профессорский институт при Дерптском университете, к поступлению в который был рекомендован и Ф.Н. Фортунатов².

Известный ученый-антиковед М.С. Куторга вообще был равнодушен к политике, что, по мнению Э.Д. Фролова, привело к его обструкции со стороны студентов³. В Московском университете М.С. Куторга вел лекции и семинары по истории Древней Греции. По воспоминаниям Н.И. Кареева, он часто пропускал занятия из-за болезни и был «своего рода *figura comica*, да и в профессорской среде о нем ходили всевозможные анекдоты». Н.И. Кареев писал: «Почему-то в студенческой среде распространилась молва, что Куторга был ставленником Леонтьева (а, следовательно, и Каткова), так что заранее невзлюбили, но лекции его мне нравились»⁴.

В 1870 г. В.И. Герье вернулся из-за границы и несколько лет в качестве сверхштатного профессора работал вместе с М.С. Куторгой, однако их отношения были напряженными. В.И. Герье в это время ведет борьбу за университетскую автономию, против пересмотра устава 1863 г., а М.С. Куторга

¹ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье ... С. 102.

² Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье ... С. 92.

³ Фролов Э.Д. Вместо предисловия: к 120-летию виртуальной встречи поколений (две эпохи и два архетипа) // Мнемон. СПб., 2006. Вып. 5. С. 9.

⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 120.

объективно находится на стороне тех, кто выступал за его отмену. В 1874 г. М.С. Куторга уходит в отставку и В.И. Герье остается единственным профессором кафедры всеобщей истории.

Охарактеризовав состав преподавателей историко-филологического факультета, преподававших в годы студенчества С.Ф. Фортунатова, необходимо определить, кто из них оказал наибольшее воздействие на формирование исторического мировоззрения молодого ученого. В отсутствие свидетельств самого Степана Федоровича приходится полагаться только на факты, неопровержимо свидетельствующие, что самым влиятельным для С.Ф. Фортунатова профессором был В.И. Герье.

В.И. Герье на тот момент был молодым, инициативным, либерально настроенным профессором, внедрившим в преподавание целый ряд инноваций, в частности, семинары по всеобщей истории, которые позже дополнялись «вечерними семинариями» у него на дому для наиболее способных студентов. В.И. Герье первым стал читать студентам историю Великой французской революции, изучать ее на семинарах. Это вызывало недовольство властей, но нравилось «студентам-шестидесятникам», увлеченным политикой не менее, чем наукой. К тому же В.И. Герье был единственным специалистом по новой истории зарубежных стран в Московском университете, ученым, лично знакомым с Л. Ранке, Г. Зибелем, И. Дройзеном. Работы В.И. Герье публиковались за рубежом, а его монография о Лейбнице была переведена на немецкий язык¹.

Н.И. Кареев свидетельствует: «в студенческие мои годы В.И. Герье был полезным для студентов более других работавших профессоров»². Н.Г. Высотский, несмотря на то, что слушал лишь первые курсы В.И. Герье в 1865-67 гг., отмечал, что студенты сразу поняли «что в лице Герье перед нами серьезный, очень добросовестный, очень знающий ученый и по сравнению с

¹ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье ... С. 98.

² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 133.

ним профессор, заменявший на 2-м курсе лектора по всеобщей истории, представился нам только дилетантом»¹.

Начав преподавание, В.И. Герье осознал необходимость подготовки научных кадров для кафедры всеобщей истории Московского университета. Сложившийся порядок, когда один профессор читал все дисциплины по кафедре одновременно студентам всех курсов, приводил к несистематичности в преподавании. Так, Н.И. Кареев пишет, что «в университетском преподавании были большие “лакуны”». Ему вообще не преподавалась «ни греческая история с македонского периода, ни вся римская до последних двух веков Западной империи»².

Основным способом подготовки университетских преподавателей было оставление лучших выпускников при университете «для приготовления к профессорскому званию». Институт «профессорских кандидатов» появился в России еще в 1856 г. для подготовки способных выпускников университетов к замещению вакантных кафедр. Как правило, для приготовления к профессорскому званию выбирались выпускники, закончившие курс со степенью кандидата («с отменным успехом»). Руководство таким кандидатом поручалось профессору, ходатайствующему перед Советом факультета «об оставлении» данного лица. Этот профессор руководил подготовкой кандидата к сдаче магистерского экзамена, определял программу и основные вопросы для него. Министерство народного просвещения назначало магистранту (лицу, готовившемуся к сдаче экзамена) стипендию, но стипендиат обязан был за это поработать не менее двух лет в учебных заведениях (гимназиях, лицеях и т.д.). Как правило, этот «отрабочный долг» магистранты начинали отдавать сразу после окончания университета, чтобы иметь прибавку к стипендии в виде жалования учителя. Однако это мешало многим из них вовремя подготовиться к магистерскому экзамену. В качестве завершающего этапа подготовки предполагалось командирование молодых ученых за границу «для

¹ Высотский Н.Г. Указ. соч. С. 164.

² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 132.

усовершенствования в избранном предмете и полного приготовления к профессорскому званию»¹.

Итогом подготовки «профессорского кандидата» была защита магистерской диссертации. В 1867 г. вступило в силу новое Положение о «профессорских кандидатах». Согласно ему, лица, защитившие магистерскую диссертацию (магистры), или кандидаты, сдавшие магистерский экзамен, но еще не защитившие диссертацию, а также кандидаты, которые в течение двух лет читали лекции в университете в звании приват-доцентов или «приобретшие известность своими научными трудами», командировались за границу за счет средств Министерства народного просвещения на срок до двух лет. Рекомендовавший кандидата Совет университета должен был составить для него инструкцию («по каким предметам избранный кандидат отправляется за границу», «какие заграничные университеты и другие учреждения обязан он посетить», «лекциями каких профессоров он должен воспользоваться преимущественно»). Кандидат обязан был посылать в Министерство отчеты о своих занятиях за границей². Итогом зарубежной поездки должна была стать подготовленная магистерская или докторская диссертация, курсы лекций.

Кроме того, выделялись стипендиаты университетов, готовившиеся к профессорскому званию в России. В зарубежную командировку отправляли, как правило, кандидатов с кафедры всеобщей истории, а диссертантов с кафедры отечественной истории готовили в России. Очевидно, что поездка за границу считалась престижной. Поскольку количество кандидатов, посылаемых за границу, определялось суммой, выделенной на эти цели Министерством народного просвещения, между претендентами возникала конкуренция. Не все желающие имели возможность выехать за рубеж в качестве стипендиата Министерства народного просвещения, и некоторые отправлялись в западные университеты за свой счет.

¹ Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. С. 233.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. Стб. 444-446.

Существовали бюрократические и материальные сложности со сдачей магистерского экзамена и защитой диссертации. Экзамен принимал Совет факультета, и о серьезности его свидетельствует тот факт, что кандидат сдавал его на нескольких заседаниях (один раздел – на первом, второй – на втором и т.д.). Диссертация должна была быть напечатана за счет соискателя в виде монографии за несколько месяцев до защиты. Ее представляли к защите в Совете факультета два профессора, один из которых был руководитель кандидата (но этот термин официально не использовался). Совет утверждал двух официальных оппонентов, один из которых был, как правило, руководитель кандидата. По мнению Е.В. Соболевой, университетский устав 1863 г. и Положение об ученых степенях и званиях от 4 января 1864 г. «создавали более благоприятные в целом по сравнению с дореформенным временем условия для подготовки научных кадров»¹.

Н.Н. Алеврас считает, что во второй половине XIX – начале XX в. в российской науке сложилась определенная диссертационная культура. На диссертацию сначала готовились два рекомендательных отзыва (представление в Совете), затем оппонентские отзывы, которые, как правило, соискателю до самого диспута были неизвестны. Текст диссертации сопровождался тезисами-«положениями» (предшественник современного автореферата). Сам диспут был определенным ритуалом, важным событием в научной среде, широко освещавшимся в печати². Именно защита магистерской диссертации давала возможность начать преподавание в университете в качестве приват-доцента, а затем после защиты докторской диссертации ученый мог претендовать на звание профессора. Таким образом, весь этот путь занимал, как правило, не менее десяти лет.

В начале 70-х гг. XIX в. В.И. Герье последовательно оставляет при кафедре всеобщей истории двух студентов для приготовления к профессорскому званию – Н.Г. Высотского и С.Ф. Фортунатова. Однако магистрант

¹ Соболева Е.В. Указ. соч. С. 200-201.

² Подробнее см.: Алеврас Н.Н. Диссертационный диспут ... С. 129-145.

Н.Г. Высотский не оправдал надежд учителя. Магистерский экзамен он сдал неважно, его отчет о заграничной командировке был неудовлетворительным, и магистерскую диссертацию он так и не написал¹. Впоследствии он сумел сделать карьеру чиновника в Министерстве народного просвещения. М.С. Корелин, познакомившись с Н.Г. Высотским в 1881 г., был удивлен тем «как быстро сумел он освободиться от научных интересов до такой степени, что по его разговорам не только нельзя заключить, что он держал магистерский экзамен, но даже и не сразу догадаешься, что имеешь дело с кандидатом»². Сам Н.Г. Высотский в воспоминаниях особо выделял большую заслугу В.И. Герье в подготовке молодых ученых, самокритично отмечая при этом: «В.И. Герье не всегда умел выбирать молодых людей, годных к продолжению ученой деятельности, он впадал иногда при этом в ошибки, но он озабочен был делом приготовления будущих профессоров, он всегда готов был оказать поддержку нуждающимся в такой поддержке, он давал советы и указания, давал свои книги, он показал студентам, что значит самостоятельный научный труд, и если кто из молодых людей добровольно брался за такой труд, то Владимир Иванович всеми средствами помогал ему»³.

С.Ф. Фортунатов стал вторым магистрантом В.И. Герье. Можно предположить, что он сразу обратил на себя внимание преподавателей факультета уже самим фактом принадлежности к семье Фортунатовых. Ф.Ф. Фортунатов заканчивал университет в год поступления Степана и в 1868 г. был оставлен для приготовления к профессорскому званию на кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков⁴. Отличная репутация старшего брата среди преподавателей факультета не могла не повлиять на решение Герье. К тому же и сам Степан выделялся среди студентов своей эрудицией, феноменальной памятью и высокой коммуникабельностью. Н.И. Кареев пишет, что

¹ См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 138-139; Антощенко А.В. Диссертации П.Г. Виноградова. С. 91; ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 1. Л. 19.

² Письма М.С. Корелина // Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. С. 219.

³ Высотский Н.Г. Указ. соч. С. 170.

⁴ Императорский Московский университет: 1755-1917. С. 783.

он был очень популярен среди студентов благодаря «своим историческим знаниям, превосходному характеру и большим чудачествам». Он вспоминает, что его «любовно называли «Степочка», прибавляя иногда и «Растрепочка»¹, возможно, за присущую Степану небрежность во внешнем облике.

Курс С.Ф. Фортунатова был достаточно многочисленным – в списках третьего года обучения насчитывалось 26 человек². Как правило, далеко не все из числа зачисленных в университет заканчивали обучение. Так, Н.Г. Высотский вспоминал, что из 32 человек на первом курсе до четвертого дошли только 8³. Следующий после него курс к четвертому году обучения насчитывал 11 студентов⁴. Из числа сокурсников С.Ф. Фортунатова вышло достаточно много гимназических учителей: А.А. Антульский (3-я Варшавская мужская гимназия), А.Н. Гусаковский (Курская мужская гимназия), В.Р. Чиж (Тульская гимназия), Н.А. Адо (директор Минской мужской гимназии).

Особо необходимо выделить еще одного сокурсника и близкого друга С.Ф. Фортунатова – Александра Александровича Шахова (1850-1877). Он прожил короткую жизнь, но успел проявить себя как талантливый ученый и педагог. После окончания университета А.А. Шахов был оставлен при кафедре истории западной литературы и после заграничной стажировки блестяще защитил диссертацию по истории французской литературы⁵. По свидетельству Кареева, он обладал «живым и острым умом научно-реалистического склада с особенно подчеркнутой склонностью к «вольнодумству», что делало его большим поклонником позитивизма»⁶. А.А. Шахов достаточно тесно общался и с Филиппом Фортунатовым – так, в письме к В.О. Ключевскому в сентябре 1871 г. он интересуется исходом диспута, в котором должен был принимать участие Филипп, передает ему привет⁷. В дру-

¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 129.

² ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 477. Д. 50. Л. 11-17.

³ Высотский Н.Г. Из далекого прошлого. С. 151.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 477. Д. 50. Л. 1-5.

⁵ Шахов А.А. Французская литература в первые годы XIX века: Ист.-лит. дис. М., 1875.

⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 320.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 34. Ед. хр. 61. Л. 2.

гом письме к В.О. Ключевскому в марте 1872 г. он отмечает, что они какое-то время вместе с Филиппом были в Берлине, а после отъезда Шахова Фортунатов «получает его газеты»¹.

Лекционные курсы А.А. Шахова, прочитанные в Московском университете и на Высших женских курсах, были высоко оценены специалистами и выдержали несколько изданий². С.Ф. Фортунатов в рецензии на книгу «Очерки литературного движения в первую половину XIX века» писал: «В Шахове соединялось широкое научное беспристрастие ученого и строго определенное и ясно сформулированное мировоззрение, освещавшее и объединявшее весь курс его лекций. [...] Читателя поражает громадная начитанность лектора не только по истории литературы, но также по всеобщей истории и политической экономии»³.

Н.И. Кареев, А.А. Шахов и С.Ф. Фортунатов вместе занимались в семинаре В.И. Герье, в том числе были приглашены на его вечерний семинарий. Так, Н.И. Кареев вспоминает, что оппонентом по реферату В.Н. Пирогова о жирондистах выступал С.Ф. Фортунатов⁴. Он был постоянным участником знаменитых журфиксов на дому у семейства Герье по четвергам. У В.И. Герье были все основания предполагать, что его ученик вовремя защитит диссертацию и станет коллегой на кафедре.

Таким образом, окончив в 1871 г. историко-филологический факультет Московского университета со степенью кандидата⁵, С.Ф. Фортунатов был оставлен при университете для приготовления к магистерскому экзамену. Ему была предоставлена стипендия имени Т.Н. Грановского (600 руб. в

¹ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 34. Ед. хр. 61. Л. 5.

² Шахов А.А. Гете и его время. Лекции по истории немецкой XVIII в. литературы, читанные на Высших женских курсах в Москве. СПб., 1891; Его же. Вольтер и его время. Лекции по истории французской литературы XVIII века, читанные в Московском университете. СПб., 1907; Его же. Очерки литературного движения в первую половину XIX века. Лекции по истории французской литературы, читанные на Высших женских курсах в Москве. СПб., 1907.

³ Фортунатов С.Ф. Новая книга о литературе XIX века // Рус. ведомости. 1893. № 337.

⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 132.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп.2. Д. 4077. Л. 198 об.

год)¹. Осенью 1873 г. он успешно сдал экзамен на магистра всеобщей истории². Вероятно, именно в это время была определена тема магистерской диссертации С. Фортунатова – «Генри Вен». Следует отметить, что эта тема стояла в стороне от научных интересов самого В.И. Герье.

Сложившаяся практика предполагала, что магистранты одновременно с работой над диссертацией приобретали педагогический опыт в каком-то учебном заведении, хотя такая нагрузка для молодых людей была достаточно обременительна. Так, на заседании Совета факультета 9 декабря 1874 г. отмечалось, что служба стипендиатов Министерства народного просвещения учителями в гимназии отвлекала кандидатов от научных занятий: «За десятилетие с 1863 по 1873 г. факультет рекомендовал Совету на оставление при Университете двадцать (20) кандидатов [...] Фортунатова Филиппа, [...] Фортунатова Степана [...]. Из них ученые степени приобрели трое: магистра – Корш и Соловьев, доктора – Андрей Попов. Выдержали испытание на степень магистра пятеро: Возницин, Высотский, Фортунатов Филипп, Миллер, Фортунатов Степан»³.

С.Ф. Фортунатов свой первый педагогический опыт приобретает на Высших женских курсах, которые были открыты по инициативе В.И. Герье осенью 1872 г. Это было первое в России высшее учебное заведение для женщин, программа обучения здесь была настолько приближена к университетской, что некоторые называли эти курсы «Женским университетом». К преподаванию на курсах В.И. Герье привлек ведущих профессоров Московского университета – Н.И. Стороженко, Н.С. Тихонравова, В.С. Соловьева, Ф.И. Буслаева, А.И. Чупрова, Ф.А. Бредихина, А.Г. Столетова, Д.Н. Анучина. Преподавали здесь и молодые магистранты – А.Н. Веселовский, В.Ф. Мил-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 43. Д. 248. Л.1.; Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета в 1871-72 акад. и 1872 гражданском году. С. 99.

² ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп.2. Д. 4077. Л. 197; Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета в 1872-73 акад. и 1873 гражданском году. С. 25.

³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 1. Л. 21.

лер, А.А. Шахов, В.О. Ключевский и др. Возглавил педагогический совет Высших женских курсов С.М. Соловьев.

Приглашение в такой педагогический коллектив можно считать удачей для С.Ф. Фортунатова. Он читал вместе с В.И. Герье всеобщую историю. Однако подробности его преподавания на Высших женских курсах в 70-е гг. XIX в. не сохранились. В воспоминаниях одной из первых курсисток Е.Н. Щепкиной упоминается, что С. Фортунатов читал «всеобщую историю древнюю и среднюю», однако она отмечала, что «семинарии Герье» давали больше, чем лекции С.Ф. Фортунатова¹.

Именно здесь С.Ф. Фортунатов входит в кружок молодых ученых, душой которого можно считать А.А. Шахова. Сохранились восторженные воспоминания курсисток о лекциях Шахова: «молодой, энергичный, высокий, худой по наружности, с горящими глазами, серьезно сосредоточенный», «его энергичная, полная художественных образов речь». Е.С. Некрасова пишет: «Шахов не читал, он говорил, и говорил увлекательно, со всем жаром и пылом, на какую способна молодость, да к тому же одаренная несомненным талантом»². С.Ф. Фортунатов отмечал, что «он обладал редким даром в образной, изящной, легкой форме излагать очень трудные и сложные вопросы»³. А.А. Шахов очень ответственно относился к преподавательской деятельности, много работал над своими лекционными курсами. Так, в письме к В.И. Герье в апреле 1876 г. он писал: «позабочусь о том, чтобы внести в свой курс как можно больше жизненного, общеобразовательного и общечеловеческого»⁴.

После отъезда А.А. Шахова за границу В.И. Герье задумался о приглашении на Высшие женские курсы вместо него Н.И. Кареева, завершившего университетский курс в 1873 г. и также оставленного «профессорским кан-

¹ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л.8, 10.

² Некрасова Е.С. Два слова в память десятилетия Московских Высших женских курсов // Владимир Иванович Герье и Московские Высшие женские курсы: мемуары и документы. М., 1997. С. 126.

³ Фортунатов С.Ф. Новая книга о литературе XIX века.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 56. Д. 12. Л. 1.

дидатом», а в 1875 г. на курсах начинает работать еще один магистрант В.И. Герье П.Г. Виноградов. Оставляя практически каждый год одного из способных выпускников для приготовления их к профессорскому званию, В.И. Герье стремился подготовить для кафедры сразу несколько высококвалифицированных специалистов. Однако столько вакантных мест на кафедре не было. Создается ситуация острой конкуренции между магистрантами В.И. Герье, проследить которую можно по письмам и мемуарам Н.И. Кареева и другим свидетельствам. Так, С.П. Мельгунов отмечал, что С.Ф. Фортунатов «был как бы конкурент самого П.Г. Виноградова, и конкурент, по-видимому, опасный, за которым Виноградов тщательно следил»¹.

В этом своеобразном состязании С.Ф. Фортунатов проигрывал из-за своей неорганизованности и того, что он, по выражению Н.И. Кареева, «терпеть не мог процесс писания»². По положению о присуждении магистерской степени соискатель должен был за несколько месяцев до защиты опубликовать книгу, которая представлялась в Совет. В 1875 г. С.Ф. Фортунатов издал книгу о деятеле английской революции Генри Вене³. Не давая здесь характеристики ее содержания, отметим, что она не отвечала традиционным требованиям к магистерским диссертациям, сложившимся в Московском университете. Она не опиралась на архивные источники, впервые вводимые в научный оборот, была небольшой по объему (180 с.)⁴.

Для представления диссертации в совет В.И. Герье должен был написать рекомендательный отзыв. Однако его не удалось обнаружить ни в архиве профессора, ни в печати (подобные отзывы часто публиковались). Возможно, В.И. Герье даже не писал его. Это могло объясняться несоблюдением чисто формальных требований к диссертации, неудовлетворенностью ее

¹ Мельгунов С.П. Указ соч. С. 173.

² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 129.

³ Фортунатов С.Ф. Представитель индипендентов Генри Вен. М., 1875.

⁴ Для справки отметим, что магистерские диссертации других учеников были значительно объемнее: Н.И. Кареева – 491 с.; П.Г. Виноградова – 348 с.; М.С. Корелина – 1088 с.; Р.Ю. Вишпера – 686 с.; С.А. Котляревского – 389 с.; Е.Н. Щепкина – 852 с.; И.И. Иванова – 749 с.

научным уровнем или страхом перед ее либеральными идеями. В письме В.О. Ключевского к А.А. Шахову речь идет о каких-то интригах вокруг диссертации С.Ф. Фортунатова. В.О. Ключевский, упоминая о «победившем пессимизме», пишет: «То же и со Степой. Он был предложен один без танцмейстера. Но кому он обязан этим? Известному декану, который болтая на все четыре стороны, очевидно доложил робкому Вольдемару о последствиях его намерений, слышанных от Савича»¹.

Данную цитату можно интерпретировать следующим образом. С.Ф. Фортунатов предложил свою диссертацию для защиты в Совет, но В.И. Герье («танцмейстер») не написал рекомендательного отзыва, испугавшись каких-то последствий. Деканом факультета в 1875 г. был Н.А. Попов, который предупредил В.И. Герье о том, что Н.С. Тихонравов (Савич) усмотрел в книге что-то крамольное. Возможно, в этой интриге сыграли определенную роль и противоречия между Н.С. Тихонравовым, профессором кафедры истории русского языка (в 1876 г. он станет деканом факультета, а в 1877 г. – ректором университета), и профессором истории и литературы славянских наречий А.Л. Дювернуа, руководителем магистерской диссертации Ф.Ф. Фортунатова.

Ситуация, в которой оказался С.Ф. Фортунатов, была непростой. Диссертация воспринималась как свидетельство научной зрелости ученого², и являлась, по сути, обязательным условием для успешной научной карьеры. Неудачи с защитами происходили, по всей видимости, достаточно редко. О подобных случаях известно мало, поскольку диссертации официально фиксировались именно по факту их защиты. Так, С.А. Жебелев, затрагивая в своей статье вопрос о диссертациях, защищенных на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, упоминает несколько работ, с трудом набравших необходимое количество голосов, и только две не допу-

¹ Иванова Т.Н. В.О. Ключевский о В.И. Герье ... С. 320.

² См. подробнее: Алеврас Н.Н. Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX в. // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 218-241.

щенные Советом к защите – диссертации Ф.А. Видемана и О.Ф. Вальдгауера. В случае с последним работа из-за наличия отрицательного отзыва Б.В. Фармаковского даже не ставилась на голосование, а претенденту «частным образом было сообщено, чтобы он взял свою диссертацию обратно, как если бы он ее и не представлял»¹. Несколько упоминаний об отвергнутых диссертациях встречается в дневниковых записях супруги историка С.Ф. Платонова Надежды Николаевны, в частности о филологе Н.И. Новосадского из Варшавы, работа которого была отклонена после длительного обсуждения на заседании историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета². Однако, неудача с защитой вовсе не означала, что попытку нельзя было повторить. Претендент на ученую степень мог доработать свое исследование и представить его вновь, возможно в другом университете.

О том, что В.И. Герье продолжал надеяться на своего магистранта, свидетельствует тот факт, что не поддержав его в вопросе о защите диссертации, он все же предложил ему читать лекции по истории средних веков в университете. В протоколе заседания Совета факультета от 24 апреля 1875 г. отмечено: «Проф. Герье предложил факультету ходатайствовать перед Советом Университета о приглашении магистранта Степ. Федор. Фортунатова к чтению в первом полугодии будущего 1875-76 учебного года лекций по средневековой истории студентам II и III курса по два часа в неделю соединенно с платою по 300 рублей за годовой час из остатков от штатных сумм. Определено: Ходатайствовать об этом в Совет университета согласно заявлению проф. В.И. Герье, но не на первое только полугодие, а на весь учебный год»³.

¹ Жебелев С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. III. С. 157.

² НИОР РГБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 82 об, 83. Материалы любезно предоставлены Н.Н. Алеврас.

³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 2. Л. 16.

Неудачу с первой диссертацией С.Ф. Фортунатова можно объяснить тем, что он не получил зарубежной командировки и готовил ее только по материалам российских библиотек. Поэтому В.И. Герье начинает хлопотать «о командировании кандидата Степана Фортунатова за границу с ученой целью на счет сумм Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения]»¹. В декабре 1875 г. С.Ф. Фортунатова включают в приказ о стажировке за границей на два года со стипендией 1500 руб. в год (с удержанием 2% в пенсионный капитал). Особо оговаривается вопрос о том, чтобы кандидаты были уведомлены о необходимости завершения всей работы за указанный срок, так как продления командировки не под каким предлогом не предусмотрено².

Однако в связи с тем, что С.Ф. Фортунатов читал у студентов университета курс по истории средних веков, ему в январе 1876 г. разрешают отсрочить выезд в заграничную командировку до 1 апреля 1876 г.³, и отдельным распоряжением оговаривается возможность получения средств, предназначенных за декабрь 1875 г. в апреле 1876 г.⁴ Досрочно приняв экзамены по курсу истории средних веков⁵, С.Ф. Фортунатов 13 апреля 1876 г. получает свидетельство «о командировании за границу с ученой целью на два года» (имеется пометка о собственноручном получении)⁶.

Инструкция для прохождения стажировки была утверждена на заседании Совета факультета еще в марте 1876 г. Необходимо отметить, что В.И. Герье не разрабатывал инструкции специально для С.Ф. Фортунатова, а предложил тот же вариант, который был составлен для Н.Г. Высотского, отправленного за границу еще в 1872 г.⁷ Инструкция определяла достаточно большой объем работы для начинающего ученого: «Провести два семестра в Берлине и прослушать в это время курс государственного права, финансов и

¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 3. Л. 1.

² Там же. Оп. 44. Д. 72. Л. 24, 24 об.

³ Там же. Оп. 476. Д. 3. Л. 16 об.; Оп. 44. Д. 72. Л. 25.

⁴ Там же. Оп. 44. Д. 72. Л. 48, 48 об.

⁵ Там же. Оп. 476. Д. 4. Л. 7.

⁶ Там же. Оп. 44. Д. 72. Л. 84.

⁷ Там же. Оп. 476. Д. 4. Л. 11.

истории философии и заниматься на семинариях у Момзена и Дройзена, не развлекаться слушанием других курсов, а посвятить свободное время на тщательное изучение предметов, которых будут касаться посещаемые курсы». Далее рекомендовалось в промежутке между двумя семестрами поехать в Париж, чтобы познакомиться с преподаванием в Ecole des Chartes, Сорбонне и Французской Коллегии. По окончании второго семестра инструкция предписывала молодому ученому отправиться на два или три месяца в Италию, чтобы ознакомиться с главнейшими из ее музеев и исторических памятников. Заканчивалась инструкция предписанием «второй год посвятить собиранию материалов для диссертации и поэтому избрать для жительства ту страну, к истории которой будет относиться предмет диссертации. Темой для диссертации взять какой-либо отдельный необширный вопрос, для того чтобы можно было обработать его вполне научным образом»¹.

Анализируя текст инструкции, можно отметить, что ее выполнение должно было привести к изучению преподавания в крупнейших университетах того времени и знакомству с известнейшими немецкими учеными. Инструкция была составлена с учетом собственного опыта В.И. Герье и включала посещение именно тех стран, в которых в свое время проходил стажировку сам профессор. Именно в период стажировки кандидаты получали возможность поработать в зарубежных архивах и библиотеках для поиска еще не исследованных источников, что придавало написанным на их основе диссертациям несомненную научную новизну. Западноевропейские ученые признавали работы русских коллег оригинальными и значимыми.

Итак, во второй половине апреля 1876 г. С.Ф. Фортунатов должен был выехать в заграничную командировку. Однако вопрос о том, был ли он в заграничной командировке, остается открытым. В выписке из журнала заседания Совета университета от 24 марта 1878 г. указано, что Степан Фортунатов исключается из числа командированных за границу в связи с тем, что «до сего

¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. Л. 85, 85 об.

времени заграничною командировкой не воспользовался»¹, этот факт отмечается и в «Отчете о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1879 год»². Нет упоминания о заграничной стажировке и в автобиографии, написанной в 1885 г. (приложена к материалам по поступлению С.Ф. Фортунатова на службу в Московский университет – см. прилож. 5)³. Вместе с тем в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечается, что Фортунатов был в заграничной командировке и слушал лекции профессора Гольста по истории Соединенных Штатов во Фрейбургском университете⁴, а в воспоминаниях Н.И. Кареева есть упоминание, что Фортунатов «не выдержал в Париже даже трех месяцев и прикатил в Москву»⁵. Неоспоримо свидетельствуют о пребывании С.Ф. Фортунатова за границей в эти годы его замечания о работе в Парижской и Гейдельбергской библиотеках, а также консультациях профессора Гольста, которые встречаются в предисловии к его книге «История политических учений в Соединённых Штатах», изданной в 1879 г.⁶

В условиях отсутствия четких свидетельств мнения исследователей также расходятся. А.В. Антощенко отмечает, что С.Ф. Фортунатов несколько раз по неуважительным причинам переносил сроки выхлопотанной для него В.И. Герье заграничной стажировки, и в конце концов был исключен Министерством из списка кандидатов на поездку как не воспользовавшийся средствами⁷. Г.П. Мягков полагает, что С.Ф. Фортунатов проходил научную стажировку за границей, но непродолжительное время: «Только стечение обстоятельств – отказ в январе 1877 г. С.Ф. Фортунатова, первого из направленных В.И. Герье своих учеников для подготовки к «профессорскому званию», не выдержавшего одиночества, от продолжения своей командировки, а затем

¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 44. Д. 72. Л. 26, 26 об.

² Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1879 г. М., 1880. С. 124.

³ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4077. Л. 197.

⁴ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXVI. С. 322.

⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 144.

⁶ Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединённых Штатах. С. IV.

⁷ Антощенко А.В. Диссертации П.Г. Виноградова. С. 91.

смерть другого кандидата, утвержденного на место Фортунатова, – открыли возможность Карееву выехать за границу в сентябре 1877 г.»¹.

Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что С.Ф. Фортунатов не находился в научной командировке в течении двух положенных лет. И даже то непродолжительное время, в течении которого он был за границей, провел, по всей видимости, совершенно не так, так предписывала инструкция, – вместо лекций Момзена и Дройзена слушал профессора Гольста во Фрейбургском университете. Не воспользовавшись предназначенной для него стажировкой, С.Ф. Фортунатов значительно осложнил себе дальнейшее продолжение научной карьеры. Происходит резкое охлаждение в отношениях между ним и В.И. Герье, который, вероятно, окончательно разочаровался в своем ученике.

1876 г. стал определенным рубежом в жизни С.Ф. Фортунатова. Для него закончился период, связанный с обучением и первым опытом педагогической и исследовательской деятельности в Московском университете. Здесь сформировались его исторические взгляды, определилась область научных интересов, сложился круг общения.

1.3. Этапы профессиональной деятельности

С 1877 г. начинается новый период в жизни С.Ф. Фортунатова. Подготовка «к профессорскому» званию предполагала несколько последовательных этапов: сдача магистерского экзамена, заграничная стажировка с представлением соответствующего отчета и наконец подготовка и защита самой диссертации. Далеко не всем молодым людям, оставленным при университете, удавалось успешно пройти этот путь. Как правило, кандидаты, потерпевшие неудачу, оставляли мысли о продолжении научной карьеры и поступали на службу, чаще всего учителями в гимназии. Однако С.Ф. Фортунатов после фиаско с заграничной командировкой еще попытался вернуться на ра-

¹ Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке ... С. 97.

боту в Московский университет. Летом 1877 г. вопрос о «стороннем преподавателе» кафедры всеобщей истории решался на совете университета. Этот преподаватель был необходим для обеспечения учебного процесса. И С.Ф. Фортунатов мог надеяться, что его, как и в 1875 г., пригласят для чтения средневековой истории. Однако летом 1875 г. университетский курс закончил еще один ученик В.И. Герье – П.Г. Виноградов. В письме П.Г. Виноградова к В.И. Герье от 23 июня 1877 г. находим следующие замечание: «...Совет утвердил меня преподавателем; для меня это было совершенной неожиданностью, потому что почти накануне того дня, как я получил письмо Тихонравова, Ф.Е. Корш уверил меня, что мое дело отложено до осени. ... Потом я считаю весьма возможным, что в одно время со мною изнемогавшие от усталости члены Совета утвердили и Фортунатова. Наверно пока не знаю этого, потому что не видал никого из компетентных людей...»¹. А в письме от 4 августа 1877 г. П.Г. Виноградов пишет: «Я видел Фортунатова. Он еще не выбран в большом Совете, но ждет возобновления дел в сентябре»².

Впрочем, вопрос о работе в университете С.Ф. Фортунатова положительно так и не был решен. Это объяснялось, скорее всего, тем, что он сильно испортил себе репутацию, не воспользовавшись выделенной для него заграничной командировкой. Показательно в этом плане обсуждение, возникшее на заседании совета историко-филологического факультета в октябре 1877 г. по поводу приглашения только что окончившего университет П.Г. Виноградова в качестве стороннего преподавателя для чтения курса средневековой истории. Профессор В.Ф. Буслаев в своем выступлении отметил, что «приглашение молодого человека, не приобретшего известности в ученой литературе, не представляет достаточных гарантий ни для преподавания, ни для самого преподавателя, указывая при этом на пример кандидата Степана Федоровича Фортунатова»³. В.И. Герье настойчиво ходатайствовал перед сове-

¹ Письма П.Г. Виноградова // Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 175.

² Там же. С. 177.

³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 5. Л. 16 об.

том о том, чтобы поручить П.Г. Виноградову чтение истории средних веков. В протоколах заседаний сохранилась аргументация профессора, которая сводилась к тому, что Н.И. Кареев находится за границей и читать историю средних веков некому. Характерно, что фамилию Фортунатова он не упоминает¹. В итоге В.И. Герье добился того, чтобы П.Г. Виноградова пригласили в качестве стороннего преподавателя. Более того, П.Г. Виноградов заменил С.Ф. Фортунатова и на Высших женских курсах, начав там преподавание истории средних веков.

С.Ф. Фортунатов был вынужден искать работу вне стен университета, и с 1877 г. он начинает преподавать историю в двух частных женских гимназиях: в классической гимназии С.Ю. Фишер² и гимназии С.А. Арсеньевой³. С августа 1878 г. он начал также работать учителем истории в 4-й московской женской гимназии Ведомства императрицы Марии.⁴

Вместе с тем С.Ф. Фортунатов планировал продолжить и научную работу. Он не стал дорабатывать свое исследование о Генри Вене, а написал новую работу по истории политических учений в Соединенных Штатах, которую издал в 1879 г.⁵ Учитывая свой первый неудачный опыт и сложившееся отношение к нему на факультете, он даже не пытался представить эту книгу как диссертацию в Московском университете, а обратился в Киевский университет, где были не такие строгие требования к магистерской диссертации. В материалах канцелярии Совета Московского университета сохранилось письмо ректора Московского университета ректору Киевского университета имени Св. Владимира от 2 мая 1879 г. о выдаче выписки из протоколов историко-филологического факультета «об испытаниях кандидата Фортунатова на степень магистра всеобщей истории» для передачи на историко-филологический факультет Киевского университета «на предмет допущения

¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 5. Л. 21 об.

² Там же. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4077. Л. 197.

³ Двадцатипятилетие Московской частной гимназии С.А. Арсеньевой ... С. 10.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4077. Л. 198 об.

⁵ Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединенных Штатах. Ч.1. Федералист и трактаты Кальгуна. М., 1879.

Фортунатова к защите диссертации»¹. Однако, по словам П.Г. Виноградова, «вторая диссертация Фортунатова натолкнулась в Киеве на не совсем лестный прием со стороны большинства факультета с Котляревским во главе»². После второй неудачной попытки Степан Федорович оставил попытки получить ученую степень и сосредоточился на преподавательской и журналистской деятельности.

С 1879 г. С.Ф. Фортунатов начал работать в газете «Русские ведомости», и это сотрудничество продолжалось более 30 лет. Также он публиковал свои статьи и рецензии в «Критическом обозрении», «Русской мысли», «Юридическом вестнике», «Научном слове». Но основной сферой его деятельности, в которой он получил заслуженное признание, становится преподавание. За более чем 40-летнюю педагогическую практику С.Ф. Фортунатов работал как в высших учебных заведениях, так и в гимназиях. Так сложилось, что он преподавал только в женских гимназиях, но это были одни из лучших гимназий Москвы.

Необходимо отметить, что во второй половине XIX в. система женского среднего образования в России переживала серьезные изменения. Общая демократизация общественной жизни, характерная для 60-х гг., актуализировала вопрос о женском образовании в свете повышения его общеобразовательного и научного уровня, так как существующая система совершенно не соответствовала потребностям страны и общества. Реформа женского образования стала первой в ряде школьных реформ 1860-х гг. В результате была создана новая социально-педагогическая модель построения женского образования, которая отвергала основные установки предшествующей системы: жесткую сословность, закрытый характер учебных заведений и полное устранение влияния на них общественности³. Именно в этот период в России появляются первые женские гимназии, которые способствуют переходу

¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 42. Д. 221. Л. 3.

² Письма П.Г. Виноградова. С. 183.

³ Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Среднее женское образование в России. М., 2009. С. 237-238.

среднего образования на качественно новый уровень. Характерной особенностью развития женского образования во второй половине XIX в. было и динамичное развитие системы частных гимназий. Некоторые из них ориентировались на государственные программы, изданные Министерством народного просвещения, другие работали по авторским программам¹. Соответственно, частные женские гимназии по сравнению с государственными имели большую свободу в выборе учебных программ и, как правило, давали более глубокие знания.

Самым ярким примером в этом отношении являлась московская гимназия С.Н. Фишер, в которой С.Ф. Фортунатов работал с 1877 по 1910 г.² Программа обучения здесь полностью соответствовала программе мужских гимназий. Так же строго, как в мужских гимназиях здесь учили древние языки (что было очень большой редкостью), а изучение европейских языков было даже усилено³. Основателем и бессменным руководителем гимназии была Софья Николаевна Фишер. Н.И. Кареев, некоторое время работавший здесь, писал о ней так: «Это была женщина умная, сама научилась классическим языкам, проявила большую энергию и организаторский талант»⁴. С.Н. Фишер также преподавала в гимназии древние языки, знанием которых особенно славились ее выпускницы (в других женских гимназиях греческий и латинские языки не преподавались). В 1878 г. по распоряжению Министра народного просвещения работы гимназисток по древним языкам были отправлены на Парижскую всемирную выставку, где эксперты присудили за них С.Н. Фишер почетное звание⁵.

Очень хорошую подготовку своим воспитанницам давала и гимназия С.А. Арсеньевой, где С.Ф. Фортунатов проработал практически 40 лет (с

¹ Майданова С.Ю. Образовательные системы частных женских гимназий России второй половины XIX – начала XX вв. // Ист. науки. 2007. № 3. С. 100.

² Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С.Н. Фишер ... С. 85.

³ Сведения о женской классической гимназии С.Н. Фишер с 1-го сентября 1872 г. по 1-е сентября 1882 г. М., 1882. С. 15.

⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 143.

⁵ Сведения о женской классической гимназии С.Н. Фишер ... С. 70; Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С.Н. Фишер ... С. 85.

1877 г. по 1917 г.)¹. Эта гимназия считалась элитной, плата за обучение была достаточно большая, но и преподавание велось на самом высоком уровне, почти все предметы были даны в объеме мужских гимназий (за исключением древних языков)². В разные годы здесь преподавали Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, М.М. Хвостов³.

4-я московская женская гимназия Ведомства императрицы Марии, в которой работал С.Ф. Фортунатов, была большая, и историков в ней было достаточно много. Так в одном письме уточняя необходимость приехать на переэкзаменовки, Я.Л. Барсков отмечает «обилие историков в IV гимназии»⁴. Здесь преподавали П.Н. Милюков, Ф.А. Смирнов, Я.Л. Барсков, Н.Е. Цабель. Эта гимназия считалась достаточно престижной, в нее стремились устроиться многие преподаватели – так, Ф.А. Смирнов в 1891 г. в письме к Я.Л. Барскову писал: «Позволь еще раз поблагодарить тебя за твою любезность, благодаря которой я водворился наконец в 4-й гимназии»⁵. Если говорить о программах по истории, то количество часов в женских и мужских государственных гимназиях практически не отличалось⁶.

Работа в 4-й гимназии была важна для С.Ф. Фортунатова и в том плане, что это было государственное учебное заведение, и он таким образом мог продвигаться по государственной службе. В 1879 г. он был произведен за выслугу лет в коллежские ассесоры⁷, а в 1884 г. «за усердную службу» награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.⁸ Получал он и другие поощрения, например, единовременные денежные выдачи⁹.

С.Ф. Фортунатова приглашали иногда и для домашних уроков. Так, по воспоминаниям известного книгоиздателя М.В. Сабашникова, ему и его бра-

¹ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 г. М., 1917. С. 433.

² Двадцатипятилетие Московской частной гимназии С.А. Арсеньевой ... С. 9.

³ Там же. С. 23.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 16. К. 1. Ед. хр. 46. Л. 19.

⁵ Там же. К. 4. Ед. хр. 36.

⁶ Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Среднее женское образование в России. С. 218.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп.2. Д. 4077. Л. 199 об.

⁸ Там же. Л. 200 об.

⁹ Там же. Л. 199 об.

тъям историю преподавал С.Ф. Фортунатов¹. При этом надо отметить, что если наиболее распространенной практикой было приглашение в качестве домашних наставников молодых преподавателей (нередко студентов), то среди учителей, обучавших братьев Сабашниковых, были многие талантливые русские ученые, уже тогда имевшие или вскоре получившие известность: Ф.Е. Корш, А.Е. Грузинский, П.Ф. Маевский, Н.С. Тихонравов и др.²

С начала 1890-х гг. С.Ф. Фортунатов начинает преподавать на коллективных уроках при Обществе воспитательниц и учительниц. Дело в том, что в 1886 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов запретил прием новых слушателей на Высшие женские курсы, и 15 мая 1888 г., когда завершилось обучение для уже принятых, курсы закрылись. Однако преподаватели МВЖК не смирились с этим. В.И. Герье организовал в 1889-1892 гг. общедоступные публичные лекции в Политехническом музее. Другая часть преподавателей с 1889 г. организовала при московском Обществе воспитательниц и учительниц вечерние «коллективные уроки» по двум циклам: историко-филологическому и физико-математическому. Эти «коллективные уроки» практические совпадали с университетской программой³. Здесь продолжали свою работу многие профессора и преподаватели МВЖК и такие светила русской науки, как И.М. Сеченов, К.А. Тимирязев, М.Н. Покровский, В.И. Вернадский, С.А. Чаплыгин, А.Н. Реформатский и др.

Постепенно «коллективные уроки» из скромного малозаметного начинания превратились в настоящие женские курсы. А.А. Кизеветтер вспоминал, что в первые годы существования курсов лекции читались в небольшой зале в квартире Общества воспитательниц и учительниц и почти все слушательницы помещались за одним длинным столом: «Было очень уютно, словно это была не публичная лекция, а приятельская беседа. И отношения между лекторами и слушательницами тотчас же приняли приятельский характер»⁴.

¹ Сабашников М.В. Записки. М., 1995. С. 104.

² Сабашников М.В. Воспоминания. М., 1988. С. 113.

³ Подробнее см.: Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье ... С. 258-259.

⁴ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 183.

Однако курсы очень быстро приобрели популярность, и количество слушательниц постоянно увеличилось. Уже в 1893 г. пришлось подыскивать новое помещение для лекций, и в дальнейшем практически ежегодно требовался переезд в новые все более обширные помещения. «Коллективные уроки» разрастались и по количеству и разнообразию читавшихся на них курсов и приглашенных преподавателей. С.Ф. Фортунатов трудился там практически с момента основания и стал одним из наиболее популярных преподавателей. А.А. Кизеветтер вспоминал, что он «собирал громадную аудиторию, читая курсы по истории Соединенных Штатов Северной Америки и по истории Великой французской революции»¹.

В 1899 г. В.И. Герье возобновил хлопоты о вторичном открытии Московских Высших женский курсов. И с 1900 г. курсы начали работу на более широкой основе, став, по сути, настоящим высшим учебным заведением. В 1900 г. здесь действовало два факультета: историко-филологический и физико-математический, а позже был открыт медицинский. Однако в октябре 1905 г., в то время когда сам В.И. Герье находился за границей, его сместили с поста директора МВЖК и избрали директором профессора С.А. Чаплыгина. Именно в это время на замену читавшего всеобщую историю В.И. Герье и был приглашен С.Ф. Фортунатов. Он становится здесь ведущим преподавателем дисциплин новой истории и читает историю Соединенных штатов Северной Америки, историю Англии XIX в., историю Германии XIX в., историю Французской революции².

Осенью 1885 г., спустя десять лет после первого кратковременного опыта преподавания там, С.Ф. Фортунатов возвращается в Московский университет в качестве приват-доцента. Это стало возможным в связи с приня-

¹ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 188-189.

² См.: Фортунатов С.Ф. История Соединенных штатов Северной Америки: Лекции, чит. на В.Ж.К. в 1909–10 уч. г.: Записки слушательниц В.Ж.К. М., [1910]; Его же. История Англии XIX века: Записки, слушат. по лекциям, чит. в 1911/12 уч. г. М., [1912]; Его же. История Англии и Германии 19-го века: Лекции, чит. на Моск. высш. жен. курсах в 1914–1915 г. Ч. 1–2; Его же. История Франции со времени Великой революции. Лекции, чит. на В.Ж.К., 1913–1914: в 2 т. М., 1914 и т.д.

тием нового университетского устава 1884 г., который значительно изменил характер приват-доцентуры. Если по уставу 1863 г. ее цель заключалась в подготовке к профессорскому званию молодых ученых, то теперь в число приват-доцентов допускались «профессоры других высших учебных заведений, а также лица, приобретшие известность своими учеными трудами»¹. Это новшество привело к колоссальному росту числа приват-доцентов. Так, если в Московском Императорском университете в 1884 г. было всего 15 приват-доцентов,² то в 1885 г. – 38³; 1886 г. – 50⁴, 1887 г. – 63⁵, 1888 г. – 76⁶.

Подготовка к профессуре через педагогическую практику по прежнему оставалась одной из основных задач приват-доцентуры, но теперь она должна была также способствовать повышению конкуренции среди преподавателей для повышения их научного и преподавательского уровня, а также максимальному расширению программ читаемых курсов⁷. Можно предположить, что именно последнее обстоятельство сыграло решающую роль в принятии С.Ф. Фортунатова в число приват-доцентов Московского университета, так как обращаясь с прошением об открытии курса лекций по всеобщей истории, он указал, что «предметом моих чтений, программу коих при сем прилагаю, я думаю сделать историю Соединенных Штатов»⁸ (см. прилож. 4). Такой курс еще никогда не читался в Московском университете.

Приват-доцентство было доступно для четырех категорий кандидатов. Первая категория – это люди, имеющие какую-либо ученую степень. Вторая – это те, кто сдал магистерские экзамены, даже не защитив диссертацию.

¹ Общий устав и временный штат императорских российских университетов ... С. 38.

² Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1884 год. М., 1885. С. 10.

³ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1885 год. М., 1887. С. 12.

⁴ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1886 год. М., 1888. С. 10.

⁵ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1887 год. М., 1889. С. 44.

⁶ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1888 год. М., 1890. С. 10.

⁷ Пискунов И.В. Правовое положение приват-доцентов ... С. 104.

⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 208. Л.1.

ции. Они должны были лишь предъявить свидетельство о праве преподавания в звании приват-доцента, которое выдавалось в случае успешного прочтения двух пробных лекций, причем одна тема выбиралась самостоятельно, а другая давалась факультетом. Третья категория – это профессора других высших учебных заведений, а четвертая – «лица, приобретшие известность своими научными трудами». Для утверждения последних было необходимо разрешение министра и чтение одной пробной лекции¹. Чтение пробных лекций было достаточно серьезным испытанием для кандидатов, проверкой их знаний и педагогических способностей. Неслучайно тема одной из лекций определялась факультетом – таким образом можно было проверить умение претендента «быстро собирать, обобщать и излагать материал в виде лекций»². Лекции читались перед будущими слушателями – студентами и должны были их заинтересовать.

С.Ф. Фортунатова определенно можно отнести ко второй категории лиц, для которых был открыт доступ к приват-доцентству. Он обращается с прошением в историко-филологический факультет и просит назначить «сроки для установленных пробных лекций, в случае одобрения таковых со стороны факультета, ходатайствовать перед начальством об утверждении меня в означенном звании»³. На совете факультета принимается положительное решение, при этом от чтения пробных лекций С.Ф. Фортунатова «как состоявшегося преподавателя всеобщей истории» освобождают⁴. После соответствующего ходатайства факультета ректор университета обращается к попечителю Московского учебного округа за разрешением принять С.Ф. Фортунатова в число приват-доцентов, отмечая что «что исправляющий должность начальника Московских женских гимназий, на сделанный мною запрос, сообщил, что препятствий на принятие г. Фортунатова в

¹ Пискунов И.В. Правовое положение приват-доцентов российских университетов. С. 106.

² Пискунов И.В. Как стать российским приват-доцентом? // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 251.

³ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 208. Л.1.

⁴ Там же. Л. 36.

число приват-доцентов Московского университета со стороны службы в 4-й женской гимназии не имеется»¹. В письме от 22 ноября 1885 г. попечитель Московского учебного округа дает соответствующее разрешение², и 25 ноября ректор уведомляет об этом историко-филологический факультет «для издания надлежащего распоряжения»³.

Таким образом, с 1886 г. С.Ф. Фортунатов становится преподавателем Московского университета. За период работы здесь он в основном читает курсы по истории Соединенных Штатов и европейских государств XIX века, а также истории конституционного права⁴. Статус приват-доцента в университете значительно отличался от статуса профессора. Приват-доценты не являлись штатными преподавателями и постоянного жалования не получали, их труд оплачивался по итогам работы из средств, ежегодно выделяемых Министерством для вознаграждения преподавателей, либо особо запрошенных у Министерства⁵. Так, в материалах канцелярии Совета Московского университета сохранилось решение историко-филологического факультета от 16 апреля 1904 г. о вознаграждении приват-доценту С.Ф. Фортунатову за преподавание истории Западной Европы в XIX в. в размере 600 руб. «из остатков от сумм по содержанию личного состава историко-филологического факультета»⁶. Для сравнения можно отметить, что оклад штатного профессора составлял 3000 руб. в год, экстраординарного – 2000 руб.⁷

Несмотря на нестабильность финансового положения, приват-доцентство давало С.Ф. Фортунатову хорошую возможность для работы со студентами, получающими специальное историческое образование, именно по тем курсам, которые были для него особенно интересны. В стенах Мос-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4077. Л. 195 - 195 об.

² Там же. Л. 196-196 об.

³ Там же. Ф. 418. Оп. 476. Д. 208. Л.2.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 113. К. 25. Ед. хр. 37. 34 л.

⁵ Пискунов И.В. Правовое положение приват-доцентов российских университетов. С. 104.

⁶ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 82. Д. 554. Л. 2.

⁷ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1884 год. Приложения. С. 10; Шипилов А.В. Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем // ALMA MATER. Вестник высшей школы. 2003. № 4. С. 38.

ковского университета С.Ф. Фортунатов проработал почти 25 лет, покинув его в 1911 г. «вместе с другими профессорами и приват-доцентами после увольнения из профессуры членов университетского президиума»¹.

События 1911 г., известные как «дело Кассо», были спровоцированы появлением на фоне студенческих волнений циркуляра Министра народного просвещения Л.А. Кассо «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений». Согласно ему, запрещались собрания и присутствие в университете посторонних лиц. В случае начала новых студенческих волнений градоначальник получал право закрыть университет, что нарушало временные правила 1905 г. В ответ 27 января 1911 г. состоялась сходка студентов. В университет была введена полиция. Тогда ректор А.А. Мануйлов вместе с проректором и помощником подали в отставку, что стало началом массовых отставок. К лету 1911 г. в отставку подал 131 преподаватель – около одной трети всего преподавательского состава университета².

Принимая во внимание либеральные взгляды С.Ф. Фортунатова, можно предположить, что для него не существовало другого выбора в данной ситуации, как только поддержать своих коллег. Студенты историко-филологического факультета в ответ на его отставку устроили 15 февраля 1911 г. церемонию прощания с преподавателем и преподнесли адрес следующего содержания: «Глубокоуважаемый Степан Федорович, много лет и много сил посвятили вы московскому университету, и не хочет мириться мысль с фактом вашего вынужденного ухода из него. В вашем лице мы теряем незаменимого учителя и прекрасного человека, ставшего нам после всего происшедшего еще более дорогим. Мы не знаем, что будет дальше, но сейчас нам хочется высказать вам те теплые чувства, которые связаны для нас с вашим именем: внешне удаляясь от нас, вы теперь более близки нам чем когда-либо»³.

¹ Сотрудники «Русских ведомостей» // Русские ведомости. 1863-1913. С. 186.

² Московский университет за 200 лет. С. 667.

³ Адрес С.Ф. Фортунатову // Рус. ведомости. 1911. № 38.

В дальнейшем преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в высших учебных заведениях была связана лишь с Высшими женскими курсами и университетом имени А.Л. Шанявского, открытым в 1908 г.

Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского был ярким, неординарным явлением в системе высшего образования предреволюционной России. Не выдавая государственных дипломов своим выпускникам, он между тем имел всероссийскую популярность, и количество желающих учиться здесь росло год от года. Университет привлекал не только свободой поступления и небольшой платой за обучение, но и высоким уровнем преподавания и демократизмом внутренних порядков.

В открытии университета кроме его создателя А.Л. Шанявского и его супруги принимали активное участие целый ряд выдающихся ученых и общественных деятелей: М.М. Ковалевский, К.А. Тимирязев, С.А. Муромцев, В.К. Рот, М.В. и С.В. Сабашниковы, А.И. Чупров, М.Я. Герценштейн, В.Е. Якушкин, Н.И. Гучков, Н.В. Сперанский. По замыслу основателей, новое учебное заведение должно было способствовать широкому распространению высшего образования и популяризации научных знаний¹. Университет находился в ведении Московской городской думы. Управление делами университета принадлежало его правлению и особому попечительскому совету, в состав которого в качестве первого пожизненного члена вошел М.М. Ковалевский².

Торжественное открытие университета состоялось 1 октября 1908 г. в здании Московской городской думы. Актовая речь была произнесена П.Г. Виноградовым. На следующий день начались занятия. Они проходили в помещениях, арендованных по всему городу, поскольку собственного здания

¹ Ардабацкий Е.Н. Указ соч. С. 11.

² См. подробнее: Белоновский В.Н. Пожизненный член попечительского совета первого народного, вольного университета А.Л. Шанявского: биографические вехи, научная и педагогическая деятельность М.М. Ковалевского // Вест. Рос. гос. гуманит. ун-та. 2013. № 3 (104). С. 187-197.

у нового учебного заведения еще не было. Первую лекцию по статистике прочитал А.Ф. Фортунатов.

В университете было создано два отделения: академическое с трехлетним сроком обучения, которое давало высшее образование, и научно-популярное с четырехлетним сроком обучения, которое давало среднее образование в объеме гимназии и являлось, по сути, подготовительным для обучения на академическом отделении¹. В программу академического отделения входили дисциплины двух направлений: естественно-исторического и общественно-философского (их названия менялись по мере развития университета). Слушатели изучали очень широкий круг дисциплин, и учебные планы были очень насыщенными. Так, например, второй год обучения на общественно-философском цикле предполагал 28 лекционных курсов и 12 семинаров. Примечательно, что в программу был включен ряд курсов, не имеющих аналогов в государственных университетах, например: «Теория исторического процесса и методология истории», «Теория и методика государственного управления», «История этических учений» и др.² Между тем строгих учебных планов с четко очерченным кругом дисциплин в университете не было, это была принципиальная позиция руководства университета с первых дней его существования. Слушатели могли сами выбирать для себя курсы из тех, которые читались, причем из разных направлений.

Состав студентов был очень разнообразный и по возрасту, и по образованию. Плата за обучение была небольшой. Занятия проводились в вечернее время, т.к. основная масса слушателей работали. От поступающих не требовались документы об образовании, сословной принадлежности, благонадежности.³ Несмотря на то что студенты, поступавшие в университет, не имели,

¹ Бреев С.И., Конакова Ж.А. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского как тип высшей школы частной инициативы // Интеграция образования. 1999. № 3. С. 22.

² Власов В.А. Народный университет имени Шанявского // Извест. ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 530.

³ Там же.

как правило, того багажа знаний, что был у студентов государственных университетов, уровень преподавания был достаточно высок.

С первых лет работы университета здесь стал складываться очень сильный преподавательский состав. Из историков в разные годы в университете трудились: Ю.В. Готье, М.М. Богословский, Р.Ю. Виппер, Д.Н. Егоров, Н. В. Лукин, В.П. Волгин и др. С момента основания университета в нем преподавал и А.А. Кизеветтер, оставивший яркие воспоминания об университете и его преподавателях. Некоторые исследователи высказывали мнение, что с первого учебного года на постоянной основе здесь работал и С.Ф. Фортунатов¹, однако в отчетах университета за 1908-1910 гг. он не значится в списке постоянных преподавателей², однако, упоминается в числе профессоров, читавших в течение 1908/1909 учебного года «эпизодические курсы»³. Вероятно, он приходит сюда на постоянную работу только в 1911 г. вместе с целой группой профессоров и приват-доцентов, демонстративно покинувших Московский университет. Перечень курсов, которые С.Ф. Фортунатов читал слушателям университета, был примерно тем же, что он давал в Московском университете и на Высших женских курсах: история Франции с XVIII в., истории Англии и Германии в XIX в., история США.

Наиболее интенсивная преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в высших учебных заведениях Москвы приходится на 1905-1915 гг. Он становится одним из ведущих преподавателей на Высших женских курсах и в университете имени А.Л. Шанявского. В эти годы было опубликовано более десятка его лекций по истории США, Германии, Англии, Французской революции и др. За многолетнюю преподавательскую деятельность С.Ф. Фортунатов получил чин статского советника⁴. Во всех учебных заведениях он неизменно пользовался огромной популярностью у студентов. По замечанию

¹ Архипова Т.Г. Указ. соч. С. 193.

² Отчет Московского Городского Народного университета имени А.Л. Шанявского за 1909-1910 акад. год. II-й год. М., 1910. С. 8-9.

³ Отчет Московского Городского Народного университета имени А.Л. Шанявского за 1908-1909 акад. год. I-й год. М., 1909. С. 5.

⁴ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.

А.А. Кизеветтера, «он был прирождённым преподавателем, профессором и незаменимым по живости собеседником в любой компании»¹. С.Ф. Фортунатов обладал феноменальной памятью. Он помнил наизусть всех американских президентов и годы их правления, мог, например, в любое время сказать, в каком году и в какой день Гладстон произнес ту или иную свою речь. Отлично помнил он и всех своих многочисленных учениц: «стоило кому-нибудь сказать год выпуска, как он вспоминал фамилии и всякие подробности из гимназической жизни»².

Пик публицистической активности ученого был связан с событиями революции 1905-1907 гг., когда в российском обществе появился интерес к проблемам конституционализма и парламентаризма. В этот период ученый выступает на страницах печати с разъяснением особенностей политических систем европейских государств и США, выявляя элементы, наиболее приемлемые для России.

С.Ф. Фортунатов по своим педагогическим заслугам и интеллектуальному уровню, несомненно, должен был входить в элиту московской интеллигенции. Однако он занимал в ней достаточно своеобразное место. Сами личные качества и особенности частной жизни С.Ф. Фортунатова представляли собой некий казус, нетипичный случай, отклонение от нормы. Его воспринимали не так как всех, современники постоянно подчеркивали его оригинальность и своеобразие поведения и облика, его абсолютное невнимание к собственной внешности и гигиене.

Письменных свидетельств о деятельности С.Ф. Фортунатова в последние годы его жизни практически не сохранилось. Известно, что 13 мая 1916 г. он перенес инсульт. Приступ с ним случился после экзамена на Высших женских курсах, откуда на скорой медицинской помощи он был доставлен в больницу³. В «Русских ведомостях» было опубликовано достаточно подробное

¹ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.

² Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 173.

³ Богословский М.М. Дневники. 1913–1919. С. 139.

сообщение о болезни С.Ф. Фортунатова, в котором было отмечено, что вечером ему уже было лучше – речь вернулась, но рука и нога были поражены параличом¹.

После болезни С.Ф. Фортунатову удалось восстановиться. Так, М.М. Богословский упоминает в своем дневнике о визите в санаторий к Степану Федоровичу в ноябре 1916 г.: «Я нашел его в очень хорошем состоянии. Речь правильная, изредка только как бы проглатывает отдельные слоги в словах. Он очень оживленно беседовал о текущих событиях»². Возможно, он на некоторое время вернулся к преподавательской деятельности, так как официально состоял в штате Высших Женских курсов, университета им. А.Л. Шанявского и гимназии С.А. Арсеньевой вплоть до своей смерти в 1918 г. Однако, в учебные планы на 1917/1918 учебный год его курсы не были включены³.

Никаких конкретных свидетельств о том, как отразилась на жизни С.Ф. Фортунатова Февральская, а затем и Октябрьская революция 1917 г. не сохранилось. Не обнаружено никаких публикаций ученого за 1917-1918 гг., которые позволили бы выяснить его отношение к тем грандиозным переменам, которые происходили в стране. Учитывая, что в это беспокойное, голодное время умирали даже здоровые люди, можно предположить, что одинокий, частично парализованный С.Ф. Фортунатов испытывал значительные лишения.

Скончался С.Ф. Фортунатов 26 декабря 1918 г. в Пироговской больнице. Панихида прошла там же 29 декабря. Ю.В. Готье в своем дневнике записал: «Вечером зашел за Б.В. Ключевским [...] и мы вместе пошли на панихиду по С.Ф. Фортунатову. Я первый раз в жизни был в покойницкой часовне больницы; там бедный Степочка лежал еще без гроба в обществе еще 6 покойников, и панихида прошла в самой тяжелой и убогой обстановке»⁴. С.Ф. Фортунатов

¹ Болезнь С.Ф. Фортунатова // Рус. ведомости. 1916. № 111.

² Богословский М.М. Дневники. 1913–1919. С.139.

³ Московский Городской Народный университет имени А.Л. Шанявского. 1917-1918 акад. год. Год 10-й. М., 1917. С. 11-12.

⁴ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 158.

был похоронен 30 декабря 1918 г. на Донском кладбище, недалеко от могилы С.А. Муромцева.

Откликом на смерть С.Ф. Фортунатова стал небольшой некролог, опубликованный в газете «Высшая школа», издававшейся в университете имени А.Л. Шанявского. В нем отмечалось, что С.Ф. Фортунатов до последнего времени преподавал на Высших женских курсах и в университете им. Шанявского и «пользовался большой популярностью среди учащихся, и особенно в среде Шанявцев светлая память о нем останется навсегда»¹. Этот некролог единственный, который удалось обнаружить. И это не случайно: в послереволюционной Москве либеральная интеллигенция переживала тяжелые времена, многие коммуникативные связи оказались разрушены. Единственная газета, с которой С.Ф. Фортунатов был тесно связан, «Русские ведомости», была к этому времени уже закрыта.

Таким образом, жизненный путь С.Ф. Фортунатова отразил все перипетии истории России рубежа XIX-XX веков – от великих реформ до Октябрьской революции, ознаменовавшей конец надеждам на развитие России по пути либеральных преобразований. Либерал и защитник конституционных свобод, он ушел вместе со своей эпохой. На долгие годы его имя было предано забвению.

* * *

Подводя итоги, выделим основные этапы жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова.

- 1850-1967 гг. – детство, годы учебы в гимназии. В этот период уже определяется интерес к истории, закладываются основы мировоззрения. Проследив историю семьи Фортунатовых, можно с уверенностью утверждать, что именно она оказала определяющее воздействие на формирование личности С.Ф. Фортунатова. Эта династия, ведущая свои истоки из провинциальной глубинки русского Севера, Вологодской губернии, дала России целую

¹ Профессор С.Ф. Фортунатов. Некролог. С. 62.

плеяду выдающихся ученых и педагогов. Формирование мировоззрения С.Ф. Фортунатова и становление его личности проходило в окружении высокообразованных людей, для которых научные исследования и активная педагогическая деятельность являлись нормой жизни. С детства перед ним был пример отца, который всю свою жизнь посвятил просветительству, ради семьи отказался от научной карьеры.

- 1867-1876 гг. – период обучения на историко-филологическом факультете Московского университета и подготовки магистерской диссертации. Перед С.Ф. Фортунатовым открывались блестящие перспективы: он отлично закончил университет, был оставлен для приготовления к профессорскому званию, успешно сдал магистерский экзамен. Его наставник В.И. Герье оказывал существенную поддержку: хлопотал о стипендии и заграничной стажировке, привлек к преподаванию на Московских Высших женских курсах и в Московском университете. Но этот этап стал переломным и в негативном плане: неудача с защитой магистерской диссертацией и зарубежной научной командировкой поставили под сомнение его научную карьеру.

- 1877-1885 гг. – период становления С.Ф. Фортунатова в профессиональном плане. После неудачи с защитой второй магистерской диссертации он сосредоточился на преподавательской и публицистической деятельности. Благодаря работе в гимназиях он получил серьезный педагогический опыт. К этому же времени относятся и первые публикации его статей и рецензий, которые принесли ему определенную известность в научных кругах.

- 1886-1900 гг. – переход к новому этапу связан с началом преподавательской деятельности С.Ф. Фортунатова в Московском университете в качестве приват-доцента. Он впервые в университете начинает читать лекционный курс по истории США, а также разрабатывает ряд курсов по истории европейских стран в XIX в. Несмотря на то, что эти курсы не были обязательными, лекции С.Ф. Фортунатова пользовались большой популярностью у студентов. Преподавательская работа в университете позволила ученому реализовать как специалисту в области истории Англии и США.

- 1901-1918 гг.— период наиболее активной педагогической и публицистической деятельности С.Ф. Фортунатова. Кроме Московского университета он начинает преподавать в должности профессора на Высших женских курсах и в университете имени А.Л. Шанявского. В эти годы ученый получает заслуженную репутацию блестящего преподавателя и знатока в области политической истории Англии и США и конституционного права.

ГЛАВА II.

С.Ф. ФОРТУНАТОВ КАК ПЕДАГОГ И УЧЕНЫЙ

2.1. Педагогические взгляды и деятельность С.Ф. Фортунатова

Педагогические взгляды С.Ф. Фортунатова, несомненно, сформировались под воздействием отца – известного педагога и просветителя, поэтому проанализируем основные положения его педагогической концепции. Во-первых, Ф.Н. Фортунатов искренне переживал о недостаточной востребованности в провинции гимназического образования и обосновывал его необходимость, указывая «что нет вернее для процентов капитала, как тот который положен на образование возрастающего поколения, нет сладостнее плодов для добросовестного труда и достойнее поприща для способностей наших, как посвятить себя на воспитание юных умов и сердец»¹. При этом он обращал внимание, что это относится не только к лицам, служащим по учебному ведомству, но и к родителям: «на каждом благомыслящем члене общества лежит священная обязанность словом и делом содействовать к достижению вожденной цели»². Во-вторых, Ф.Н. Фортунатов считал, что средние учебные заведения должны давать молодым людям «общечеловеческое образование» без специализации и без подготовки к профессиональной деятельности «к которой они по окончании курса гимназического воспитания, могут приготовить себя переходя от нас или в университеты, или в специальные учебные заведения»³. Он обращал особое внимание на необходимость взаимодействия семейного и гимназического образования: «долг родителей содействовать нам как в умственном развитии, так в особенности в религиозно-нравственном воспитании детей»⁴.

¹ Фортунатов Ф.Н. Историческая записка о пятидесятилетии Олонецкой гимназии. С. 18.

² Там же.

³ Там же. С. 18-19.

⁴ Там же. С. 18-19.

В-третьих, Ф.Н. Фортунатов придавал большое значение и развитию женского образования. Он отмечал, что оно крайне важно для страны: «Великих и неоценимых благ может и должно ожидать общество от правильного воспитания женщины: только при нем исчезнут мало-помалу разделяющие нас друг от друга сословные предрассудки; нравственные недуги общества, на которые указывает современная литература, ничем не могут быть так предотвращены и постепенно уничтожены, как благоразумным христианским воспитанием будущих матерей и супругов»¹. Примечательно, что практически все сыновья и дочери Ф.Н. Фортунатова стали педагогами и достойно продолжили традиции семьи. В педагогической деятельности С.Ф. Фортунатова четко отразились выделенные положения педагогической концепции его отца.

Определенное влияние на формирование педагогических взглядов С.Ф. Фортунатова оказал и В.И. Герье, который имел богатый опыт преподавания в разных типах учебных заведениях. Не занимаясь специально разработкой вопросов теории преподавания, он тем не менее обращается к этой теме в нескольких статьях. Анализируя педагогические взгляды В.И. Герье, Т.Н. Иванова выделяет выработанный им достаточно внушительный перечень общих принципов школьного преподавания истории². Приведем те положения, которые нашли отражение, на наш взгляд, и в педагогической деятельности С.Ф. Фортунатова:

– основу преподавания должны составлять знания, но оно не должно сводиться к заучиванию имен и чисел, а стремиться к осмыслению исторических событий;

– нельзя делать упор только на память учеников, нужно одновременно развивать ум, память и воображение;

¹ Фортунатов Ф.Н. Историческая записка об открытии в Петрозаводске женского училища 1 разряда. С. 10.

² Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье... С. 121-122.

– преподавание должно носить повествовательный характер, но «факты должны врезаться в память», поражать воображение ученика. Легче всего этого можно достигнуть, используя биографический материал, т.е. на примере ярких личностей показывать тенденции эпохи;

– нужно стремиться к тому, чтобы учебники и учителя непременно соответствовали современному уровню развития исторической науки;

– учебники должны соответствовать возрасту и потребности учащихся¹.

Стоит обратить внимание на два последних положения – проблема структуры школьного курса истории и содержания учебников стояла остро во все времена. С.Ф. Фортунатов тоже не обошел вниманием эти вопросы. В ряде рецензий (в частности, на учебники П.Г. Виноградова² и Р.Ю. Виппера³, а также статью последнего «Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука»⁴) он изложил свой взгляд на проблемы соответствия школьного преподавания древней истории уровню современной науки и предложил наиболее приемлемую структуру школьного исторического курса («в каком возрасте и в каком классе возможно серьезное преподавание древней истории»)⁵.

Главным недостатком современного преподавания истории в средних учебных заведениях С.Ф. Фортунатов считал «отрывочность и бессвязность»⁶. Он отмечал, что необходимо возбуждать интерес учащихся к истории. Это может быть достигнуто рассказом учителя, а также «правильно поставленным историческим чтением», но ни того ни другого учебник заменить не сможет⁷. Он соглашается с мнением П.Г. Виноградова, что учебник должен «ограничиться необходимым, обязательным, но дать это необходи-

¹ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье... С. 121-122.

² Фортунатов С.Ф. Новый учебник древней истории // Рус. ведомости. 1893. № 72.

³ Фортунатов С.Ф. Новая книга по греческой истории // Рус. ведомости. 1905. № 126.

⁴ Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука // Вестн. воспитания. 1898. № 1. С. 20-67.

⁵ Фортунатов С.Ф. Преподавание древней истории в средних учебных заведениях // Рус. ведомости. 1898. № 52.

⁶ Там же.

⁷ Фортунатов С.Ф. Новый учебник древней истории.

мое непременно в связанной форме со строго выдержанной последовательностью»¹. С.Ф. Фортунатов отмечал, что хороший учебник должен удовлетворять двум условиям: его автор должен быть «хорошо знаком с современным состоянием исторической литературы», а «подбор фактов и их изложение должно быть приноровлено к пониманию учащихся»². Рецензируя учебники, С.Ф. Фортунатов непременно обращал внимание на доступность изложения материала. Так, он критиковал учебник П.Г. Виноградова по всеобщей истории за запутанную конструкцию, неясные определения, отвлеченные рассуждения, категоричность и излишнюю субъективность некоторых утверждений, но при этом отмечал среди важных достоинств этого учебника, то что «он знакомит учеников с результатами последних важнейших открытий в области древней истории»³.

На необходимость серьезной переработки школьного курса древней истории в плане большего согласования его с современным состоянием исторической науки обращал внимание и Р.Ю. Виппер. С.Ф. Фортунатов полностью поддерживал этот подход, но тем не менее не раз критиковал Р.Ю. Виппера за излишний скептицизм по отношению ко многим древним источникам, в частности «Афинской политике» Аристотеля⁴. В отличие от Р.Ю. Виппера С.Ф. Фортунатов считал недопустимым «выкидывать из изложения истории все факты, достоверность которых не установлена безусловно исторической критикой: «это невозможно, т.к. часто само предание может иметь большое историческое значение, и кроме того знакомство с такими преданиями необходимо для понимания исторических сочинений и литературных произведений»⁵.

По поводу структуры программы курса истории мнения ученых также расходились. Так, С.Ф. Фортунатов доказывал, что систематическому курсу

¹ Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории. С. VII.

² Фортунатов С.Ф. Новый учебник древней истории.

³ Там же.

⁴ Фортунатов С.Ф. Новая книга по греческой истории.

⁵ Там же.

средневековой истории должно предшествовать более связанное изложение событий древней истории, чем это считал нужным Р.Ю. Виппер. Например, изображение гомеровской Греции, биографии важнейших деятелей в связи с главнейшими событиями внешней истории и наконец элементарные сведения о государственном устройстве следовало включить в тот курс древней истории, который должен предшествовать систематическому курсу средневековой истории. По мнению С.Ф. Фортунатова, подобный курс древней истории будет способствовать лучшему пониманию всего хода всеобщей истории и облегчит прохождение древней истории в старшем классе, что важно для экономии времени.

В качестве доказательства ученый анализировал объем материала по истории, который изучался в старшем классе женских гимназий ведомства Императрицы Марии (хорошо знакомый ему по собственной педагогической практике). В течение года ученики изучали новейшую историю с французской революции и русскую с царствования Екатерины II и, кроме того, повторяли общий курс всей истории, «поэтому прохождение в этом классе вполне заново курса древней истории было бы невозможно и даже в том случае, если бы не было повторения всей истории, такое прохождение было бы крайне затруднительно по недостатку времени»¹. С.Ф. Фортунатов полагал, что желательно иметь два разных учебника по древней истории – для IV и VIII классов, учитывая возрастные особенности учеников. Так, он оценивал учебник П.Г. Виноградова по всеобщей истории как достаточно сложный для учащихся IV класса, но вполне приемлемый для использования в старших классах².

Поднимая проблемы преподавания в средних учебных заведениях, С.Ф. Фортунатов отмечал, что они заслуживают широкого обсуждения в педагогической литературе. И действительно, целый ряд историков включи-

¹ Фортунатов С.Ф. Преподавание древней истории в средних учебных заведениях // Рус. ведомости. 1898. № 52.

² Его же. Новый учебник древней истории.

лись в эту дискуссию, развернувшуюся на страницах журналов «Вестник воспитания» и «Русская школа»¹.

Еще один общий аспект в педагогических взглядах С.Ф. Фортунатова, Ф.Н. Фортунатова и В.И. Герье – это отношение к женскому образованию. Его развитие в России во второй половине XIX в. находилось на подъеме. Совершенствовалась система среднего женского образования, стали открываться первые высшие учебные заведения для женщин. Огромную роль в этом сыграл В.И. Герье. Он считал, что наряду с начальным и средним образованием необходимо как можно шире развивать сеть специальных учебных заведений для женщин, которые давали бы профессиональное образование в области бухгалтерии, делопроизводства, медицины и т.п.² Особое место в деятельности В.И. Герье занимали Высшие женские курсы – первое высшее женское учебное заведение в России. Выступая сторонником расширения женского образования, он считал, что оно не только должно давать специальные знания, но и содействовать росту «общего и научного образования среди женщин вообще»³, что очень важно для развития общества.

С.Ф. Фортунатов так же, как его отец и наставник много сделал для распространения образования среди женщин. У него, конечно, не было возможностей как у Ф.Н. Фортунатова и В.И. Герье для открытия новых учебных заведений, но за свою долгую педагогическую карьеру он привил любовь к истории огромному числу своих учениц. Примечательно, что он очень много работал именно в женских учебных заведениях: гимназиях, МВЖК, «коллективных уроках» при Обществе воспитательниц и учительниц, да и среди слушателей университета имени А.Л. Шанявского было немало девушек. При этом, по всей видимости, он не делал каких-либо скидок «слабому

¹ Кареев Н. О преподавании истории в средней школе // Рус. школа. 1899. № 10. С. 194-216, № 11. С. 169-200, № 12. С. 183-206; Никольский Н.О. О преподавании древней истории // Вестн. воспитания. 1904. № 1. С. 80-92 и др.

² Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье ... С. 127.

³ Там же.

полу», так содержание его лекционных курсов и семинариев на МВЖК соответствовало университетским.

Преподавание было основной сферой деятельности С.Ф. Фортунатова на протяжении всей его жизни. Свой первый педагогический опыт он получил сразу после окончания университета: в 1872-1876 гг. читал лекции по всеобщей истории на Высших женских курсах, а в 1875-1876 гг. – лекции по средневековой истории в Московском университете¹. В дальнейшем С.Ф. Фортунатов специализируется исключительно на истории стран Европы и США XVIII-XIX вв. и в отличие от большинства преподавателей кафедры всеобщей истории не читает других курсов. Так, В.И. Герье, М.С. Корелин, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер читали курсы от древности до современности, впрочем, в отличие от приват-доцента С.Ф. Фортунатова они были ординарные (штатные) преподаватели.

Двадцатипятилетний период работы С.Ф. Фортунатова в Московском университете в качестве приват-доцента можно разделить на три этапа. *Первый период* – 1886-1900 гг. Став приват-доцентом, С.Ф. Фортунатов в первые годы разрабатывает целый ряд курсов: «История США»², «История политических учений XIX в.»³, «История английских политических учений XIX в.»⁴, «История Англии XVIII в.»⁵, «История Франции в XIX в.»⁶, «История Германии в XIX в.»⁷, которые поочередно читает, по одному в год. Курсы по истории Англии, Франции, Германии и по истории политических учений по объему были небольшие – по 1 часу в неделю, по истории США – 2 часа. Это объяснялось, вероятно, тем, что история США в российских университетах специально никогда не изучалась, и, соответственно, материал не дублиро-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп.2. Д. 4077. Л. 197.

² Обзорение преподавания в историко-филологическом факультете Императорского Московского университета в весеннем полугодии 1888 г. М., 1888. С. 3. (Далее в ссылках Обзорение).

³ Обзорение ... на осеннее полугодие 1888 г. М., 1888. С. 6.

⁴ Обзорение ... на весеннее полугодие 1889 г. М., 1889. С. 7.

⁵ Обзорение ... на осеннее полугодие 1889 г. М., 1889. С. 8.

⁶ Обзорение ... на академический 1891-1892 год. С. 10-11.

⁷ Обзорение ... на академический 1897-1898 год. С. 12.

вался другими предметами. Историю политических учений С.Ф. Фортунатов читает только в первые несколько лет, постепенно он отдает предпочтение истории европейских стран и США в XVIII-XIX вв. Все эти курсы являлись необязательными и преподавались примерно раз в 3-4 года. Чаще всего он читал «Историю Соединенных Штатов»: в 1887/88, 1890/1891, 1893/1894, 1895/1896, 1899/1900 учебных годах¹.

С.Ф. Фортунатову в этот период приходится конкурировать с В.И. Герье и М.С. Корелиным. В.И. Герье вел на факультете основные курсы по новой истории и соответствующие семинары. Непосредственно их курсы не пересекались – В.И. Герье никогда не читал историю XIX в. Однако, несмотря на это, они нередко касались в своих лекциях близкой проблематики. Так, в 1891/92 учебном году В.И. Герье читал курсы «История XVIII в.» и «История Франции XVII в.», а С.Ф. Фортунатов – «История Франции в XIX в.»². Судя по конспектам лекций М.О. Гершензона (который был в это время студентом второго курса), оба лектора обращались, в частности, к трудам французских просветителей, достаточно подробно анализируя их взгляды³. Естественно, невозможно изучать французскую историю XIX в. с ее чередой революций без постоянной апелляции к опыту Великой французской революции и т.д. Иными словами, точек пересечений у учителя и ученика было достаточно много. Маститый профессор не мог не опасаться, что студентам окажется более интересен харизматичный приват-доцент с его либеральными взглядами.

Возможно, и сам С.Ф. Фортунатов планировал в будущем расширить тематику своих лекционных курсов, но не желал соперничать с учителем. Т.Н. Иванова считает, что именно к этому периоду относится не имеющее

¹ Обзорение ... на академический 1890-91 год. М., 1890. С. 10; Обзорение ... на академический 1895-1896 год. М., 1895. С. 14; Обзорение ... на академический 1899-1900 год. М., 1899. С. 13.

² Обзорение ... на академический 1891-1892 год. М., 1891. С. 10-11.

³ НИОР РГБ. Ф. 746. К. 11. Ед. хр. 41. Л. 9, 10, 14-16.

точной датировки письмо Фортунатова к Герье¹, в котором он писал: «Спешу разъяснить печальное недоразумение: я никогда не имел намерения читать Нов(ую) ист(орию) помимо Вашего согласия. Мне очень грустно, что Вам могла придти такая мысль, так как я надеялся, что Вам очень хорошо известно мое личное чувство признательности к Вам, равно как и мое отношение к В(ысшим) Ж(енским) Курсам»² (см. прилож. 7). Однако, это письмо весьма вероятно может относиться и к периоду возобновления работы С.Ф. Фортунатова на Высших женских курсах в 1905 г.

Другим конкурентом С.Ф. Фортунатова по кафедре был М.С. Корелин. Он работал в университете приват-доцентом с 1889 г., но после защиты диссертации в 1892 г., за которую сразу получил степень доктора, минуя степень магистра, стал экстраординарным профессором. Первоначально он вел преимущественно курсы по истории Древнего Востока, Римской империи, истории папства в средневековой Италии. А с 1894 г. у него появляется новый общий курс по истории XIX в., который в отличие от курсов С.Ф. Фортунатова имел обязательный характер для студентов исторического отделения³.

Несмотря на такую серьезную конкуренцию, следует отметить, что молодому преподавателю удалось найти свое место на кафедре и завоевать любовь студентов. В качестве доказательства популярности его лекций достаточно привести лишь такой факт: по свидетельству М.С. Корелина, в сентябре 1894 г. ректор университета вызвал С.Ф. Фортунатова к себе и «упрекал за то, что его посещает очень много народа и ему аплодируют», и даже на время запретил чтение лекций⁴.

Второй период преподавательской деятельности С.Ф. Фортунатова – 1901-1906 гг. В эти годы на кафедре всеобщей истории происходят достаточно серьезные перемены. В 1899 г. умирает М.С. Корелин, в 1901 г. подает в

¹ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века): дис. ... д-ра ист. наук. С. 424.

² НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 97. Л. 3.

³ Обзорение ... на академический 1894-1895 год. М., 1894. С. 12.

⁴ Корелин М.С. Указ. соч. С. 392.

отставку П.Г. Виноградов, а с 1904 г. В.И. Герье практически прекращает преподавание в университете. С.Ф. Фортунатов остается единственным специалистом по современной истории. У него появляется общий курс «История Европы в XIX» (2 ч), который он читает с 1902 по 1906 г. для студентов исторического отделения в V-VIII семестрах¹. Этот курс относится уже к числу обязательных для студентов исторического отделения². Свой любимый курс по истории США С.Ф. Фортунатов тоже не забывает, он читает его в 1903/1904 учебном году, но в сокращенном объеме (только 1 ч в неделю) и как прежде лишь «для желающих»³.

Третий период преподавательской деятельности С.Ф. Фортунатова в Московском университете – 1906-1911 гг. В 1906/07 учебном году на историко-филологическом факультете были введены новые учебные планы. В соответствии с ними студенты стали распределяться не только как раньше по отделениям (классическое, словесное, историческое), но и по группам (всеобщая история и русская история)⁴. Выполнение факультетских требований по каждой группе было рассчитано на четыре года, или восемь семестров при 16-18 часах лекций и практических занятий в неделю. Курсы стали делиться на пропедевтические, основные и вспомогательные, также отдельно были выделены семинарии и просеминарии.

В эти годы существенно меняется и распределение нагрузки между преподавателями кафедры всеобщей истории. Ведущий преподаватель кафедры профессор Р.Ю. Виппер, который до этого вел в основном античную историю, с 1906 г. стал читать еще «Новейшую историю Западной Европы» (2 ч в неделю)⁵. Этот курс относился к числу основных и читался ежегодно. Необходимо обратить внимание на то, что такое название курса – «новейшая история» – в программе Московского университета появляется впервые.

¹ Обзорение ... на академический 1904-1905 год. М., 1904. С. 18.

² Обзорение ... на академический 1902-1903 год. М., 1902. С. 12-13.

³ Обзорение ... на академический 1903-1904 год. М., 1903. С. 14.

⁴ Обзорение ... на академический 1906-1907 год. М., 1906. С. 15-16.

⁵ Там же. С. 4.

Постепенно все больше курсов по новой истории стал вести А.Н. Савин, который в 1908 г. был утвержден третьим профессором на кафедре всеобщей истории¹. Он в основном специализировался на истории европейских стран XVI-XVII вв., но также читал лекции и вел семинары по истории Франции XVIII в. и французской революции. В 1911 г. он предложил студентам на соискание медалей тему «Тэн как историк и социолог», связанную с полемикой между школой А. Олара и защитниками И. Тэна².

С.Ф. Фортунатов в этот период теряет позиции ведущего преподавателя по новейшей истории. Он стал вести только узкие вспомогательные курсы лишь для группы, специализирующейся по всеобщей истории: «История Германии» в XIX в. (1 ч) – в 1906/1907 учебном году; «История США» (2 ч) – в 1907/1908 и 1908/1909 учебных годах; «История Англии и Германии в XIX в.» (2 ч) – в 1910/1911 учебном году. Но вместе с тем С.Ф. Фортунатов получает признание как специалист в области конституционного права. Он осваивает новую для себя форму работы – семинарии и просеминарии, и с 1906 г. начинает вести практические занятия по разным аспектам государственного и конституционного права, причем эти занятия были рассчитаны на студентов, специализирующихся как по всеобщей, так и по отечественной истории.

В 1906/1907 учебном году С.Ф. Фортунатов ведет просеминарий по конституционному праву (2 ч в неделю)³; в 1907/1908 учебном году – просеминарий по истории государственного права (2 ч)⁴. В 1908/1909 учебном году – семинарий по новой истории (2 ч), который предполагал изучение французской конституции. Для этого семинара строго оговаривались требования к студентам: сдача коллоквиума по курсу новейшей истории, владение

¹ Шарова А. В. Указ. соч. С. 272.

² Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в российском провинциальном вузе. Сергей Васильевич Фрязинов (1891-1971) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 378.

³ Обзорение ... на академический 1906-1907 год. С. 12.

⁴ Обзорение ... на академический 1907-1908 год. М., 1907. С. 22.

французским языком и знание учебника по новой истории Р.Ю. Виппера.¹ В 1909/1910 учебном году С.Ф. Фортунатов вел семинарий по федеративному праву (2 ч), для допуска к которому было необходимо сдать коллоквиум по истории Соединенных Штатов и знать один из новых языков². В 1910/1911 учебном году – семинарий по истории французских конституций (2 ч.), требования для допуска: знание французского языка и зачет по одному из трех курсов: истории Соединенных Штатов (С.Ф. Фортунатова), истории французской революции (А.Н. Савина) или новейшей истории Европы (Р.Ю. Виппера)³.

Необходимо отметить, что обращение Степана Федоровича к проблемам конституционного права было не случайным. Занимаясь изучением политической истории западноевропейских государств и США XVIII-XIX вв., он значительное внимание уделял именно вопросам конституционного устройства. Это легко проследить и по его лекционным курсам, и по многочисленным статьям и рецензиям. За С.Ф. Фортунатовым закрепилась заслуженная репутация знатока конституционного права. Так, А.А. Кизеветттер отмечал, что когда «Максиму Максимовичу Ковалевскому указывали на какие-нибудь неточности, которые тот иногда допускал в своем изложении, из-за спешности работы, Ковалевский отвечал смеясь: “О, это не беда: ведь в Москве есть Фортунатов, он все объяснит и поправит!”»⁴.

После того как в 1911 г. С.Ф. Фортунатов покидает Московский университет, он сосредоточивается на преподавании в университете имени А.Л. Шанявского и на Высших женских курсах. В обоих учебных заведениях он занимает должность профессора и становится ведущим преподавателем по новой истории. Здесь все его лекции строятся по страноведческому принципу, обобщающих курсов нет. Он по-прежнему читает курсы, которые уже вел в Московском университете: по истории США, Англии и Германии в XIX

¹ Обзорение ... на академический 1908-1909 год. М., 1908. С. 18.

² Обзорение ... на академический 1909-1910 год. М., 1909. С. 26.

³ Обзорение ... на академический 1910-1911 год. М., 1910. С. 26-27.

⁴ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 121. Л. 3.

в., а также разрабатывает ряд новых по истории Франции: «История французской революции»¹, «История Франции со времени Великой революции»², «История Франции с XVIII в.»³. Эти курсы он обычно чередовал, причем какую-либо определенную последовательность установить достаточно сложно, но, как правило, тематика курсов в обоих учебных заведениях совпадала. Так, например, на МВЖК он читал: в 1908/09 учебном году – «Историю Соединенных Штатов XIX века»⁴, в 1909/10 учебном году – «Историю Соединенных штатов Северной Америки»⁵, в 1910/11 учебном году – «Историю французской революции»⁶, в 1911/12 учебном году – «Историю Англии и Германии XIX века»⁷; в 1913/14 учебном году – «Историю Франции со времени Великой революции»⁸, в 1914/15 учебном году – «Историю Англии и Германии XIX века»⁹, в 1915/16 учебном году – «Историю Соединенных Штатов»¹⁰. В университете имени А.Л. Шанявского последовательность курсов была следующей: 1908/09 учебный год – эпизодический курс «Авраам Линкольн и борьба за уничтожение невольничества в Северо-американских Соединенных штатах»¹¹, 1910/11 – «История Англии и Гер-

¹ Фортунатов С.Ф. История французской революции. Записки слушательниц по лекциям С.Ф. Фортунатова, чит. на В.Ж.К. в 1910-11 гг. Ч. 1-2. М., [1911].

² Фортунатов С.Ф. История Франции со времени Великой революции. М, 1914.

³ Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. 1913-1914 академический год. М., 1913. С. 12-13.

⁴ Фортунатов С.Ф. История Соединенных Штатов XIX века. Записки, сост. слушательницами Высш. жен. курсов за 1908 год по лекциям С.Ф. Фортунатова. М., [1908].

⁵ Фортунатов С.Ф. История Соединенных штатов Северной Америки: Лекции, чит. на В.Ж.К. в 1909–10 уч. г. М., [1910].

⁶ Фортунатов С.Ф. История французской революции. Записки слушательниц по лекциям С.Ф. Фортунатова, чит. на В.Ж.К. в 1910-11 гг. Ч. 1-2. М., [1911].

⁷ Фортунатов С.Ф. История Англии XIX века: Записки, слушательниц по лекциям, чит. в 1911/12 уч. г. М., [1912].

⁸ Обзор преподавания на историко-философском факультете Московских Высших женских курсов в 1913-1914 учебном году. М., [1913]. С. 14.

⁹ Обзор преподавания на историко-философском факультете Московских Высших женских курсов в 1914-1915 учебном году. М., [1914]. С. 19.

¹⁰ Фортунатов С.Ф. История Соединенных Штатов. Курс, чит. в 1915-1916 гг. По запискам слушательниц. Ч.1-2. М.: Изд. о-ва при ист.-филос. фак. Моск. Высш. жен. курсов, [1916].

¹¹ Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1908-1909 акад. год. I-й год. М., 1909. С. 5-6.

мании в новое время»¹, 1911/12 учебный год – «История Франции XVIII и XIX в.»², 1912/13 учебный год – «История Германии Англии в XIX в.»³, 1913/14 учебный год – «История Франции с XVIII в.»⁴, 1914/15 учебный год – «История Англии и Германии XIX века»⁵, 1915/16 учебный год – «История Соединенных Штатов»⁶.

Кроме лекционных курсов С.Ф. Фортунатов вел на МВЖК и семинары по истории политических учений и конституционному праву: «История политических учений и конституций во Франции в XIX в.»⁷, «История федераций»⁸, «История конституций и политических учений во Франции в XIX в.»⁹. В университете А.Л. Шанявского таких занятий в программе не было, что можно объяснить разным уровнем подготовки слушателей. Для участия в работе подобных семинаров обязательно требовалось владение одним из европейских языков, у большинства студентов университета А.Л. Шанявского таких знаний не было. Слушательницы же МВЖК в обязательном порядке сдавали экзамен по одному из новых языков¹⁰. Что касается семинаров по новой истории, которые входили в программу обучения и на Высших женских курсах и в университете А.Л. Шанявского (по истории французской революции, по истории Франции и Германии XIX в. и др.), то их вели другие пре-

¹ Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1910-1911 акад. год. III-й год. М., 1911. С. 15.

² Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1911-1912 акад. год. IV-й год. М., 1912. С. 18.

³ Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1912-1913 акад. год. V-й год. М., 1913. С. 20.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 554. К. 2. Ед. хр. 59. Л.5.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Обзорение преподавания на историко-философском факультете Московских Высших женских курсов в 1913-1914 учебном году. С. 14.

⁸ Обзорение преподавания на историко-философском факультете Московских Высших женских курсов в 1914-1915 учебном году. С. 19.

⁹ Обзорение преподавания на историко-философском факультете Московских Высших женских курсов в 1915-1916 учебном году. С. 19.

¹⁰ Справочная книжка Московских Высших Женских курсов. М., 1914. С. 21-22.

подаватели, в частности, А.М. Васютинский и В.П. Волгин¹. По всей видимости, С.Ф. Фортунатов достаточно мало, занимался и индивидуальной работой со студентами. Так, например, среди отзывов преподавателей историко-философского факультета Высших женских курсов на кандидатские сочинения слушательниц курсов его отзывов нет, работы же по тематике новой истории оценивал А.М. Васютинский².

Можно сделать вывод, что, будучи блестящим оратором, С.Ф. Фортунатов делает основной упор в преподавании именно на лекции, ведь лекции традиционно являются основной формой работы со студентами. Ю.В. Краснова, рассматривая университетскую лекцию как особый вид коммуникации, выделяет несколько критериев, которым должна соответствовать «идеальная» лекция. Это прежде всего научность, логичность, последовательность изложения материала, его личностное осмысление преподавателем, хороший язык и образность³. Безусловно, в преподавании каждого лектора имелись и черты «идеального» образа лекции, и отличительные особенности, которые делали его манеру индивидуальной. Так, В.И. Герье считал, что профессорская лекция должна прежде всего давать не знания, а «знакомить слушателя с методом познания», чтобы выпускники университета почувствовали, что может быть они «и не запасли в своей памяти слишком много положительного знания, но узнали пути, которые ведут к истине»⁴. Его лекциям был присущ ярко выраженный исследовательский характер, научность, проблемность и неременный воспитательный компонент.

Лекции С.Ф. Фортунатова сохранились благодаря записям слушательниц Высших женских курсов и были изданы в виде литографий в Издательском обществе при историко-философском факультете Московских Высших

¹ Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. 1913-14 академический год. С. 12; Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1914-15 акад. год. С. 47.

² ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп.1. Д. 54. 138 л.

³ Краснова Ю.В. Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX – начала XX вв.) // Мир историка. Омск, 2008. Вып. 4. С. 296-298.

⁴ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье... С. 124

женских курсов. Анализируя литографированные курсы лекций как особый тип источника, Т.Н. Иванова выделяет три основных способа подготовки таких изданий: 1) подготовка литографии без ведома, а иногда вопреки воле преподавателя предприимчивыми студентами. Тексты таких изданий не были выверены преподавателем; 2) с разрешения лектора, о чем делалась соответствующая запись на титульном листе или в конце издания. К таким изданиям могли быть приложены программы курсов, список литературы, перечень замеченных ошибок; 3) издания, инициированные или осуществленные самими профессорами¹.

Опубликованные лекции С.Ф. Фортунатова можно отнести ко второму типу изданий. Хотя они и не содержат особых отметок, что просмотрены преподавателем, но к ним, как правило, всегда прилагается программа курса, краткий список рекомендованной литературы, иногда хронологические таблицы и список опечаток, а в лекциях по истории США еще и текст конституции и Декларации независимости. Сравнивая тексты изданий одинаковых курсов за разные годы, можно отметить, что С.Ф. Фортунатов постоянно работал над ними, вносил изменения. Что касается соответствия текста литографий реальному содержанию лекций, то решить этот вопрос можно путем сопоставления текстов литографированных лекций с другими работами и статьями историка. Проведенный анализ показывает, что можно обнаружить и по содержанию, и по стилю изложения много прямых совпадений, что явно свидетельствует об идентичности текстов лекций.

Для того чтобы иметь представление о методике преподавания С.Ф. Фортунатова необходимо проанализировать структуру основных курсов лекций по истории США, Англии, Франции и Германии.

Курс «История Соединенных Штатов» можно назвать визитной карточкой С.Ф. Фортунатова. Кроме него этот курс в Московском университете никто не читал, тем более такая тематика была нетипична для Высших женских курсов и университета имени А.Л. Шанявского. Открывая его, лек-

¹ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье ... С. 129-131.

тор отмечал: «Даже в немецких университетах этого курса не читают постоянно, а лишь изредка»¹. Значимость изучения истории США он объяснял тем, что это очень интересно с методологической точки зрения, а также потому, что «для масс история Америки еще мало известна. Про русских, к сожалению, можно тоже сказать, что Гольст сказал про немцев: “История Соединенных Штатов 19 века для немцев лист белой бумаги”, а я думаю, что и в России для большинства история Соединенных Штатов также лишь лист белой бумаги»².

Курс традиционно делился на две части, история США излагалась в хронологической последовательности. Первая часть начиналась с характеристики трех групп английских колоний (разделенных по организационной структуре и географическому положению) на территории Северной Америки: обстоятельства их возникновения, особенности системы управления, специфика развития, взаимоотношения с метрополией. Основную часть курса занимала Война за независимость, но кроме изложения непосредственно событийной стороны вопроса, значительное внимание уделялось изучению политических трактатов предреволюционного периода, а также конституциям и биллям о правах (как федеральных, так и отдельных штатов). При этом С.Ф. Фортунатов отмечал: «Когда я буду излагать конституцию, я буду постоянно делать подробные сравнения между конституцией Соединённых Штатов и государственным устройством других стран, так что этот отдел моего курса по Соединённым Штатам... будет как бы курсом по государственному праву»³. Очень подробно характеризовалась и политическая система молодого североамериканского государства: функции и полномочия исполнительной и законодательной власти, роль судебной системы и т.п.

Вторая часть курса охватывала историю США в XIX в. Здесь центральное место занимало изучение «невольничего вопроса» и вызванной им поли-

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединенных Штатов XIX в. С. 40.

² Фортунатов С.Ф. История Соединенных Штатов... Ч. II. С. 4.

³ Там же. С. 138-139.

тической борьбы и военного противостояния северных и южных штатов. Достаточно много внимания уделялось и характеристике личностей президентов и их правлению. Затрагивались в курсе и экономические вопросы, в частности, земельная проблема (с характеристикой закона об общественных землях 1862 г.), развитие промышленности, прослеживалась экономическая эволюция страны на рубеже XIX-XX вв. Заканчивался курс анализом последних президентских выборов.

«Английский» раздел общего курса «История Англии и Германии в XIX в.» начинался с анализа состояния Англии в конце XVIII в. Далее шла обязательная подробная характеристика конституции и обстоятельный анализ ее особенностей. Детально изучалась и система английского парламентаризма¹. В целом в рамках курса политическая история Англии рассматривалась достаточно подробно: состав английского парламента, местное самоуправление, суть и значение парламентских и муниципальных реформ, наиболее значимые законопроекты, реформаторская деятельность У. Гладстона. Достаточно подробно освещались и вопросы социально-экономического развития страны: промышленная революция, аграрное законодательство, законы о бедных, рабочее движение и др. Что касается внешней политики, то разбиралась преимущественно колониальная политика Англии и ее взаимоотношения с зависимыми территориями².

Истории Германии уделялось несколько меньше внимания. Сначала давалась характеристика состоянию Германии в конце XVIII в., особое внимание при этом уделялось Пруссии. Отдельными темами являлись Германский союз 1815 г. и таможенный союз. Подробно рассматривалась революция 1848 г., особо выделялись события в Пруссии. Значительное место отводилось и процессу объединения Германии, деятельности О. Бисмарка, характе-

¹ Программа по курсу С.Ф. Фортунатова чит. в 1911-12 гг. // Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии 19-го века. М., б/д Ч. 1. С. 1-2.

² Фортунатов С.Ф. Программа «История Англии и Германии в XIX в.» // Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Научная и экономическая организация университета. Учебные планы, обзоры лекций и практических занятий на 1914-15 академический год. М., 1914. С. 96-97.

ристике государственного строя Германской империи. В ряду социально-экономических вопросов рассматривались ход промышленной революции, пути решения крестьянского вопроса, положение рабочих. Затрагивались в курсе и различные общественные движения как либеральные, так и социалистические, в том числе деятельность К. Маркса и содержание «Манифеста коммунистической партии»¹.

По истории Франции С.Ф. Фортунатов читал три курса: «История французской революции», «История Франции со времен Великой революции», и «История Франции XIX в.». Судя по изданным литографированным курсам лекций, наиболее обстоятельным был курс по истории французской революции. В нем С.Ф. Фортунатов весьма подробно рассматривал как событийную сторону революции, так и различные идеологические течения, декларацию прав человека и гражданина, конституцию 1791 г. Также здесь приводится достаточно обширный историографический обзор, что не встречается в других лекционных курсах. Отличительная черта «Истории французской революции» в том, что, разбирая отдельные спорные моменты, которые по-разному трактуются в исторической литературе, автор активно апеллирует к мнению ведущих специалистов, причем не только зарубежных, но и отечественных (Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого, М.М. Ковалевского и др.).

Два других курса по истории Франции построены по традиционной схеме: характеристика состояния страны к началу описываемого периода, освещение внутривластной жизни и особенностей административно-государственного устройства, анализ законодательных документов. Много внимания уделялось революциям, их влиянию на развитие страны. Излагая историю Франции XIX в., С.Ф. Фортунатов достаточно подробно останавливается на характеристике различных политических партий и течений, а также на взглядах А. Сен-Симона, Л. Блана, П. Прудона, О. Конта и А. Токвиля. Таким образом, лектор стремился донести до слушателей особенности раз-

¹ Программа по курсу С.Ф. Фортунатова чит. в 1911-12 гг. С. 3.

¹ Фортунатов С.Ф. Программа «История Англии и Германии в XIX в.». С. 97.

личных политических концепций (либеральных, консервативных, социалистических), подчеркнуть их сильные и слабые стороны.

Все лекционные курсы начинались с краткой характеристики литературы по изучаемым странам. С.Ф. Фортунатов, как правило, останавливался лишь на нескольких общих пособиях, рекомендованных по курсу, отмечая, что другие важные сочинения будут указываться по мере изложения материала. Чаще всего лектор рекомендовал семитомное сочинение Н.И. Кареева «История Западной Европы в новое время», а также работы зарубежных авторов.

Таким образом, все рассмотренные лекционные курсы С.Ф. Фортунатова носили страноведческий характер. Это позволяло последовательно проследить историю отдельных стран, выявить ее специфические черты, но не давало возможности показать общую линию развития человечества. Вместе с тем необходимо отметить, что, излагая историю отдельных государств, С.Ф. Фортунатов всегда стремился к установлению причинно-следственных связей. В этом плане он особо выделял историю США: «История Соединенных Штатов представляет то громадное удобство в методологическом отношении, что причинная связь в ней выступает довольно ясно. Здесь нет таких осложнений, которые мы наблюдаем в истории европейских государств»¹. Эту сравнительную простоту явлений ученый объяснял, во-первых, тем, что США до XIX в. практически не имели своей внешней политики (а она, как известно, очень сильно влияет на внутреннее развитие государства), во-вторых, история США – это недавняя история, и можно охватить ее всю, не ограничиваясь каким-то периодом, и самое главное «богатство изучаемого материала устраняет затруднение, которое мы встречаем при изучении истории, начало которой относится к далекой древности, когда не могут быть использованы все необходимые источники, так как многие документы бывают утрачены и часто приходится воссоздавать картины далекого прошлого, рас-

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединенных Штатов... Ч. 1. С. 42.

полагая противоречивыми данными»¹. Установление же причинно-следственных связей при изложении истории европейских государств нередко вызывает определенные затруднения в силу того, что необходимо учитывать множество факторов. Для иллюстрации этой мысли историк приводил в своих лекциях такой пример: «война, вспыхнувшая между Францией и коалицией в первую французскую революцию, несомненно, оказала громадное влияние на весь ход французской революции. Не будь этой войны, сам ход французской революции во многих отношениях был бы другой»².

Анализ лекционных курсов С.Ф. Фортунатова свидетельствует, что основной упор был сделан не на событийную историю, а на изучение политико-правовых систем изучаемых государств: структуру государственного управления, политические реформы, конституционно-правовые акты. Являясь сторонником либеральных взглядов, С.Ф. Фортунатов значительное внимание в своих курсах неизменно уделял истории революций. Вопросы внешней политики были освещены лишь в общих чертах. Несмотря на определенный политико-правовой уклон его лекций, не оставались без внимания и особенности экономического развития, социальных отношений, общественных движений.

Рассмотрев структуру лекционных курсов С.Ф. Фортунатова и дав краткую характеристику их содержания, обратимся к его манере изложения материала. Будучи очень открытым человеком, С.Ф. Фортунатов обладал незаурядными ораторскими способностями. Сравнивая Степана Федоровича со старшим братом, А.А. Кизеветтер отмечал: «Насколько Филипп Федорович был молчалив и тих, настолько Степан Федорович отличался живой общительностью, подвижностью и шумливостью. Он обладал даром увлекательного драматического изложения и передавал перипетии парламентских конфликтов былых времен с таким увлечением, как будто бы становилась на

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединенных Штатов... Ч. 1. С. 42-43.

² Там же. С. 42.

карту его собственная политическая карьера. Можно себе представить, какой успех имели его лекции в его аудитории, битком набитой слушателями»¹.

Б.Г. Сафронов отмечал, что С.Ф. Фортунатов оказал определенное влияние на Р.Ю. Виппера, который особо выделял «эту колоритную, хорошо известную москвичам фигуру Степана Федоровича, утверждая, что вся его преподавательская деятельность проходила под влиянием прекрасных уроков Фортунатова. На них он учился преподносить материал слушателям, располагая их к себе»².

По единодушным воспоминаниям современников оценить интеллектуальный уровень С.Ф. Фортунатова можно было, только услышав его устную речь на кафедре или просто в беседе: «по платью и по внешности он мог произвести на иных на первых порах неприятное впечатление. Но все это забывалось и прощалось, когда начинала звучать его оживленная речь»³. Перед его талантом педагога все изъяны его внешнего облика отходили на второй план. П.Н. Милюков отмечал: «в преподавании Степан Федорович был неподражаем. Жестикулируя, потирая руки и разливаясь смехом, он увлекательно излагал свои любимые отделы истории, – преимущественно истории революций, а также историю Соединенных Штатов Америки; он славился тем, что мог перечислить подряд всех президентов, с годами их управления»⁴.

А.А. Кизеветтер так описывал его манеру чтения лекций: «Он начинал лекцию размеренно-спокойным, звучно-теноровым голосом, с необыкновенно отчетливой ясностью произнося каждое слово, а выражение глаз на его лице уже предвещало то оживление, которое скоро захватит всю аудиторию по мере того, как в изложении лектора станут разворачиваться картины парламентской борьбы в тот или иной момент политической истории Англии или драматические эпизоды из истории возникновения отдельных штатов

¹ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 71-72.

² Сафронов Б.Г. Указ. соч. С. 13-14.

³ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 72-73.

⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 63.

будущей великой североамериканской федерации. И точно через несколько минут после начала лекции слушатели уже сидели намагнетизированные речью, раздававшейся с кафедры, и аудиторию то напряженно затихала, ловя каждое слово лектора, то оглашалась бурным смехом, которому вторил с кафедры и профессор, сам в такой же степени увлеченный предметом своей лекции»¹. Даже С.П. Мельгунов, довольно негативно относившийся к С.Ф. Фортунатову, признавал: «Фортунатов больше был популярный лектор. В этом отношении у него несомненно были особые дарования, почему он и пользовался таким успехом. ... Конечно в этом даровании большая ценность, которая покрывает все усовершенствованные методологические приемы преподавания. Фортунатов был учителем в этом отношении старого типа»².

С.Ф. Фортунатов хорошо запомнился не только студентам, но и своим многочисленным гимназическим ученикам. В гимназиях, где он проработал практически 40 лет, он, естественно, не был как в вузах свободен в выборе курсов, а был ограничен программой. Но и здесь его преподавание было блестящим. Хотя ученикам, по всей видимости, больше всего запоминались сюжеты именно из новой истории. Так, С. Гиацинтова, выпускница гимназии С.А. Арсеньевой, народная артистка СССР, через много лет вспоминала: «Историю знаю хорошо до сих пор. Ее преподавал профессор Степан Федорович Фортунатов, похожий на карлика, с большой седой бородой. Он отличался странной неопрятностью – его грязный, весь в пепле сюртук был постоянным предметом обсуждения. Но когда он рассказывал и показывал, сидя боком на стуле, как въезжала в Лондон на коне королева Елизавета, этот сюртук, царственно подобранный его рукой, казался нам роскошной амазонкой»³. Благодаря феноменальной памяти Степан Федорович отлично помнил своих многочисленных учениц и, спустя годы, называл безошибочно их девичьи фамилии, вспоминая даже ошибки на выпускных экзаменах⁴. А.А. Ки-

¹ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.

² Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 173.

³ Гиацинтова С.В. Указ. соч. С. 406-407.

⁴ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 71.

зеветтер отмечал: «Степан Федорович был совсем особенным преподавателем, уходил в свое классное преподавание всей душой, жил с классом одной духовной жизнью, т.е. обладал в совершенстве той тайной подлинного педагогического таланта, которой нельзя научиться ни из каких методик, ни на каких педагогических курсах. Преподавание было для него не работой, ни трудом, а удовлетворением внутренней духовной потребности, настолько сильной, что на каникулах он скучал и тосковал по своим классным урокам»¹.

Необходимо отметить, что по воспоминаниям учеников, занятия С.Ф. Фортунатова были не только увлекательными, но их материал хорошо усваивался: «Он, сидя на кафедре, откинувшись назад [...] закрывая глаза, раскрывал перед нами события европейской или русской истории с такой яркостью и простотой, что слушая его [...] только дивишься, бывало, как все легко запоминается, как все понятно, будто он раскрывает тебе череп и укладывает там все в таком порядке, что все отыщется сразу при надобности. Лекции он читал тоже хорошо. И в университете, несмотря на необязательный курс, и на “коллективных курсах” народу у него всегда бывало много»². Достаточно своеобразной была у него и манера опроса учеников: «при неверных ответах шипел, страдальчески закрывал глаза, откидывал голову и делал ручками отталкивающий жест. На отметки был щедр, не любил ставить двойки. Но у него и учились отлично»³.

Что касается учеников, то следует отметить, что учеников в традиционном понимании схолярной проблематики – людей, которые бы под руководством С.Ф. Фортунатова пришли в науку, не было. Объяснялось это целым рядом причин. За 25 лет работы в Московском университете он оставался в должности приват-доцента, в университете имени А.Л. Шанявского и тем более на МВЖК не ставили задачи подготовить выпускников к научной деятельности. К тому же С.Ф. Фортунатов, вероятно, не особенно любил и

¹ АРАН. Ф. 646.. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.

² РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 2519. Л. 1.

³ Гиацинтова С.В. Указ. соч. С. 406-407.

индивидуальную работу со студентами. Его миссия как педагога заключалась в другом: заинтересовать, увлечь, открыть новые горизонты. Слова А.А. Ки-зеветтера о работе С.Ф. Фортунатова в гимназии можно отнести ко всей его преподавательской деятельности: «Его ученицы на всю жизнь уносили из гимназии в своей душе обаятельный образ этого учителя, превращавшего урок в умственный праздник и воспитательно действовавшего на них не только своими знаниями, но и всей своей своеобразной, интересной, талантливой личностью»¹.

В заключении, следует отметить, что склонность к преподаванию у С.Ф. Фортунатова сформировалась под влиянием отца. Неслучайно, что и братья Степана Федоровича – Филипп Федорович и Алексей Федорович, несмотря на разные научные интересы, уделяли преподаванию первостепенное внимание, не жалели времени и сил для общения с учениками и, по свидетельству современников все были блестящими лекторами (правда, с совершенно разной манерой подачи материала).

Преподавательский стиль С.Ф. Фортунатова отличали блестящие ораторские данные, эмоциональность, наглядность, что позволяло слушателям прекрасно усваивать материал. В основу материала курсов были положены серьезный анализ законодательных источников и тщательно подобранные факты. Придерживаясь либеральных взглядов, С.Ф. Фортунатов в своих лекциях пытался донести их до слушателей, опираясь на конкретные исторические примеры. Нет практически ни одного отрицательного отзыва о его преподавательской работе. Результаты этой деятельности – тысячи его учеников, сохранивших любовь к истории на всю жизнь.

¹ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.

2.2. С.Ф. Фортунатов как один из основоположников русской американистики

С.Ф. Фортунатов был не только преподавателем, но и ученым. Несмотря на то, что ему в силу разных причин не удалось защитить диссертации, интерес к научным занятиям сохранялся у него всю жизнь. В сфере научных интересов С.Ф. Фортунатова центральное место занимала история США. Историк затрагивал ее различные аспекты (преимущественно политическое развитие) в своих специальных работах¹, а также в многочисленных статьях и рецензиях². С.Ф. Фортунатов разработал первый лекционный курс по американской истории в российских высших учебных заведениях. Сам факт чтения этого курса в Московском университете общеизвестен. Так, на сайте МГУ в статье «Преподавание истории США в МГУ» указывается: «Первый систематический курс по истории США в Московском Университете стал читать профессор С.Ф. Фортунатов в 1900 г.³», но здесь допущены две неточности – С.Ф. Фортунатова никогда не занимал в Московском университете должности профессора, а был приват-доцентом, и свой курс по истории США он начал вести с 1888 г.⁴. Примечательно, что после ухода С.Ф. Фортунатова из Московского университета чтение этого курса прекратилось.

В дореволюционной России история США изучалась сравнительно мало. В основном сведения об этой стране читающая российская публика получала из журнальных очерков, путевых заметок, мемуаров. Достаточно

¹ Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединённых Штатах; Его же. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединённых штатах. М., 1906.

² Фортунатов С.Ф. Положение рабочих в Соединённых Штатах // Критическое обозрение. 1879. № 7. С. 5-7; Его же. История американской демократии // Рус. мысль. 1892. Кн. VIII. С. 32–46; Его же. Президентские выборы и борьба партий в Соединённых Штатах // Рус. ведомости. 1896. № 170; Его же. Американская демократия // Рус. ведомости. 1899. № 299; Его же. Охрана основных прав человека в Соединённых Штатах // Рус. ведомости. 1905. № 235 и др.

³ Преподавание истории США в МГУ. Сайт исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernHist/node/90>. [Дата обращения 10.02.2015].

⁴ Обозрение ... на осеннее полугодие 1888 г. С. 6.

активно на русский язык переводились труды признанных западноевропейских ученых – А. Токвиля, Э. Лабулэ, Д. Брайса, Э. Чаннинга¹.

Книга С.Ф. Фортунатова «История политических учений в Соединённых Штатах», которая была издана в 1879 г., является одной из первых отечественных монографий (небольшой, но вполне самостоятельной) в области изучения американской общественно-политической мысли, так как первые работы российских ученых по истории США появляются лишь в конце XIX в. Среди них необходимо прежде всего выделить двухтомный труд М.Я. Острогорского «Демократия и политические партии», который был написан на французском языке и вышел в Париже в 1892 г. Позже вышли издания на немецком, польском и английском языках. На русском языке это сочинение было опубликовано лишь в 1927–1930 гг. Также следует упомянуть исследования М.М. Ковалевского «История американской конституции» (1890-1891) и «Происхождение современной демократии» (1895-97). Во всех этих работах основной упор делался на изучении политической системы молодой североамериканской республики.

На рубеже веков США, как быстроразвивающаяся держава, привлекала к себе все больше внимания и специалистов, и широкой публики. Так, появляется целый ряд исследований российских экономистов, затрагивающих отдельные аспекты экономического развития США², а также работы, посвященные разным сторонам жизни американского общества, в частности, серия

¹Лабуле Э. История Соединенных Штатов. СПб., 1870; Брайс Д. Американская республика: в 3 ч. М., 1890; Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897; Чаннинг Э. История Соединенных Штатов Северной Америки. М., 1897.

²Янжул И.И. Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1895; Веснин А.Н. Североамериканские тресты. СПб., 1906; Хольцов Л.С. Современная Америка Историко-географический, политический и экономическо-статистический очерк Северо-Американских Соединенных Штатов. Нью-Йорк, 1907; Рутченко А.И. Сельское хозяйство и землеустройство в Северо-Американских Соединенных Штатах. М., 1908; Скорняков Е.Е. Орошение и колонизация пустынных государственных земель Соединенных штатов Северной Америки: в 2 ч. СПб., 1911.

статей П.Г. Мижужева о развитии системы народного образования¹. Первые обобщающие работы российских ученых по истории США вышли в свет только в начале XX в. Это труды П.Г. Мижужева «История великой американской демократии» (1906) и А.В. Бабина «История Северо-Американских Соединенных Штатов» (1912). Литографированный курс лекций С.Ф. Фортунатова (1908) можно рассматривать как первый учебник по истории США.

Было бы вполне закономерным предположить, что именно эти российские историки заложили основы отечественной американистики. Однако традиционно считается, что становление американистики в нашей стране происходит лишь в советский период после появления в 1930-40-х гг. работ А.В. Ефимова, В.И. Лан, Л.И. Зубок. Так, в фундаментальном труде «История США» (в 4 томах) под редакцией академика Н.Н. Болховитина признаются определенные заслуги дореволюционных специалистов по истории США, однако отмечается, что они практически не оказали влияния на дальнейшие исследования в этой области, за исключением труда М.Я. Острогорского, который «получил международное признание и даже оказал влияние на развитие историографии в самих Соединенных Штатах»². Как правило, в советской историографии авторов всех дореволюционных исследований по истории США относили к категории «компилятивистов», труды которых опирались лишь на материалы западноевропейских и американских историков³.

На наш взгляд, отсутствие преемственности в развитие американистики в нашей стране обусловлено в большей степени не столько низким качеством работ дореволюционных исследователей, сколько их взглядами. Практически все авторы работ по истории США, написанных на рубеже XIX – XX вв., основное внимание уделяли анализу политической системы страны, при этом достаточно высоко ее оценивали и представляли США практически

¹ См. подробнее: Чикалова И.Р. Русский американист Павел Григорьевич Мижуев. С. 121-133.

² История США: в 4 т. М., 1983. Т. 1. С. 651.

³ Кубышкин А.И., Цветков И.А. Указ. соч. С. 183.

как образец демократии. Естественно, такой подход не мог разделяться советскими историками, поэтому они иногда очень резко и необоснованно критиковали своих предшественников. Так, например, Ю.А. Михайлов писал: «Открытой апологией истории США характеризуются сочинения кадетских историков Мижужева и Фортунатова. Компилятивные, целиком построенные на исследованиях зарубежных авторов, оторванные от конкретно-исторического изучения Американской революции, их работы не являются позитивным вкладом в изучение Американской буржуазной революции. <...> Стремление видеть в России конституционно-демократическое государственное устройство приводило их к огульной идеализации американской демократии, потерявшей к началу XX в. с вступлением капитализма в империалистическую стадию свою привлекательность и видимость массовой социальной базы»¹.

Особый подход к изучению США, характерный для большинства дореволюционных исследователей, отмечали также Л.А. Бурганова и Г.П. Мягков: «Основу воззрений на американскую историю даже наиболее видных представителей академической науки России (П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский) составляли идеи об американской “исключительности”, разрабатывая которые их авторы стремились фактически объединить “исключительность” и “образцовость” развития США»². Авторы статьи подчеркивали, что российские историки восприняли многие положения западноевропейских авторитетов А. Токвиля, Д. Брайса, Э. Лабулэ. Новыми были лишь акценты, которые приспособляли теорию американской «исключительности» для потребностей политической борьбы в России. К таким «апологетам» истории США и американских политических институтов причислялся и С.Ф. Фортунатов³.

¹ Михайлов Ю.А. Указ. соч. С. 149.

² Бурганова Л.А., Мягков Г.П. Указ. соч. С. 84-85.

³ Там же. С. 87.

В современной историографии отношение к первым российским исследователям истории США постепенно меняется. Стали появляться публикации, посвященные первым российским американистам¹, более взвешено стал оцениваться их опыт в создании первых обобщающих трудов по истории США². Однако по-прежнему нередко встречается полное игнорирование их вклада. Так, например, в статье К.В. Миньяр-Белоручева «Основные проблемы изучения американской истории середины XIX века в отечественной и американской историографии» работы дореволюционных историков даже не упоминаются³.

Несомненно, что определенная зависимость от зарубежных исследований при изучении американской истории, которая была характерна как для С.Ф. Фортунатова, так и для других российских историков того времени, не умаляет значимость их трудов. Необходимо отметить, что в целом они достаточно критически относились к работам предшественников и давали, как правило, глубокий историографический анализ. Такой взвешенный подход возобладал вновь в отечественной американистике только в конце XX в. Так Н.Н. Болховитинов обращал внимание, что «важнейшей задачей наших историографов становится ознакомление исследователей с новейшими достижениями западных историков, проведение детального и объективного анализа лучших трудов по истории Соединённых Штатов. К сожалению, в настоящее время у нас очень редко появляются серьёзные историографические работы. Критиковать американских историков с позиций ортодоксального марксизма было очень легко, но провести самостоятельный и объективный анализ новейших работ по истории США оказалось гораздо труднее»⁴.

¹ Пивоваров Е.Г. А. В. Бабин (1866 - 1930 гг.). СПб., 2002; Чикалова И.Р. Русский американист Павел Григорьевич Мижухев. С. 121-133.

² Кубышкин А.И., Цветков И.А. Указ. соч. С. 183-184.

³ Миньяр-Белоручев К.В. Основные проблемы изучения американской истории середины XIX века в отечественной и американской историографии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 115-125.

⁴ Болховитинов Н.Н. Изучение американской историографии в России // Американское общество на пороге XXI века: итоги, проблемы, перспективы. Материалы II научной конференции (1995 г.). История США в МГУ. [Электрон. ресурс] URL:

Обращение С.Ф. Фортунатова к истории США, надо полагать, являлось его самостоятельным выбором. Никто из его университетских преподавателей этой проблематикой не занимался. Тема его первой магистерской диссертации была связана с Англией. Единственным, кто мог оказать на него влияние в этом вопросе, был немецкий историк Герман-Эдуард Гольст (1841-1904). Как мы уже отмечали, С.Ф. Фортунатов, вероятно, какое-то время проходил стажировку у известного профессора. По крайней мере, можно с уверенностью утверждать, что он был с ним знаком и поддерживал связи – так, в предисловии к своей книге «История политических учений» С.Ф. Фортунатов отмечал: «некоторыми важными книгами я обязан фрейбургскому профессору истории Гольсту»¹. По-видимому, именно Г. Гольст определил и общую направленность исследований Фортунатова по истории США – политико-правовые учения и проблемы конституционализма. Поскольку для всех его трудов по истории США характерно именно выделение политико-правового аспекта. И выбор С.Ф. Фортунатовым темы для своей второй монографии – сопоставление взглядов авторов «Федералиста» и Кальгуна, был тоже сделан явно под влиянием немецкого профессора, т.к. сам Г. Гольст в 1883 г. издал книгу, посвященную Кальгуну – «John Calhoun. American Statesman». Сложно сказать, сохранились ли в дальнейшем личные контакты между Г. Гольстом и С.Ф. Фортунатовым, но в лекциях и статьях последнего встречаются неоднократные упоминания о немецком профессоре. Так, он особо отмечал, что книги Гольста приняты как руководство в нескольких университетах США², что профессор отправился в очередную научную командировку в США для работы с источниками, что Г. Гольста пригласили

http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/conf1995/bolhovitinov5.htm. [Дата обращения: 15.03.2015].

¹ Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединённых Штатах. С. IV.

² Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.] Holst. Verfassung und Demokratie der Vereinigten Staaten von America. II. Band // Критическое обозрение. 1879. № 12. С. 6.

для чтения лекций в университеты в США (С.Ф. Фортунатов даже приводил размер его жалования)¹.

Возможно, что интерес к истории США у С.Ф. Фортунатова имеет и более глубокие корни. Ожесточенное противостояние между северными и южными штатами, которое пришлось на годы его юности, не могло не вызывать у него живой интерес. В биографическом очерке, посвященном А.Ф. Фортунатову, отмечалось, что «из событий общественной жизни на Алексея Федоровича громадное впечатление произвела еще в детстве война за освобождение негров в Соединенных Штатах»². Это явно свидетельствует, что события Гражданской войны активно обсуждались в семье Фортунатовых. Обращение молодого историка к истории США вполне соответствовало и его либеральным воззрениям.

Первые публикации С.Ф. Фортунатова по истории США (монография и рецензии) появляются в 1879 г. «История политических учений в Соединенных Штатах. Ч.1. Федералист и трактаты Кальгуна» в отличие от первой монографии ученого о Г. Вене, опиравшейся в большей степени на труды предшественников, была основана на анализе источников – произведений А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея и Дж. Кальгуна. Основную цель своего произведения С.Ф. Фортунатов видел в том, чтобы познакомить «русскую публику» с главнейшими из политических учений Соединенных Штатов, страны, «политические учреждения которой достигли такой высоты». В книге не только подробно рассмотрены сами политические учения, но и достаточно полно дан исторический фон. Автор отмечал, что он сознательно останавливался на исторических событиях, во время которых были написаны рассматриваемые произведения: «во-первых, вследствие тесной зависимости, в которой находятся политические трактаты от условий места и вре-

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов ... Ч. II. С. 4.

² РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.

мени, а, во вторых, по причине малого знакомства читающей публики с историей Соединенных Штатов»¹.

В монографии изложена история создания «Федералиста», его различные издания, особо выделяется вопрос о спорности авторства отдельных его статей. Достаточно подробно С.Ф. Фортунатов анализирует политические взгляды каждого из авторов «Федералиста» – А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея (основное внимание уделяется А. Гамильтону, как автору большинства статей), излагаются его основные положения. Оценивая значение этого произведения, историк обращает внимание на то, что во-первых, оно «развивает известные политические теории», во-вторых, важен «по изложенным в нем взглядам на принципы федерального правления и на отношения между федеральным правительством и правительствами отдельных штатов» и, в-третьих, представляет «разъяснение отдельных статей конституции»².

Также в монографии обстоятельно изложены политические взгляды и деятельность Дж. Кальгуна, дан анализ его трактатов. С.Ф. Фортунатов отмечает, что несмотря на то, что основной руководящей идеей Кальгуна было отстаивание рабовладельческих интересов, в его сочинениях было и много ценного и поучительного. Прежде всего – строго проведенное различие между интересами большинства и интересами всего населения, указание на стремление прессы служить выражением только большинства, превращение большинства в меньшинство в результате железной дисциплины партии «уничтожающей все индивидуальное и принуждающей меньшинство какой-либо партии беспрекословно подчиняться воле большинства». Интересны и замечания автора по поводу некоторых недостатков функционирования политической системы США, описанных Дж. Кальгуном – например, «деморализующее влияние» погони за местами и постоянная смена чиновников, которыми сопровождается вступление нового президента в Белый дом: «Это зло развилось в американской республике с президентства Джексона и ради-

¹ Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединённых Штатах. С. III-IV.

² Там же. С. 19-20.

кальная реформа в организации гражданского ведомства (Civil service) является в настоящую минуту настоятельной необходимостью для великой заатлантической республики»¹.

В заключение сравниваются два подхода к принципу федерализма, представленные у авторов «Федералиста» и Дж. Кальгуна. Гамильтон являлся сторонником усиления роли федерального правительства и выступал против сепаратистских стремлений отдельных штатов. Кальгун разработал доктрину «нуллификации», согласно которой каждый штат может приостановить действие на своей территории федеральных законов, нарушающих Конституцию США. Противоположные точки зрения «на отношение федерального правительства к правительствам отдельных штатов»² объясняется, на взгляд исследователя, различием исторических условий, в которых создавались анализируемые политические доктрины: «Федералист был написан в то время, когда чувствовалась необходимость в усилении и укреплении союза; трактаты Кальгуна писались в то время, когда резко выступила противоположность между интересами свободных и рабовладельческих штатов»³. Вместе с тем автор отмечает, что в этих учениях очень много общего. Так, авторы «Федералиста» и Кальгун совершенно по-разному трактуют такие понятия как «демократия» и «республика», но вместе с тем они едины в негативном отношении «к чистой демократии» и в стремлении оградить меньшинство от тирании большинства⁴.

Обращение к анализу «Федералиста» и трактатов Кальгуна рассматривались С.Ф. Фортунатовым как часть общего труда по истории политических учений в США, о чем свидетельствует указание «Часть I» в названии книги. Но продолжение так и не появилось, что вероятнее всего объясняется неудачной попыткой представить монографию для защиты в качестве магистерской диссертации. Это исследование оказалось недооценено современ-

¹ Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединённых Штатах. С. 144-145.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же.

никами. Возможно, тема была достаточно узкой и на тот момент не вызвала большого интереса. Вместе с тем новизна проблемы и значимость поднятых в работе вопросов очевидны. Необходимо отметить, что и современные исследователи в работах по проблемам федерализма неизменно обращаются и к трудам Дж. Кальгуна, и к «Федералисту»¹.

В 1879 г. С.Ф. Фортунатов опубликовал на страницах «Критического обозрения» и свои первые рецензии на труды Г. Гольста и А. Штудница по истории США². В этот период на русском языке не только практически не было исследований российских ученых, посвященных Соединенным Штатам, но и достаточно мало было переводов работ западноевропейских историков. Поэтому важно было представить новые исследования в этой области. Уже в этих рецензиях С.Ф. Фортунатов показал хорошее знание проблемы: он кратко характеризует имеющиеся на русском языке издания по США³, отмечает как достоинства, так и недостатки сочинений Г. Гольста и А. Штудница, проводит сравнение с имеющимися по теме работами.

С.Ф. Фортунатов неизменно был в курсе всех новых публикаций по истории США, часто писал на них рецензии. Среди всех исследований он особо выделял «Демократию в Америке» А. Токвиля, отмечая, что все, кто интересуются «будущностью человечества» должен ознакомиться с этим выдающимся произведением: «Значение книги Токвиля очень велико, потому что со времени “Политики” Аристотеля это первый настоящий трактат о демократии»⁴. Превосходство этого труда для ученого не подлежало сомнению, хотя он и выделял некоторые недостатки, в частности, что ряд положений Токвиль не доказывает и, более того, не имеет возможности проверить своё изложение. Так, он характеризует качества демократии вооб-

¹ Филимонова М.А. Политическая борьба националистов-федералистов за консолидацию США: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2011; Хованская А.В., Гончаров Д.В. Американский федерализм. Оренбург, 2002 и др.

² Фортунатов С.Ф. Положение рабочих в Соединенных Штатах // Критическое обозрение. 1879. № 7. С. 5-7; Его же. [Рец. на кн.] Holst. Verfassung und Demokratie der Vereinigten Staaten von America. II. Band // Критич. обозрение. 1879. № 12. С. 1-6.

³ Фортунатов С.Ф. Положение рабочих в Соединенных Штатах. С. 5.

⁴ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. 1. С. 43.

ще, а примеры для иллюстрации приводит из истории Америки, «которые часто обусловлены чисто случайными местными особенностями»¹. Однако, даже критикуя Токвиля, С.Ф. Фортунатов непременно отмечал значимость его труда: «Эта книга бессмертна, но как на солнце есть пятна, так и в этой книге недостатки»².

Положительно отзывался С.Ф. Фортунатов о работе Д. Брайса «Американская республика». Он отмечал, что Д. Брайс, профессор римского права Шотландского университета, являясь не только учёным, но и политиком (министр, посланник в США), хорошо был знаком с реальной действительностью, поэтому «знакомит нас не с конституцией на бумаге, а с тем, как проведена она в жизни»³. Это исследование, построенное по тематическому принципу, давало исчерпывающую информацию не только о политическом устройстве, в третьем томе был представлен обширный материал о различных сторонах общественной жизни (религии, образовании, нравах и т.п.)⁴. В сопоставлении Токвиля и Брайса отмечается, что «это два историка одного и того же народа, но разделённые промежутком времени большим, что в полстолетия»⁵. С.Ф. Фортунатов активно использовал эти сочинения при изложении лекционного курса. Можно отметить, что и другие российские ученые, занимающиеся историей США, выделяли именно эти труды, так, например П.Г. Мижуев в своих работах также часто апеллировал к книгам А. Токвиля и Д. Брайса.

«Историю Соединённых Штатов» Э. Лабулэ С.Ф. Фортунатов считал достаточно полным изложением американской истории и относил ее наряду с сочинением Д. Брайса к категории обязательной литературы для студентов, изучающих курс по истории США. Вместе с тем с обоими авторами он постоянно полемизировал по отдельным вопросам.

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. 1. С. 44.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 45.

⁴ Брайс Д. Американская республика : в 3 ч. Ч. 3. М., 1890.

⁵ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. 1. С. 46.

Особо выделял С.Ф. Фортунатов работы Г. Гольста, к которому у него было особое отношение. Четырехтомная «История американской демократии», по его мнению, «ещё долгое время будет настольною книгой для всякого, кто желает ознакомиться с поучительной и для европейских демократий историей американской демократии»¹. Однако во всех рецензиях ученый подчеркивал главную особенность сочинений немецкого профессора – излишнее акцентирование внимания на юридических вопросах, то что каждый вопрос разбирается с точки зрения конституции Соединенных Штатов². Такой подход делает труды Гольста «очень важными для занимающихся американским правом, но в то же время нередко вредит книге, так как перед читателем является не историк, а юрист или даже член Верховного суда Соединенных Штатов»³. Несмотря на этот и ряд других недостатков, С.Ф. Фортунатов чрезвычайно высоко оценивал «Историю американской демократии», отмечая, что это «лучшее сочинение по американской конституции и по истории невольничьего вопроса»⁴.

Что касается отечественных исследований по истории США, то в 70-80-е гг. XIX в., когда С.Ф. Фортунатов только начинал заниматься историей США, он отмечал практически полное отсутствие специальных исследований на русском языке. Рецензируя в 1879 г. на страницах «Критического обозрения» труд Г. Гольста, он упоминал несколько статей по истории США российских авторов, опубликованных в журналах, отметив при этом, что «на русском языке нет ничего цельного по истории Соединенных Штатов»⁵. Среди работ по истории США, появившихся в начале XX в., он выделял «Историю великой американской демократии» П.Г. Мижучева, в которой «очень недурно изложен колониальный период»⁶. По поводу книги А.В. Бабина «Ис-

¹ Фортунатов С.Ф. История американской демократии. С. 33.

² Там же. С. 33-34.

³ Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.] Holst. Verfassung und Demokratie der Vereinigten Staaten von America. С. 2.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 1.

⁶ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. 1. С. 46.

тория Северо-Американских соединенных штатов» он отмечал: «Книга не лишенная недостатков: одни вопросы в ней разобраны очень подробно, другие, как невольничий вопрос, кратко и с большими пробелами»¹. Но все же он рекомендовал ее своим студентам для общего ознакомления с историей событий в США.

Зависимость С.Ф. Фортунатова, как и других российских учёных, занимающихся историей Соединенных Штатов, от зарубежной историографии была, несомненно, достаточно сильна. Но обращение к работам западноевропейских корифеев не исключало и привлечение широкого спектра различных источников. Поскольку обобщающая история США у С.Ф. Фортунатова представлена только в литографированных курсах лекций, не всегда очевидны использованные материалы. Лишь в «Истории политических учений в Соединённых Штатах» указан перечень основных источников. Среди них можно выделить 12-томное издание Спаркса и 4-томное Элиота, представляющие собрания источников по истории США конца XVIII в., которые он изучал в парижской и гейдельбергской библиотеках². Эти материалы использовались ученым и при изложении лекционного курса по истории США. Так, характеризуя развитие системы образования в штате Массачусетс, он замечал, что многие школы были созданы на средства, собранные самими жителями: «Мне приходилось видеть подписные листы на эти школы...»³. Большое внимание уделялось анализу текстов деклараций и конституций (как федеральных, так и отдельных штатов), трудов основателей американского государства, писем и выступлений общественных и политических деятелей.

При чтении лекций С.Ф. Фортунатов широко привлекал различные статистические данные, по возможности самые новые. Так, читая курс в 1915 г., он указывал, что использует материалы переписи 1910 г.⁴ Следует отметить, что имеющиеся статистические данные ученый внимательно ана-

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. II. С. 3.

² Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединённых Штатах. С. IV–VI.

³ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. I. С. 59.

⁴ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. II. С. 5.

лизовал. Например, разбирая вопрос о темпах роста заработной платы американских рабочих, он замечал: «мне приходилось видеть целый ряд статистических таблиц с различными выводами»¹. Далее он выделял те параметры, которые следовало учитывать при решении этого вопроса (цены на продукты, аренду жилья и т.п.), предупреждая, что «со всеми этими цифрами приходится обращаться осторожно».

Материалы лекционного курса С.Ф. Фортунатова по истории США сохранились только благодаря запискам слушательниц Высших женских курсов. Было издано несколько вариантов литографированных курсов этих лекций за разные годы². К сожалению, сам ученый так и не издал авторского курса. А.А. Кизеветтер писал: «Сколько раз предпринимались попытки убедить его подготовить к печати его университетские курсы по истории Англии и Соединенных Штатов! А он только отмахивался обеими руками»³. Однако за долгие годы чтения его лекционный курс по истории США приобрел черты логично выверенного, добротного учебника. Наиболее полный вариант представлен изданием 1916 г. (см. прилож. 10).

В целом курс был построен по проблемно-хронологическому принципу. Он делился на две части. В первой части можно выделить несколько тематических блоков: возникновение и развитие североамериканских колоний, война за независимость и становление молодой республики в последней четверти XVIII в. Вторая часть курса охватывала историю XIX в. Здесь автор также выделяет несколько периодов, приводя в начале каждого годы правления президентов: с начала века до конца 30-х гг., 40-50 гг., война между северными и южными штатами, и с конца 60-х гг. до правления Вильсона. При чтении лекций он всегда стремился довести курс до современности, особо

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. II. С. 200.

² Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов XIX века. Записки, составленные слушательницами Высших женских курсов за 1908 год по лекциям С.Ф. Фортунатова. М., [1908]; Его же. История Соединённых штатов Северной Америки. Лекции, читанные на В.Ж.К. в 1909–10 уч. г.: Записки слушательниц В.Ж.К. М., [1910]; Его же. История Соединённых Штатов. Курс, читанный в 1915–1916 гг. По запискам слушательниц. М., [1916]. Ч. I–II.

³ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 121. Л.1.

подчеркивая, что это значимо¹. Этим можно объяснить и требование обязательного использования лекций для подготовки к экзамену по второй части курса, в то время как по первой допускалось, что труды Брайса и Лабулэ могут их заменить².

Излагая историю США, Фортунатов обращал особое внимание на изучение деклараций и конституций, причем не только федеральных, но и отдельных штатов, отмечая, что, приведённый в этой части курса, материал, студенты не смогут найти ни в одном из пособий, рекомендованных к изучению³. Анализируя конституции, принятые в разных штатах, ученый выделял их отличительные черты, обусловленные историческими условиями развития колоний. Великое историческое значение этих конституций он обосновывал тем, что в них впервые были закреплены положение о конституции как о высшем законе, «противоречие с которым делает недействительным всякий другой закон»⁴, а также основные права – «полная религиозная свобода, затем личная неприкосновенность гражданина»⁵. Исследователь не случайно на первое место ставил принцип религиозной свободы. Он неоднократно подчеркивал, значимость отделения церкви от государства, и отмечал, что заслуга в провозглашении этого «великого принципа» ещё в 30-х годах XVII в. принадлежит Роджеру Уильямсу. Положенный в основу конституции Род-Эйlanda, он позже был признан федеральной конституцией и постепенно всеми остальными штатами⁶.

К изучению политической системы США С.Ф. Фортунатов проявлял особый интерес, делая акцент не на фактологической истории, а на правовых основах жизни общества. Наиболее заметно это проявляется в первой части лекционного курса, в которой существенное место занимает изучение

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. II. С. 5.

² Там же. С. 47.

³ Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединённых Штатах. С. 117.

⁴ Фортунатов С.Ф. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединённых Штатах. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Там же. С. 7.

политических сочинений предреволюционного периода, а также правовых источников эпохи борьбы за независимость, прежде всего Конституции и Билля о правах.

Характеризуя значение конституции США и отношение к ней самих американцев, исследователь писал: «Известная фраза де Местра о том, что народ не может питать уважения к составленной им самим писаной конституции, находит себе полное опровержение на примере американского народа, в глазах которого его конституция была последним словом политической мудрости, священным и неприкосновенным памятником, как бы политической Библией. При этом таково было отношение к конституции не одной только массы населения. Многочисленные учёные и остроумные комментаторы американской конституции все исходили из того основного положения, что её совершенство есть общепризнанный и несомненный факт»¹. Следует отметить, что отчасти подобное отношение к конституции США было характерно и для самого С.Ф. Фортунатова. Американская демократия воспринималась им как некий образец, абсолютно противоположный российской действительности.

Основное достижение американской конституции ученый видел в том, что она закрепляла основные права и свободы человека, подчеркивая что в большей или меньшей степени гарантии прав есть и в английском билле о правах 1689 г., и во французской декларации прав человека 1789 г., но «нигде эти гарантии не сформулированы так обстоятельно, как в восьми дополнениях к конституции Соединённых Штатов. Нигде не было обращено так много внимания на права отдельного гражданина»². При этом С.Ф. Фортунатов обращал внимание, что наряду с провозглашением прав и свобод крайне важно и наличие системы их защиты от произвола со стороны властей. И в этом, на взгляд ученого, несомненно преимущество США, впервые возникшего во всемирной истории государства, в котором отдельному лицу даются проч-

¹ Фортунатов С.Ф. История американской демократии. С. 36.

² Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединенных Штатах. С. 149.

ные гарантии против деспотизма правительства: «В настоящее время ограждение прав личности не только от административного произвола, но и от законодательного деспотизма может считаться в Соединённых Штатах безусловно обеспеченным»¹.

Подчеркивая ценность наличия отлаженного механизма защиты прав и свобод личности, С.Ф. Фортунатов подробно анализировал его отдельные элементы. Особенно внимательно он рассматривал возможные варианты действий в случае принятия конгрессом законов, ограничивающих основные права граждан. В такой ситуации ключевая роль отводилась Верховному суду². Значимость этого органа в системе государственной власти США особо выделялась многими российскими исследователями. Так, С.А. Котляревский писал: «Афинская демократия ввела у себя в гелилеях судебное рассмотрение законов, как обеспечение их устойчивости и защиты от непостоянных народных настроений. Современная демократия, быть может, не менее нуждается в высоко стоящем на страже права судебном авторитете, а американский верховный суд принадлежит к великим ее памятникам»³.

Следует обратить внимание и на рассуждения С.Ф. Фортунатова о возможности захвата власти и установления тирании со стороны законодательного собрания, на которую указывали многие американские деятели конца XVIII в. (эти опасения разделял и А. Токвиль). Проанализировав несколько имеющихся случаев борьбы президентов с двумя палатами Конгресса (в частности, в 1834–1837 и 1866–1868 гг.), ученый отмечал, что в этом противостоянии Конгресс не вышел за пределы власти, определенной ему конституцией: «Опасения Джефферсона, Мадисона и Токвиля до сих пор не оправдались, чему, я думаю, способствовало то обстоятельство, что президент как лицо естественно привлекал к себе гораздо больше сочувствия народа, чем

¹ Фортунатов С.Ф. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединённых Штатах. С. 9.

² Фортунатов С.Ф. История американской демократии. С. 33.

³ Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 250.

безличное существо – конгресс»¹. Оценивая роль законодательства и его практическую реализацию, С.Ф. Фортунатов любил приводить слова Гладстона: «Подобно тому как английская конституция является самым замечательным примером бессознательного, органического политического творчества, также Соединенные Штаты служат самым великим образцом сознательного политического творчества»².

Большое внимание в лекционном курсе уделялось и практике функционирования политической системы, деятельности исполнительной власти. Показательно, что для экзамена по курсу он считал обязательным изучение 25-й главы работы Д. Брайса «Американская республика», посвященную сравнению «кабинетской и министерской системы»³.

Во второй части курса, посвященной развитию США в XIX в., С.Ф. Фортунатов основное внимание уделял борьбе за отмену рабовладения, но при этом освещал и другие важные социально-экономические вопросы: основные причины быстрого экономического роста, начавшуюся монополизацию американской экономики, развитие рабочего движения. Внешнюю политику историк традиционно рассматривал достаточно кратко: характеристика доктрины Монро, анализ действий США в Мексике и взаимоотношений с Англией и Францией, разбор различий во внешнеполитических доктринах республиканской и демократической партий.

Борьба за отмену рабства в лекционном курсе представлена очень комплексно: оценивается уровень развития рабовладения, рассматривается ситуация в разных штатах, разбираются доводы сторонников и противников сохранения рабства, перипетии политической борьбы между основными партиями по этому вопросу. И, конечно, автор останавливался достаточно подробно непосредственно на событиях Гражданской войны, показывал соотношение сил между северными и южными штатами, позиции ведущих европей-

¹ Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединённых Штатах. С. 51.

² Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. I. С. 289.

³ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. II. С. 4.

ских государств. Интересен анализ отношения разных слоев английского общества к гражданской войне в США. Историк отмечал, что в Англии почти вся аристократия и значительная часть средних классов была, безусловно, за юг. Он особо подчеркивал, что в торжество юга верил даже такой государственный деятель, как У. Гладстон¹. И только «рабочий класс хорошо понимал, что вопрос, который будет решаться на полях Америки, есть вопрос будущности английских рабочих или, больше того, будущности демократии всего мира. Поэтому, несмотря на то, что непосредственными результатами войны были страшные страдания рабочих вследствие хлопчатобумажного кризиса, тем не менее, все попытки со стороны аристократии и средних классов склонить рабочих в подаче петиций в парламент с требованиями вмешательства Англии в эту войну и признания независимости юга, потерпели неудачу»². С.Ф. Фортунатов видел в противостоянии северных и южных штатов всемирно-историческое значение, которое, на его взгляд, прежде всего осознали представители рабочего класса, а не правящих кругов. Он был полностью солидарен с мнением А. Линкольна о мировом значении разгоревшейся борьбы – «это мировое значение превосходно понял рабочий класс, как в Англии, так и в Соединенных Штатах, так и в других государствах»³.

Анализируя развитие США в начале XX в., С.Ф. Фортунатов подчеркивал: «Соединенные Штаты стоят теперь перед двумя вопросами чрезвычайно трудными: один вопрос расовый, другой вопрос заключается в том, как привести в гармонию экономический строй с крайностями развития капитализма и имущественного неравенства с политическим демократическим строем. Как разрешены будут эти вопросы – покажет будущее»⁴. Однако, приводимые тут же слова Д. Брайса: «Соединенные Штаты достигли высочайшей ступени материального достатка, умственного развития и счастья,

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. II. С. 132.

² Там же. С. 133-134.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же. С. 225.

какой не достиг ни один народ в Европе»¹, не столько подводят итоги, сколько иллюстрируют твердую убежденность обоих историков в будущем успешном развитии США.

Материал лекционного курса С.Ф. Фортунатова легко читается, стиль изложения достаточно выдержанный. Несмотря на то, что в первой части курса история США рассматривалась преимущественно через призму Конституции, а вторая – «невольничего» вопроса, в целом лекции создают удивительно цельное впечатление общей картины развития государства. Лектор не затушевывал сложности и противоречия в развитии государства и общества, которых было немало, но в целом дал очень позитивный образ молодой американской республики.

В тексте лекций часто использовались сравнения, например, с античностью (отличительные черты рабства, проблемы взаимоотношения меньшинства и большинства при демократических режимах, речи А. Линкольна и Перикла). С.Ф. Фортунатов не раз проводил параллели и между развитием России и США. Так, анализируя взгляды Д. Кальгуна, который активно защищал тезис, что «невольничество благо, как для негров, так и для белых», историк отмечал, что «многие аргументации Кальгуна напоминают те аргументации в пользу крепостного права, которые делались у нас в 30-40 гг. в царствование Николая»². А характеризуя положение негров в США в начале XX в. он писал: «Теперь немного более половины населения негров свыше 10 лет грамотны. В этом отношении негры перещеголяли Россию (Я сравниваю Америку с Россией, потому что негры стали свободными приблизительно в то же время, как в России было отменено крепостное право) % грамотных в России меньше, чем % грамотных среди негритянского населения юга. Особенно велика разница между Россией и Америкой в распространении образования среди женщин»³.

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. II. С. 226.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 180.

С.Ф. Фортунатов очень часто вставлял в текст лекций яркие примеры для иллюстрации исторических ситуаций – например, описание преследований и расправ над неграми. Историком удавалось создавать достаточно запоминающиеся образы отдельных исторических личностей. С особой теплотой он писал о А. Линкольне: «Самой характерной чертой является сочетание качеств, которые редко вообще сочетаются в одном человеке, а в той степени какой сочетались у Линкольна – я другого примера не знаю»¹. Он отмечал, что политику были присущи необыкновенная твердость характера, и вместе с тем поразительная мягкость и доброта. А. Линкольн, преследуя общие интересы, никогда не забывал об отдельных личностях, был очень близок к народу и любил повторять: «мы все способны очень быстро зазнаться, мы должны помнить, что вышли из народа и опять придем в тот же народ». С.Ф. Фортунатов особо подчеркивал, что благодаря этому политику США «являются единственным примером страны, где в разгар кризиса, грозившему независимости и единству страны, свободные учреждения оставались неприкосновенными»².

С.Ф. Фортунатов, будучи сторонником либеральных взглядов, неизменно восхищался американским политическим строем. Среди первых российских американистов наиболее близок Фортунатову по взглядам был П.Г. Мижухев, который также очень высоко оценивал уровень развития американской демократии: «в этой великой республике происходит в самых широких размерах опыт народовластия»³. Оба историка в период революционных событий 1905-1907 гг. в связи с ростом интереса российского к американской политической системе проявили заметную публицистическую активность. Как отмечает И.Р. Чикалова, одной из ключевых тем в творчестве П.Г. Мижухева было осмысление американского и английского опыта преобразования общества и государства на принципах демократии: «Мижухев был

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединённых Штатов. Ч. II. С. 160.

² Там же. С. 162.

³ Мижухев П.Г. История великой американской демократии. СПб, 1906. С. 2.

среди первых отечественных популяризаторов проблемы парламентаризма, разделения законодательной и исполнительной властей»¹. Так, в 1906 г. в период острой политической полемики вокруг созыва Государственной думы он опубликовал несколько работ, посвященных парламентской системе.

В этот период на страницах «Русских ведомостей» и «Русской мысли» С.Ф. Фортунатов также выступил с целым рядом статей по вопросам развития демократии в США и даже выпустил несколько небольших работ². Последние, как правило, были основаны на его газетных публикациях, но даже такая активность, совершенно для него нехарактерная, показывает степень значимости для него этих проблем. Не случайно с 1907 по 1910 г. он в течение трех лет читал студентам лекции по курсу истории США, хотя обычно чередовал свои лекционные курсы. С.Ф. Фортунатов очень много сделал для популяризации в российской среде американских демократических институтов и идей парламентаризма. Также он постоянно знакомил читателей «Русских ведомостей» с текущей политической жизнью США: анализировал итоги президентских выборов, результаты военных кампаний и т.п.³.

С.Ф. Фортунатов имел заслуженную репутацию знатока американской истории. По словам А.А. Кизеветтера, «политическая история Англии и Северо-Американских Соединённых Штатов была ему известна в таких мельчайших подробностях, как будто это была его личная биография. <...> С точностью знал он и всю подноготную английских и американских политических деятелей всех эпох и представлял собою, как бы сказать, живую, ходячую летопись парламентской жизни этих стран»⁴. И подобные высказы-

¹ Чикалова И.Р. Профессор Павел Григорьевич Мижухев: российский англовед и либерал. С. 8-9.

² Фортунатов С.Ф. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединенных штатах; Его же. Вопрос о двух палатах // Максимов А.Н., Фортунатов С.Ф. Одна или две палаты? М., 1906. С. 14-20.

³ Фортунатов С.Ф. Президентские выборы в Соединенных Штатах // Рус. ведомости. 1892. № 142; Его же. Президентские выборы и борьба партий в Соединенных Штатах // Рус. ведомости. 1896. № 270; Его же. Результаты испано-американской войны для Соединенных Штатов // Рус. ведомости. 1898. № 198 и др.

⁴ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 71-72.

вания мы можем встретить у многих современников¹. Однако, что касается работ С.Ф. Фортунатова, то на них практически не ссылались – так, мы не видим их упоминания ни у Н.И. Кареева в кратком очерке развития отечественной и зарубежной историографии США, ни у П.Г. Мижужева². Возможно, это можно объяснить тем, что его монография по истории политических учений не вызвала большого интереса, а остальные публикации были представлены лишь рецензиями, небольшими статьями на страницах «Русских ведомостей» и литографированными курсами лекций, на которые было не принято ссылаться.

Вместе с тем необходимо признать, что в отечественной американистике место С.Ф. Фортунатова весьма значимо: он первым разработал университетский курс по истории США, был автором первого исследования в отечественной историографии, посвященного политическим учениям американских мыслителей XVIII–XIX вв. Его рецензии знакомили российских читателей с важнейшими трудами зарубежных ученых. Многочисленные статьи С.Ф. Фортунатова по различным вопросам политической истории США способствовали популяризации в широких массах идей и опыта американской демократии.

2.3. История европейских государств XVIII–XIX вв. в научно-педагогическом наследии ученого

История европейских государств XVII–XIX вв. получила отражение как в отдельных работах С.Ф. Фортунатова, так и в его лекционных курсах, а также в многочисленных статьях и рецензиях. Наибольшее внимание он уделял Англии и Франции, затрагивал также историю Германии, что касается

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 63.

² Кареев Н.И. Новейшее время от 1859 до 1914 гг. Историографические очерки. Петроград: Наука и школа, 1923. С. 114–115; Мижухев П.Г. История великой американской демократии. С. 277–280.

других европейских стран, то к ним историк обращался, лишь проводя сравнительно-исторические экскурсии по различным вопросам.

Из всех европейских стран С.Ф. Фортунатова больше всего привлекала Англия. Можно сказать, что исторические сюжеты из Английской революции стали первой темой его научных занятий. Эта страна наряду с США была для него своеобразным образцом демократического устройства, достойным подражания. В истории Англии ученого больше всего интересовали именно сюжеты, связанные с борьбой за идеи свободы и демократии. Так, темой своей первой магистерской диссертации он выбрал изучение взглядов и деятельности представителя индпендентов Генри Вена. Эта довольно яркая фигура эпохи Английской революции, как правило, оставалась в тени других, более известных революционных деятелей. Однако, именно Г. Вен привлек историка, прежде всего тем, что он был более демократичен и последователен в своих взглядах и поступках. «Постоянные ссылки на естественное право, на врожденное человеку понятие о справедливости резко отличают сочинения Вена от большинства английских политических трактатов XVII ка»¹, – отмечал С.Ф. Фортунатов.

Во всех исследованиях по истории Английской революции имеются сведения о деятельности Г. Вена, но как правило, очень скудные. Его подробная биография была представлена только в семитомном издании Форстера «Английские государственные мужи», которое и стало для С.Ф. Фортунатова «главнейшим пособием»². В первой части книги автор подробно проанализировал и другие исследования о революции, особое внимание уделяя трудам Ф. Гизо, Т. Маколея и Л. Ранке. Основные этапы биографии Г. Вена Фортунатов выделил именно на основе этих работ, сопоставляя свидетельства разных авторов. Источниками этой книги можно считать сами произведения Вена. Фортунатов провел достаточно обстоятельный анализ трудов Вена, что придало определенную новизну его исследованию.

¹ Фортунатов С.Ф. Представитель индпендентов Генри Вен. С. 145.

² Там же. С. 18.

В большинстве работ по истории Английской революции, дается достаточно близкая С.Ф. Фортунатову оценка взглядов и деятельности Г. Вена, однако, как правило, это очень краткие упоминания об английском политике. Так, например, А.Н. Савин в «Лекциях по истории Английской революции» относил Вена к «лучшим республиканцам»¹, сторонникам полной религиозной свободы², но отмечал и характерные для него «аристократические тенденции»³. Этим А.Н. Савин практически и ограничил анализ его взглядов. Советские историки в своих трудах также не уделяли личности Г. Вена должного внимания⁴. Книга С.Ф. Фортунатова до настоящего времени остается единственным исследованием по этой теме в отечественной историографии и поэтому неизменно упоминается в соответствующих историографических обзорах. Так, в одном из последних учебников С.В. Кондратьева монография «Представитель индипендентов Генри Вен» отмечается среди наиболее интересных исследований дореволюционных авторов по истории Английской революции и характеризуется как «содержательное»⁵.

Структура книги достаточно традиционна. Автор подробно рассматривает жизненный путь политического деятеля, его религиозные и политические взгляды. В монографии представлен очень яркий, запоминающийся образ стойкого борца за свободу. Основным объектом исследования становится активная деятельность политика в парламенте, взаимоотношения с другими лидерами революции (в частности с О. Кромвелем), его роль в движении индипендентов. Достаточно детально ученый анализирует политические воззрения Г. Вена. Отдельную главу он посвящает сопоставлению концепций Г. Вена и Д. Мильтона, одного из наиболее ярких представителей индипендентов. Именно эту часть монографии можно считать наиболее удачной и само-

¹ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М., 2000. С. 31.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 315.

⁴ См. например: Английская буржуазная революция XVII в.: в 2 т. М., 1954. Т. I-II; Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция. М., 1958; Барг М.А. Великая Английская революция в портретах её деятелей. М., 1991.

⁵ Кондратьев С.В. Английская революция XVII в.: учебник для студ. высш. уч. заведений. М., 2010. С. 23.

стоятельной, но она несколько выбивается из общей структуры книги, построенной по традиционному хронологическому принципу.

К вопросу о сопоставлении взглядов Г. Вена и других представителей индепендентов ученый неоднократно возвращался впоследствии. Так, в рецензии на книгу А. Штерна «Мильтон и его время», он отмечал, что Мильтон, признавая религиозную свободу, далеко уступал двум великим деятелям XVII в. Г. Вену и Р. Вильямсу. К сожалению, констатировал историк, они не пользуются той известностью, которая выпала на долю Д. Мильтона и О. Кромвеля. Именно в последних всегда видели представителей идей индепендентов, которые представляли собой более передовую часть пуритан. Между тем и Г. Вен и Р. Вильямс, по мнению Фортунатова, значительно опередили их в логическом проведении тех начал, которые лежали в основе учения индепендентов. Д. Мильтон требовал религиозной свободы для всех протестантских сект, но восставал против равноправия католиков. Г. Вен и Р. Вильямс были более веротерпимы и стояли за предоставление полной свободы не только всем христианским вероисповеданиям, но также и мусульманам, евреям, язычникам. Они шли еще дальше и первыми провозгласили принцип отделения церкви от государства. Фортунатов восклицал: «То перед чем отстают многие из французских республиканцев в наши дни, смело провозглашалось Роджером Вильямсом два с половиной века тому назад»¹. Интересно, что видя в лице Вена и Вильямса «истинных представителей» индепендентов, С.Ф. Фортунатов не считал таковым Кромвеля, который большинством историков рассматривался именно как истинный представитель идей индепендентов: «Можно ли считать Кромвеля представителем индепендентов? На этот весьма важный для истории XVII в. вопрос, по моему мнению, надо дать отрицательный ответ»².

¹ Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.] Stern A. Milton und seine Zeit // Критическое обозрение. 1879. № 16. С. 22.

² Там же. С. 24.

За исключением сюжетов, связанных с Г. Веном ученый к теме Английской революции практически не обращался. В истории этой страны его интересовали больше проблемы эволюции государственного строя от абсолютной монархии к конституционной, борьба за права и свободы, становление системы парламентаризма, которую он считал образцовой. Значительное внимание он уделял анализу государственного строя Англии, выявлению специфики английской конституции. Именно с изучения конституции он начинал свой лекционный курс по истории Англии XIX в., этой теме он посвятил и отдельную небольшую работу «Основные начала английской конституции»¹.

Английская конституция являлась предметом многочисленных теоретических исследований, начиная с Ш. Монтескье, с которым С.Ф. Фортунатов был не согласен в определении характера английской конституции: «несмотря на то, что Монтескье был тонкий наблюдатель он допустил ошибки в понимании английской конституции»: Монтескье видел в английской конституции XVIII в. гармоничное сочетание трех элементов: монархического, аристократического и демократического, и строгое соблюдение принципа разделения властей². С.Ф. Фортунатов отмечал, что «Англия второй половины XVIII века была аристократией, в которой как монархический, так и демократический элемент играли очень слабую роль. Кроме того, как раз ко времени выхода книги Монтескье (1748) в Англии стала развиваться система парламентаризма, которая основана не на разделении, а на тесном взаимодействии властей исполнительной и законодательной»³.

Еще целый ряд исследователей XVIII-XIX вв., по мнению историка, неверно понимали конституционное устройство Англии, в частности У. Блекстон («Комментарии к английским законам»), Г. Гюйст (труды по истории государственного устройства и местного самоуправления). И только

¹ Фортунатов С.Ф. Основные начала английской конституции. М., 1905.

² Там же. С. 3.

³ Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии 19-го века, чит. в 1909/10 гг. Ч. 1. С. 3.

сочинения У. Беджгота «Английская конституция» и А. Дайси «Основы государственного права в Англии», вышедшие в свет во второй половине XIX в., по мнению С.Ф. Фортунатова дали верную картину английского государственного строя¹. Русский ученый отмечал, что основная заслуга А. Дайси заключалась в том, что он выделил и охарактеризовал два вида конституций – «гибкие» (Англия) и «неподатливые» (США)², а также «впервые точно определил различие между двумя видами норм конституционного права: между законами в строгом значении этого слова и конституционными соглашениями»³.

Необходимо отметить, что С.Ф. Фортунатов очень ценил этот труд, он был его настольной книгой⁴. Ученый постоянно апеллировал к А. Дайси в своих лекциях, статьях, обсуждал его сочинения с коллегами. Но и другие специалисты по новой истории тоже высоко оценивали это исследование, достаточно обратиться к предисловию П.Г. Виноградова к русскому переводу А. Дайси: «самый блестящий из современных английских юристов», «книга Дайси дает нам мастерскую характеристику правовых идей английской конституции и их применения»⁵.

Больше всего С.Ф. Фортунатова в истории Англии привлекала именно способность ее политических институтов к реформированию. Так, рассматривая развитие Англии в XVIII в., ученый отмечал, что она представляла собой «характерный пример страны, управляемой аристократией, которая порой переходила в олигархию», что проявлялось и в выборной практике (наличие «гнилых местечек», распространенная система подкупов и т.п.), и в системе местного самоуправления и пр. Однако уже к началу царствования королевы Виктории (1837) в стране начала действовать во всей своей полноте

¹ Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии 19-го века, чит. в 1909/10 гг. Ч. С. 4-5.

² Фортунатов С.Ф. Основные начала английской конституции. С. 5.

³ Там же. С. 5.

⁴ Богословский М.М. Дневники. 1913–1919. С. 262.

⁵ Виноградов П.Г. Предисловие к русскому переводу // Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. СПб., 1891. С. VI.

система парламентаризма¹. Историк подчеркивал, что главная характерная черта парламентаризма в Англии – это тесное взаимодействие исполнительной и законодательной власти². Отличительными особенностями кабинетной системы Англии являются однородность кабинета, солидарность, главная роль премьера, и самое основное, по мнению историка, – политическая ответственность кабинета перед палатой общин³. Благодаря этому правительство получает возможность проведения важных реформ и в то же время находится под постоянным контролем народных представителей.

Подобная эффективная политическая система установилась постепенно, благодаря целому ряду реформ, а не революций. Обращаясь к истории Англии XVIII – первой половины XIX вв., С.Ф. Фортунатов выделял несколько периодов, для которых было характерно торжество реакции, когда «личная свобода гражданина и свобода печати подвергались серьезной опасности быть принесенными в жертву интересам так называемой государственной безопасности»⁴. Особенно серьезная ситуация, по его мнению, сложилась в конце XVIII в., когда был принят ряд законов, серьезно ограничивающих свободу собраний и печати⁵. Возникли серьезные опасения, что в стране либо установится деспотизм, либо вспыхнет революция. Однако «суд присяжных обратил в мертвую букву все законы, направленные против свободы печати и против свободы собраний»⁶, практически всегда оправдывая обвиняемых в нарушении этих новых постановлений. Не менее опасная ситуация возникла и в 30-х гг. XIX в., когда в обществе шла ожесточенная борьба за парламентскую реформу, и вновь казалось, что революция неизбежна. С.Ф. Фортунатов замечал, что «благодаря с одной стороны политиче-

¹ Фортунатов С.Ф. Шестидесятилетие царствование королевы Виктории // Ру. ведомости. 1897. № 158.

² Фортунатов С.Ф. Основные начала английской конституции. С. 17.

³ Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии 19-го века. Ч. I. С. 11.

⁴ Фортунатов С.Ф. Реакция в Англии в конце XVIII и в начале XIX столетия // Юрид. вестн. 1880. Кн. II. С. 270.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ Там же. С. 276.

скому смыслу английского народа, а с другой своевременным реформам, Англии удалось избежать революций»¹.

Историк неоднократно обращался к вопросу об отношении англичан к революциям, как к своей собственной, так и к другим (в частности, к Великой французской революции). Так, он отмечал: «Вначале французская революция возбудила в обществе большое сочувствие, и большинство вигов были на ее стороне. Казалось, что и во Франции, как и в Англии, возникает конституционная монархия. Но по мере дальнейшего хода революции, после падения монархии и казни короля, число сторонников ее сделалось ничтожным»². Многие политические деятели начали осуждать события во Франции, так, например, Э. Берк будучи либералом (С.Ф. Фортунатов подчеркивает «либералом в английской консервативно-аристократическом смысле») резко критиковал французскую революцию, в частности за то, что она была «революцией антиисторической, которая уничтожила вековые учреждения»³. На это ученый приводил следующие возражения: «Против его упреков французской революции в ее антиисторичности можно возразить то, что каждое явление имеет свое историческое объяснение в прошлом, и французская революция также вызвана историей; следовательно, она не антиисторична»⁴. Но сам С.Ф. Фортунатов тоже не был апологетом революции, ратуя за поступательное реформирование общества на принципах либерализма.

Поэтому Англия оставалась для него образцом, особенно ее развитие во второй половине XIX в., когда на престоле находилась королева Виктория. Основное значение ее правления, историк видел в постепенной и полной демократизации страны: большинство мужского населения Англии получили политические права, была введена тайная подача голосов, территории страны разделена на равные избирательные округа и т.д. Местное самоуправление было преобразовано на демократических началах. Сложилась система госу-

¹ Фортунатов С.Ф. Реакция в Англии в конце XVIII и в начале XIX столетия. С. 298.

² Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии 19-го века. Ч. I. С. 33.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же. С. 36.

дарственного народного образования. Произошло почти окончательное торжество принципа полной религиозной свободы. Кардинально изменились отношения между метрополией и колониями: от открытой враждебности к развитию реального самоуправления¹.

Следует отметить, что С.Ф. Фортунатов достаточно высоко оценивал роль личности в истории, особенно это заметно на примере Англии. Его портреты государственных и общественных деятелей всегда очень яркие и убедительны. Как отмечал, М.М. Богословский: «Английские государственные люди – любимые герои Степана Федоровича, а Гладстон, двумя портретами которого украшена его небольшая комнатка, его божество»². С.Ф. Фортунатов неизменно характеризовал У. Гладстона как «великого государственного деятеля», отмечал его «выдающиеся способности», ораторский талант³.

Среди основных заслуг политика он выделял проведение радикальной парламентской реформы и последовательную позицию в разрешении ирландского вопроса. Интересны замечания историка по поводу эволюции политических взглядов У. Гладстона, для которой были характерны все более проявляющаяся с годами их либерализация, что, естественно, отражалось на всей его деятельности. В подтверждении своих наблюдений он приводил слова самого политика, который в ответ на знаменитое изречение «немного стоит тот человек, который не был бы хоть немного радикалом в юности и консерватором в более зрелые годы» заметил: «что касается меня, то я думаю, что все изменения в моих политических убеждениях я могу резюмировать в следующем положении: я вырос в недоверии и нелюбви к свободе и я выучился верить в нее. Тут ключ ко всем моим изменениям»⁴. На наш взгляд,

¹ Фортунатов С.Ф. Шестидесятилетие царствование королевы Виктории.

² Богословский М.М. Ключевский-педагог // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 60.

³ Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии 19-го века. Ч. 1. С. 115-116.

⁴ Фортунатов С.Ф. Новая биография Гладстона // Рус. мысль. 1904. Кн. VI. С. 50.

в этой приверженности идеям свободы и стремление воплотить их в жизнь причина особых симпатий историка к личности У. Гладстона.

Оценивая развитие Англии к началу XX в., С.Ф. Фортунатов отмечал, что «Англия не разрешила еще, но должна разрешить многие трудные острые вопросы: вопрос и колониальный, и социальный, и рабочий. Но вековая история Англии дает нам не только надежду, но и уверенность, что страна, учителем которой был Джон Стюарт Милль, а руководителем Гладстон, сумеет справиться с этим вопросом»¹. Практически аналогичные рассуждения ученый высказывал и в отношении развития США на рубеже веков – подчеркивал остроту имеющихся проблем (прежде всего социальных) и выражал твердую уверенность, что страна, которая так много добилась на пути развития демократии, непременно преодолеет любые трудности.

Несколько работ посвятил С.Ф. Фортунатов истории Франции. В отличие от США и Англии Франция с ее чередой революций и достаточно нестабильной политической системой не вызывала его особых симпатий. Он специально не занимался французской историей, за исключением изучения «Декларации прав человека и гражданина»². Вместе с тем им были разработаны три лекционных курса по истории Франции. Самый обстоятельный из них, как уже было отмечено выше, был посвящен истории Французской революции. Это можно объяснить тем, что революция XVIII в. во Франции со времен первых лекционных курсов В.И. Герье неизменно изучалась в Московском университете и практически воспринималась как неотъемлемая часть общего курса новой истории. Поэтому С.Ф. Фортунатов, не читая этого курса в университете, где он специализировался исключительно на истории XIX в., тем не менее ввел его в программу на «коллективных уроках» при московском Обществе воспитательниц и учительниц, Высших женских курсах и университете имени А.Л. Шанявского. Кроме того, различные сюжеты по истории Франции XVIII в. активно разрабатывались В.И. Герье и его учени-

¹ Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии 19-го века. Ч. I. С. 186.

² Фортунатов С.Ф. История французской революции. С. 15.

ками, поэтому и С.Ф. Фортунатов не мог их обойти вниманием. Как отмечал в 1922 г. В.А. Бутенко, как бы ни были значительны исследования русских ученых по истории стран Западной Европы в новое время, они не могут «ни по количеству появившихся в России монографий, ни по обилию и важности добытых результатов сравниться с тем, что русская историческая наука сделала за последние 40 лет для изучения эпохи французской революции и вообще истории Франции в XVIII в.»¹.

Излагая историю Французской революции, С.Ф. Фортунатов показал прекрасное знание современной ему историографии. Критически осмысливая различные исторические концепции, он преподносил слушателям проблемную, а не фактологическую историю революции. Лекционный курс позволяет выявить отношение ученого и к дискуссионным проблемам, поднятым в работах историков, представляющих русскую историческую школу: влияние на подготовку революции сочинений французских просветителей, особенностях провинциального управления во Франции в предреволюционный период, специфики крестьянской собственности в XVIII в., достоверности отражения в наказах 1789 г. требований крестьян.

В курсе лекций изложен достаточно обстоятельный обзор историографии французской революции, который располагается в середине изложения, а не в начале, как это обычно принято. В ходе этого анализа автор неизменно выражает свое отношение к рассматриваемым трудам, отмечая: «это я рекомендую прочитать» или «не рекомендую». Из всех работ по истории революции С.Ф. Фортунатов выделяет книгу А. Токвиля «Старый порядок и революция», которая «имела великое значение»², именно к ней он апеллирует чаще всего в своем лекционном курсе. Также он рекомендует «замечательное» сочинение Ф. Минье и книгу Л. Блана, «которая находится в тесной связи с его социалистическим мировоззрением»³. В историографическом об-

¹ Бутенко В.А. Указ. соч. С. 148.

² Фортунатова С.Ф. История французской революции. Ч. 1. С. 3.

³ Там же. С. 94-95.

зоре подробно представлена оригинальная периодизация Л. Блана, согласно которой «период авторитета» господствовал в Европе до эпохи Реформации, а в XVIII в. восторжествовал «принцип индивидуализма», который, по мнению С.Ф. Фортунатова, нашел отражение в трудах французских просветителей (кроме Ж.-Ж. Руссо) и в деятельности жирондистов. Отражение третьего принципа, по Л. Блану, «принципа братства» ученый проследил в сочинениях Ж.-Ж. Руссо и в деятельности монтаньяров. Он отмечал: «с Луи Блана ведет свое начало тот взгляд, который рисует якобинцев, в особенности Робеспьера и Сент-Жюста, как предвестников социализма 19 столетия. Насколько этот взгляд верен, увидим впоследствии»¹. Необходимо отметить, что некоторые взгляды Л. Блана вызывали у С.Ф. Фортунатова резкое неприятие, в частности, оправдание террора.

Характеристика труда Ж. Мишле «История французской революции» ученый высказывался очень положительно, отмечая характерную для него красочность изложения, а также то, что «у него нет стремления превратить какую-либо партию французской революции в поборницу какой-либо великой цели, и поэтому, несмотря на его видимую субъективность, он часто объективен»². Подчеркивая важность изучения международных отношений в эпоху революции, С.Ф. Фортунатов особо выделял работу А. Сореля «Европа и французская революция», в которой убедительно доказано, что внешняя политика Франции и других государств конца XVIII в. является продолжением традиций, сложившихся еще в дореволюционный период. С.Ф. Фортунатов считал, что «по глубине, по уму, по умению охватить все стороны, книга Сореля может быть названа классической»³, а ее автор сделал для международной истории, то же что А. Токвиль – для внутренней истории Франции.

Лучшим специалистом по политической истории Французской революции историк считал А. Олара, автора другого классического труда – «По-

¹ Фортунатова С.Ф. История французской революции. Ч. 1. С. 97.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 99-100.

литическая история французской революции». Работа Ж. Жореса «Социалистическая история Французской революции», по мнению С.Ф. Фортунатова, интересна тем, что автор, являясь приверженцем экономического материализма, уделяет значительное внимание «психологии масс и психологии отдельных лиц» и «предостерегает от крайностей марксизма»¹. Исследования А. Ламартина, А. Тьера, и Ф. Кенэ были отнесены по разным причинам к числу «нерекомендованных» для чтения студентами. Достаточно критически оценил С.Ф. Фортунатов и работу И. Тэна, отмечая в частности, что основная цель автора – «всячески уронить значение французской революции». Многочисленные примеры, наличие которых ученый считал главным недостатком книги, являются на его взгляд, не доказательством, а «скорее лишь иллюстрацией» авторской концепции².

Анализ историографии Французской революции, проведенный С.Ф. Фортунатовым показывает серьезные расхождения его оценок со взглядами В.И. Герье, который самым выдающимся и самобытным мыслителем Франции второй половины XIX в. считал И. Тэна³, а А. Тьера, Ж. Мишле и Ф. Минье осуждал за их «героизацию» якобинского террора⁴. Учитель и ученик совпадают только в высокой оценке сочинений А. Токвиля и А. Сореля. Необходимо отметить, что в этом историографическом обзоре С.Ф. Фортунатов рассматривал только работы зарубежных ученых, и совершенно не упоминал исследования Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, П.Н. Ардашева по истории Франции. Возможно причина в том, что он затрагивал преимущественно лишь общие труды по истории французской революции, а не специальные исследования по более узким вопросам (необходимо помнить, что обзор приводится в лекционном курсе). Тем более, что и в своих программах, и в других курсах лекций он неизменно рекомендовал студентам сочинения Н.И. Кареева по истории Европы в новое время: «Карее-

¹ Фортунатова С.Ф. История французской революции. Ч. 1. С. 100-101.

² Там же. С. 99.

³ Герье В.И. Современная историография Франции. С. 530.

⁴ Герье В.И. История Франции XVIII века: последнее десятилетие. М., 1988. С. 41.

еву мы должны быть очень благодарны, потому что благодаря его трудам, у нас есть университетский курс истории XVIII, XIX и начала XX века. Кареев обращает большое внимание на литературу предмета и в этом смысле мы нигде не можем найти таких обстоятельных сведений, как у Кареева»¹.

Но вместе с тем, оценивая развитие историографии французской революции С.Ф. Фортунатов отмечал, что «политическая история французской революции может считаться в значительной степени разработанной, освещенной и международная история революционного времени... Но гораздо хуже разработана экономическая и социальная история французской революции». Такая оценка состояния историографии вопроса не совсем понятна, потому что труды Н.И. Кареева, П.Н. Ардашева и М.М. Ковалевского² по социально-экономической истории Франции XVIII в. получили признание даже за рубежом, а сам С.Ф. Фортунатов неоднократно писал рецензии на работы этих историков³. Тем не менее, в обзоре отмечены лишь «замечательные работы проф. Лучицкого»⁴, которые в ходе изложения социально-экономической истории Франции достаточно много цитируются. При этом С.Ф. Фортунатов отмечал наличие других точек зрения по тому или иному вопросу, не упоминая конкретных авторов и их трудов.

В курсе лекций по истории Французской революции большое внимание уделено и характеристике источников. Прежде всего, это сочинения французских просветителей, среди которых ученый особо выделял «О духе законов» Ш. Монтескье, называя его «политическим евангелием для потомства»⁵. Интересно, что в учении Ш. Монтескье С.Ф. Фортунатов, являясь

¹ Фортунатов С.Ф. История Франции XIX в. Ч. I. С. 3.

² Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка (1774-1789): в 2 т. Киев, 1900-1906; Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции XVIII века. М., 1879; Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. М., 1895.

³ Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.:] Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе // Рус. ведомости. 1902. № 35; Его же. Новая книга по истории политических учений // Рус. ведомости. 1905. № 323 и др.

⁴ Фортунатова С.Ф. История французской революции. Ч. I. С. 102.

⁵ Там же. С. 43.

специалистом по истории США, акцентировал внимание на положении о федеративном государстве, «которое может совместить в себе благодеяние свободы с безопасностью границ», являясь, таким образом, средством примирения «удобства маленького государства» с «важностью большого.

Сочинение Ж.-Ж. Руссо «Общественный договор» С.Ф. Фортунатов оценивал более критически. Он отмечал неточности в фактах античной истории и, самое главное, подчеркивал противоречивый характер авторской концепции. Так, Ж.-Ж. Руссо, с одной стороны отмечал, что общественный договор призван охранять свободу отдельных людей, но вместе с тем полагал, что следствием договора является отказ личности от всех прав в пользу государства¹. Для С.Ф. Фортунатова такие взгляды были неприемлемы, он всегда считал, что права личности приоритетны по отношению к правам государства. Ученый подчеркивал, что предшественниками Руссо в разработке теории о народном верховенстве и общественном договоре можно считать Дж. Мильтона и Дж. Локка. Анализируя степень влияния трудов Руссо на деятелей революции, он отмечал, что они несомненно сыграли значительную роль в формировании взглядов Робеспьера и других якобинцев.

Оценки, которые С.Ф. Фортунатова дал произведениям французских просветителей вполне самостоятельны и в некоторой степени обусловлены его собственными политическими воззрениями. Лишь при анализе сочинений аббата Мабли он апеллирует к трудам В.И. Герье. В отношении же к другому источнику – наказам 1789 г. депутатам в Генеральные Штаты (sahiers) позиции С.Ф. Фортунатова и его университетского наставника различны. В.И. Герье после изучения огромного массива так называемых первичных наказов, сделал вывод, что в процессе обобщения в наказы бальяжей их содержание не только усреднялось, но и порой прямо искажалось. Он считал, что в наказах сложно рассмотреть волю простых людей, поскольку при ре-

¹ Фортунатова С.Ф. История французской революции. Ч. 1. С. 46.

дактировании «класс» адвокатов, литераторов и мелких чиновников навязывал народу «идеи меньшинства»¹.

Точка зрения С.Ф. Фортунатова сводилась к тому, что наказания все же отражали реальные требования народа. Он считал ошибочной «подозрительность» некоторых историков, полагавших, что наказания подверглись существенному редактированию: «Если очень часто составители вносили свою фразеологию в cahiers, то по существу они выражали взгляды самих крестьян. Образованные лица придавали литературную обработку cahiers и порой делали некоторые обобщения, которые не выражали полностью желания крестьян, но по существу все-таки исходили из основных желаний избирателей»². Необходимо подчеркнуть, что если выводы В.И. Герье основаны на тщательном анализе наказов из 6-томного издания «Archives Parlementaires de 1787-1860», то С.Ф. Фортунатов рассматривает лишь несколько отрывков из наказов, опубликованных в работе А. Токвиля. Показательно, что его оценка крестьянских наказов как исторического источника не совпадает и с мнением И.В. Лучицкого, авторитета в этом вопросе.

Анализ С.Ф. Фортунатовым законодательных документов Французской революции можно считать более обоснованным и оригинальным. Особое внимание ученый уделяет «Декларации прав человека и гражданина». Проводя сравнение французской Декларации с американской Декларацией независимости, ученый убедительно прослеживает ее влияние на французских революционеров. С.Ф. Фортунатов категорически выступает против распространенной точки зрения о том, что идеи Ж. Руссо оказали решающее влияние на составителей «Декларации прав человека и гражданина». Ученый обращает внимание, что в основе теории общественного договора заложен приоритет «общей воли» над волей отдельного человека, принцип господства государства над личностью. Однако общий характер Декларации, на его взгляд, совершенно иной – «индивидуалистический»: декларация защищает

¹ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье ... С. 183-184.

² Фортунатова С.Ф. История французской революции. Ч. I. С. 104.

права человека от власти, а в общественном договоре «все принесено в жертву государству»¹.

Рассматривая французскую революцию 1789 г., С.Ф. Фортунатов неизменно подчеркивал ее социальный (антифеодальный) характер, в отличие революций 1830 г. и 1848 г., которые были в большей степени политическими². В числе основных причин революции он выделял несовершенство центрального и областного управления Франции в XVIII в. – крайнюю централизацию, упадок местного самоуправления, бесконтрольность чиновников³. В этом вопросе он следует за А. Токвилем, суждения которого по этой проблеме были опровергнуты в труде П.Н. Ардашева «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка (1774-1789)». Это исследование, основанное на архивных материалах было высоко оценено французскими историками и способствовало дальнейшему изучению истории провинциальной администрации во Франции периода Старого порядка⁴. С.Ф. Фортунатов игнорирует выводы П.Н. Ардашева, хотя несомненно был знаком с его исследованиями. Можно предположить, что С.Ф. Фортунатов сознательно не углубляется в некоторые аспекты, поскольку речь идет о материале лекционного курса, а не специального научного исследования.

Еще один спорный вопрос, который С.Ф. Фортунатов также не обошел вниманием – проблема крестьянской собственности во Франции в XVIII в. А. Токвиль считал, что революция лишь закрепила юридически, а не создала крестьянскую собственность, которая существовала и до революции, но в виде цензивы. Против этого положения выступил Н.И. Кареев, который отмечал, что права сеньора на цензиву не ограничивались лишь получением ценза

¹ Фортунатова С.Ф. История французской революции. Ч. I. С. 124-125.

² Фортунатов С. Ф. Очерк конституционного движения во Франции в эпоху реставрации // Юрид. вестн. 1879. Кн. XI. С. 735.

³ Фортунатова С.Ф. История французской революции. Ч. I. С. 9.

⁴ См.: Зарубин А.Н. Проблемы истории Старого порядка и революции конца XVIII века во Франции в творчестве П. Н. Ардашева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 20.

и «цензива не составляла полной собственности»¹. Поскольку цензитарии из-за необходимости выплаты ренты были ограничены в правах собственности, они не могут считаться собственниками. Подобная форма феодальной зависимости крестьянства, сохранявшаяся вплоть до революции, сделала ее неизбежной.

Взгляды Н.И. Кареева разделял М.М. Ковалевский, отмечая, что А. Токвиль отождествил с собственностью оброчное владение, при котором крестьянство «свободно владеет своею землею, производя только ежегодный вычет из своего дохода в пользу сеньора»². Таким образом, М.М. Ковалевский рассматривал французских крестьян скорее как арендаторов, чем собственников. Позиция И.В. Лучицкий по этому вопросу была ближе к точке зрения А. Токвиля. Исследуя эту проблему в своих многочисленных работах на основе широкого круга архивных источников, он пришел к выводу, что цензитариев можно считать собственниками и приводил доказательства, что в предреволюционный период крестьянское землевладение укреплялось³. Эта дискуссия между историками продолжалась не один десяток лет. При этом, как отмечает Г.П. Мягков, ученые в этой полемике опирались на различный источниковый корпус, у них были различные «методологические подходы при общности целевых установок»⁴. С.Ф. Фортунатов, затрагивая этот вопрос, отмечал, что «спор ведется главным образом из-за слов»⁵. Сам он разделял точку зрения А. Токвиля и И.В. Лучицкого, полагая, что цензива «почти приближалась к полной собственности».

В лекционном курсе достаточно подробно было рассмотрено и международное значение французской революции. При изложении этих вопросов С.Ф. Фортунатов опирался на исследование Сореля. Вызывает интерес срав-

¹ Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. С. 40.

² Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. С. 78.

³ Лучицкий И.В. Состояние землевладельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789-1793 г. Киев, 1912. С. 6.

⁴ Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке ... С. 281.

⁵ Фортунатова С.Ф. История французской революции. Ч. I. С. 17.

нительный анализ истории Французской революции и войны за независимость в Северной Америке, который отличается широтой охвата рассматриваемой проблемы и самостоятельными выводами.

В целом, курс С.Ф. Фортунатова по истории Французской революции являлся одним из наиболее обстоятельных и добротных его лекционных курсов с точки зрения критического осмысления достижений современной историографии. Представленный материал давал возможность не только познакомиться с фактологической стороной французской истории XVIII в., но и узнать о проблемах ее изучения, что побуждало студентов к самостоятельной работе.

Этому курсу были присущи некоторые черты, характерные и для лекционных курсов В.И. Герье: внимание к истории идей, обстоятельный критический анализ источников, освещение проблемных тем через историографический подход. Следует отметить, что С.Ф. Фортунатов сосредотачивал основное внимание на борьбе за права человека, освещал революционные события с позиций либерализма в духе Бентама. В.И. Герье также поддерживал идеи народного представительства и гражданских свобод, но его либеральные взгляды были гораздо более умеренными¹.

Сохранившийся литографированный курс лекций С.Ф. Фортунатова по истории Франции XIX в. достаточно краткий и не позволяет дать развернутый анализ взглядов историка на развитие Франции этого периода. Вместе с тем именно этот раздел истории был наименее разработан, и поэтому его изложение представляет несомненный интерес. К истории Франции XIX в. ученый обращался не только в лекционном курсе, но и в ряде статей, а также рецензий. Конечно, в центре его внимания традиционно находилась эволюция политического строя, тем более, что страна в XIX в. пережила череду революций и переворотов. Однако, надо отметить, что собственно анализу конституционного устройства, особенностей парламентаризма историк уде-

¹ Иванова Т.Н. В.И. Герье как историк Великой французской революции // Диалог со временем. 2008. Вып. 24. С. 223-248.

лял гораздо меньшее внимание по сравнению с Англией и США. Основная причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что политическая система Франции отличалась крайней нестабильностью. В связи с этим если, излагая историю США и Англии, ученый стремился прежде всего подчеркнуть сильные стороны их политического устройства, те моменты которые позволяли последовательно расширять права и свободы граждан и вели к дальнейшей демократизации политической жизни, то на примере Франции он прежде всего показывал, как быстро могут быть потеряны завоевания революции и наступить торжество реакции.

Историю Германии С.Ф. Фортунатов рассматривал преимущественно в рамках лекционного курса, а также затрагивал особенности политического устройства Пруссии и Германского союза в статьях, посвященных развитию парламентаризма. Открывая курс по истории Германии, С.Ф. Фортунатов сразу отмечал, что эта страна «отстала от Англии и Франции и в политическом, и в социальном, и в экономическом отношениях»¹. Учитывая, что германские земли долго находились в состоянии раздробленности, основное внимание в лекционном курсе уделялось истории Пруссии, особенно подробно давался анализ реформ, которые проводились здесь в начале XIX в. Причину этих реформ историк видел в тяжелейшем поражении страны от наполеоновских войск, которое показало «насколько по отношению к другим государствам непрочное государство, опирающееся лишь на механическую дрессировку своих подданных»².

С.Ф. Фортунатов довольно часто проводил параллели с Россией, сравнивая, например, положение прусского и российского чиновничества эпохи Николая I, деятельность Г. Штейна и В. Гумбольта и русских реформаторов 60-х гг., русскую конституцию 1905 г. и конституции отдельных немецких государств³. Анализ последних Фортунатов традиционно уделял много

¹ Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии 19-го века. Ч. 2. С. 3.

² Там же. Ч. 1. С. 15.

³ Там же. С. 14-15, 38-39.

внимания, как и рассмотрению политических учений «служивших выражением стремлений различных классов общества и оказавших сильное влияние на немецкую политическую мысль»¹.

Таким образом, С.Ф. Фортунатов, будучи прекрасным знатоком практически всех значимых трудов по истории США и европейских государств, имея свои собственные определенные взгляды на их историческое развитие, сосредоточивал свое внимание преимущественно на изучении особенностей конституционного-государственного устройства и пропаганде идей либерализма на примере этих стран.

* * *

Подводя итоги анализа научной и педагогической деятельности С.Ф. Фортунатова, необходимо отметить, что в истории российской культуры он остался прежде всего как замечательный преподаватель. Для него были характерны прогрессивные педагогические взгляды, он обладал блестящими ораторскими способностями. Однако у него не было учеников в традиционном понимании научного ученичества, прежде всего в силу того, что в университете имени А.Л. Шанявского и на Высших женских курсах, где С.Ф. Фортунатов являлся ведущим профессором по новой истории, не готовились научные кадры, а в Московском университете он занимал лишь должность приват-доцента. Несомненно, повлияло на этот факт и отсутствие защищенной диссертации. Кроме того, он мало внимания уделял семинарским занятиям, отдавая предпочтение лекциям. Но именно его лекции, пользующиеся огромной популярностью у студентов, составили ему славу превосходного преподавателя, чей педагогический талант не подвергался сомнению.

Существовала тесная взаимосвязь научной и преподавательской деятельности С.Ф. Фортунатова. Он не был бы таким замечательным педагогом, если бы не был хорошим ученым. Научное наследие С.Ф. Фортунатова в ис-

¹ Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии 19-го века. Ч. I. С. 47.

ториографии не было по достоинству оценено. Тематика его научных изысканий, определяемая либеральными воззрениями, не всегда находила отклик у современников. Его взгляды на политическое развитие США и Англии в XVIII-XIX вв. критиковались советской историографией. Таким образом, вклад ученого в развитие науки всеобщей истории в России заслуживает более подробной и объективной оценки.

С.Ф. Фортунатов стоял у истоков отечественной американистики. Его основная заслуга в этом направлении – создание первого систематического университетского курса по истории США. Также он первым из отечественных исследователей обратился к изучению американских политических учений. В монографии «История политических учений в Соединенных Штатах» он подверг текст «Федералиста» подробному источниковедческому анализу, уделяя особое внимание проблеме авторства отдельных статей. Используя сравнительно-исторический метод, он провел сопоставление концепций авторов «Федералиста» и Дж. Кальгуна, прежде всего их взглядов на проблему федерализма, отношение к которой существенно менялось в американском обществе в зависимости от исторической обстановки. В своих работах по истории США ученый обращался прежде всего к анализу особенностей функционирования политической системы (в частности, взаимоотношений между президентской властью и конгрессом), а также системы защиты прав и свобод личности. Таким образом, анализ вклада С.Ф. Фортунатов в изучение истории США свидетельствует, что именно он может претендовать на роль основоположника отечественной американистики.

С.Ф. Фортунатов одним из первых российских историков обратился к изучению истории европейских стран XIX в. Его научные интересы определялись прежде всего сферой истории конституционного права и парламентаризма. Ученый являлся признанным знатоком последних исследований в области новой и новейшей истории. Его рецензии на труды российских и западноевропейских ученых являются важным вкладом в развитие историографии всеобщей истории. Можно признать заслуживающим сожаления

тот факт, что С.Ф. Фортунатов не стремился перенести на бумагу все те свои замечательные знания, которыми восхищались современники. Его работы по истории европейских стран сводятся лишь к рецензиям, ряду статей, которые носят преимущественно научно-популярный характер, и учебным по своей сути лекционными курсам. Вместе с тем монография ученого «Представитель индпендентов Генри Вен», до сегодняшнего дня остается единственным сочинением в отечественной историографии, посвященной этому историческому деятелю.

ГЛАВА III.

ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С.Ф. ФОРТУНАТОВА

3.1. Политические взгляды

Формирование политических взглядов С.Ф. Фортунатова происходило в условиях подготовки и осуществления Великих реформ, когда российская интеллигенция находилась на подъеме социального оптимизма и принимала активное участие в проектах преобразования российского общества. В это время сложилась тесная связь интеллектуальных занятий и политических взглядов интеллигенции. Чтобы понять условия формирования политических взглядов С.Ф. Фортунатова, необходимо охарактеризовать основные политические течения в среде российской интеллигенции того времени. Возникшие в 30-е гг. XIX в. в русской общественной мысли славянофильства и западничества способствовали формированию движения народничества, революционно-демократической идеологии и русского либерализма. В основе идеологии раннего русского либерализма лежали идеалы западничества. Западники видели смысл прогресса в «воспитании “цивилизованного” человека, усвоившего гражданские и нравственные идеи в создании общественно-культурных условий, обеспечивающих человеку достойное существование, установление правопорядка, облагораживание семейных и социальных отношений, подъема уровня жизни народа, духовное совершенствование личности»¹.

В детстве С.Ф. Фортунатов общался с представителями народничества, а в студенческие годы испытал воздействие либерализма, распространившегося среди профессоров-западников. Т.Н. Грановский, Б.Г. Чичерин, В.И. Герье значительное место в своих лекционных курсах отводили анализу развития западной цивилизации, рассматривая ее как образец для рефор-

¹ Сараева Е.Л., Волкова Т.Н. Указ. соч. С. 39.

мирования России. Однако в перспективах европеизации России учёные различали отдельные модели, ориентированные или на историю Англии, или Франции, или Германии. Так, Б.Н. Чичерин прямо противопоставлял историю Англии и Франции, указывая: «Англичане в течении всей своей истории стремились преимущественно к утверждению личных прав и основанной на них свободы, французы – к установлению порядка и равенства, к единству народной жизни»¹.

Английская революция XVII в. в определенной степени противопоставлялась относительно недавним и более радикальным событиям Французской революции конца XVIII в. Так, К.И. Шнейдер считает, что критически относясь к социальному неравенству, элитизму и чрезмерному традиционализму институтов в Англии, Б.Н. Чичерин считал их «высшим идеалом политической свободы, достойным подражания во всем остальном мире, а публичное и гласное судопроизводство приводило его в восторг»². Однако концепцию Б.Н. Чичерина К.И. Шнейдер называет «охранительным либерализмом»³. Он отмечает, что другой идеолог русского либерализма К.Д. Кавелин в своем творчестве эволюционировал в сторону славянофильства. В отличие от западников он противопоставлял западноевропейскую и русскую историю: «... В Европе все делалось снизу, а у нас сверху»⁴.

В то же время представители демократического направления звали молодое поколение к политической борьбе. Н.В. Шелгунов в своей прокламации 1861 г. писал: «Молодое поколение! Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми более всего способными спасти Россию, вы ее настоящая сила, вы вожаки народа»⁵. Так в 60-70-е гг. XIX в. сформировался образ поколения «шестидесятников» как демократической, народниче-

¹ Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. 161.

² Шнейдер К.И. Указ. соч. С. 250.

³ Там же. С. 262.

⁴ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. I. С. 566.

⁵ Шелгунов Н.В. К молодому поколению // Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 86.

ской интеллигенции, принимавшей активное участие в общественно-политической борьбе.

В середине 60-х гг. XIX в. особое значение для российской интеллигенции имело земское движение. С одной стороны это была возможность единения интеллигенции с народом, с другой – практическое воплощение либеральных проектов. Земская интеллигенция большое внимание уделяла распространению грамотности, созданию системы культурных учреждений на селе (земские школы, библиотеки, музеи, народные дома). Е.Л. Сараева и Т.И. Волкова замечают по поводу этой деятельности: «Западники, признавая многообразие культур, доказывали важность общения социумов», ибо, по их мнению, «взаимодействие культур способствует цивилизации общества, заключающейся в развитии духовности, восприятии общечеловеческих ценностей, сглаживании социальных контрастов»¹.

Либеральная профессура 70-х гг. активно участвовала в защите университетской автономии, организации новых образовательных учреждений (например, Высшие женские курсы), пропагандировала всеобщее начальное образование. Однако политические события начала 80-х гг. охладили просветительскую активность либералов. На смену поколению реформаторов пришли «восьмидесятники», которых представители старшего поколения обвиняли в нерешительности и безынициативности. По мнению Н.В. Шелгунова, одной из черт «восьмидесятников» был личный эгоизм: «Одни из них сели под елью, другие сформировали “новое литературное поколение”, третьи начали читать книгу Ману и ушли в буддийскую мораль, четвертые отправились в паломничество к графу Л.Н. Толстому»². А.А. Серых отмечает, что в публицистике сложился образ «восьмидесятника», «который включал такие характерные черты, как эгоцентризм, общественную и политическую безынициативность и смиренное принятие окружающей действитель-

¹ Сараева Е.Л., Волкова Т.И. Указ соч. С. 49.

² Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб., 1895. С. 640.

ности»¹. Оценивая самоидентификацию П.Н. Милюкова, тесно общавшегося с С.Ф. Фортунатовым, А.А. Серых пишет, что Павел Николаевич стремился отступить к минувшему поколению «возвращаясь нарочито под знамя “семидесятничества”»².

Однако на рубеже XIX – начала XX вв. аполитичность либералов сменилась бурной общественно-политической активностью. В период русской революции 1905-1906 гг. в рядах русских либералов произошел раскол. На одной идейной платформе либерализма образовались две партии, идеологами которых стали представители московской профессуры. Так, университетский наставник С.Ф. Фортунатова В.И. Герье стал идеологом партии «Союз 17 октября», его поддержал и П.Г. Виноградов. Большинство коллег С.Ф. Фортунатова (А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, С.А. Котляревский, Ю.В. Готье и др.) вступили в партию кадетов. А.В. Антощенко считает, что главным основанием для размежевания октябристов и кадетов были не столько вопросы стратегии, ведь и те и другие выступали за конституционный строй, сколько тактика: «Если кадеты готовы были в целях давления на правительство опираться на революцию, то П.Г. Виноградов вместе с октябристами призывал к сотрудничеству с правительством, готовым идти по пути реформ, чтобы остановить революцию»³.

Позже уже в эмиграции В.А. Маклаков сетовал, что кадеты и октябристы, обе либеральные по сути партии, «не поняли серьезности положения; борьба между собой занимала их больше, чем совместная борьба против общих врагов»⁴. Ослабленный раздорами лагерь русских либералов проиграл политическую битву социалистам. В огне революции 1917 г. сгорели представители и кадетов и октябристов.

Кратко охарактеризовав развитие русского либерализма, обратимся к политическим взглядам С.Ф. Фортунатова, чтобы определить его место на

¹ Серых А.А. Указ. соч. С. 164.

² Серых А.А. Указ. соч. С. 165.

³ Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов ... С. 137.

⁴ Маклаков В.А. Вторая государственная Дума. М., 2006. С. 71.

политическом ландшафте России рубежа XIX – XX вв. Либеральные воззрения С.Ф. Фортунатова сложились, вероятно, еще в студенческие годы. Так, П.Н. Милюков замечал, что С.Ф. Фортунатов был для него «интересен также тем, что представлял либеральную традицию, начало которой было положено [...] Шаховым»¹. Именно склонность к либерализму определила, на наш взгляд, и выбор тем его диссертаций – «Представитель индипендентов Генри Вен» и «История политических учений в Соединенных Штатах». В дальнейшем этот интерес к развитию политико-правовой мысли и демократических институтов в Англии и США сохранился на протяжении всей жизни. С.Ф. Фортунатов последовательно отстаивал идеи конституционализма и «личных гражданских вольностей»² и в своих лекциях, и в многочисленных статья и рецензиях в периодической печати. А в годы первой русской революции, когда эти вопросы были особенно актуальны для России, он выпускает несколько небольших работ: «Основные начала английской конституции», «Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединенных штатах», «Одна или две палаты?». Непосредственно участия в деятельности политических партий С.Ф. Фортунатов не принимал, но по своим взглядам и кругу общения был близок конституционным демократам.

Одним из основных положений либеральной идеологии является стремление к преобразованию общества через реформы, а не через революции. Как писал В.В. Леонтович, автор знаменитой «Истории либерализма в России»: «Либерализм знает, что насильственная революционная акция чаще всего разрушает как раз наиболее ценные элементы старого строя, не затрагивая при этом первобытной сущности любой государственной власти – т.е. силы в чистом виде, а тем самым создаются предпосылки для того, чтобы государственная власть в дальнейшем проявляла себя еще гораздо более грубо, не будучи уже ограничиваемая и сдерживаемая вообще ничем после от-

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 63.

² Кизеветтер А. А. Из воспоминаний восьмидесятника. С. 151.

падения древних традиций»¹. С.Ф. Фортунатов также всегда выступал как сторонник развития общества по пути реформирования, а не революций. В этом плане в качестве примера он любил приводить Англию, которая после достаточно кровавой революции XVII в. смогла выработать уникальный механизм решения политических конфликтов без обращения к насилию. Возможно, именно отрицание революции как средства изменения общественного устройства вызывало у С.Ф. Фортунатова неприятие идеологии социал-демократов, к которым по свидетельствам современников у него было очень негативное отношение².

В основе либерализма лежит идея, «дающая человеческой личности и ее правам превосходство над всем остальным», поэтому неслучайно, что именно представители этого направления внесли основной вклад в разработку теории прав человека в отечественной науке. А.С. Туманова и Р.В. Киселев, исследуя проблему становления и развития института прав и свобод личности в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., выделяют существенные различия в представлениях о правах человека в рамках либеральной концепции у представителей различных школ: «возрожденного естественного права», юридического позитивизма и социологической юриспруденции³. Если исходить из этой классификации, то С.Ф. Фортунатов по своим взглядам был ближе к школе «возрожденного естественного права», которая была представлена такими именами, как П.И. Новгородцев, В.М. Гессен, С.А. Котляревский, Б.А. Кистяковский, П.Г. Виноградов и др. Именно в рамках этого направления было сформировано представление об автономности индивида по отношению к государству, наличии у него естественных и неотчуждаемых прав, запрете государства вторгаться в сферу личной свободы индивида, очерченную как естественным правом, так и

¹ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914) // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 432.

² Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 173-174.

³ Туманова А.С., Киселев Р.В. Указ. соч. С. 146-147.

правом позитивным, выработано системное представление о гарантиях прав и свобод личности¹.

Основную задачу государства идеологи либерализма видели в обеспечении условий для реализации прав и свобод личности: «отдельный человек стоит на первом плане [...], а ценность общественных групп или учреждений измеряется исключительно тем, в какой мере они защищают права и интересы отдельного человека и способствует осуществлению целей отдельных субъектов. Таким образом, основное задание государства и всех прочих общественных объединений – защита и обеспечение этих прав»².

С.Ф. Фортунатов также считал главной ценностью свободу и политические права. Он, по свидетельству А.А. Кизеветтера, был «энтузиастом культа политической свободы»³. Среди наиболее значимых свобод, которые имеют непреходящее значение, он обычно выделял свободу слова, печати и религиозную веротерпимость⁴. Неоднократно в своих работах С.Ф. Фортунатов рассматривал различные аспекты реализации свободы слова, печати и собраний в европейских странах и США. Особенно часто он обращается к этой проблеме в годы первой русской революции: «Свобода печати и свобода собраний, безусловно, необходимые во всякое время, имеют особое значение, когда стране приходится переживать такой кризис, какой переживает теперешняя Россия»⁵. Он выступает на страницах «Русских ведомостей» с серией статей о свободе слова, печати, собраний, так как видит насущную потребность детального разъяснения важности этих прав: «нередко противники [...] необходимых вольностей указывают на то, что их установление поведет за собой лишь торжество анархии»⁶. В своих статьях С.Ф. Фортунатов, обращаясь к истории Англии и США, показывал, как происходило утверждение

¹ Туманова А.С., Киселев Р.В. Указ. соч. С. 104-105.

² Леонтович В.В. Указ. соч. С. 411.

³ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 72.

⁴ Фортунатов С.Ф. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединенных штатах. С. 10.

⁵ Фортунатов С.Ф. Свобода собраний в Англии // Рус. ведомости. 1905. № 268.

⁶ Там же.

различных свобод в этих странах, какое значение это имело для общества, какие существовали гарантии для их реализации. В частности рассматривая вопрос о свободе собраний в Англии, он подчеркивал большую роль суда в решении вопросов, связанных с защитой этого права, благодаря чему «Англия сумела разрешить вопрос о свободе собраний в духе того гармонического сочетания свободы, законности и порядка, которое составляет характерную черту английского государственного строя»¹.

Рассматривая вопрос о свободе печати (опять на примере Англии, где «впервые возникла свобода печати»), С.Ф. Фортунатов предлагает ряд рекомендаций в связи с ожиданием появления «временных правил о печати в России». Он считает, что такие правила только тогда «удовлетворят и успокоят страну» в это сложное время, если в них будут содержаться следующие основные положения: «1) отмена всяких цензур и всяких предварительных разрешений; 2) отмена залогов от издателей журналов и газет; 3) разбираемость всех процессов по делам печати исключительно судом присяжных»². Поясняя значимость последнего положения, он отмечал: «т.к. суд присяжных является лучшим выразителем общественного мнения и настроения страны, то и разбор процессов по делам печати исключительно судом присяжных является лучшей гарантией в том, что и печать явится верной выразительницей общественного мнения»³. С.Ф. Фортунатов считал, что именно подобные меры способствовали тому, что в Англии восторжествовала полная свобода печати, в отличие от стран континентальной Европы.

С.Ф. Фортунатов подчёркивал, что наряду с провозглашением прав и свобод важна и их защита от произвола со стороны государства. Сравнивая ситуацию с правами человека (прежде всего в нормативно-правовом аспекте) в разных странах, он отмечал: «Великая заслуга Англии в истории человечества заключается в том, что в ней раньше других государств были не только

¹ Фортунатов С.Ф. Свобода собраний в Англии.

² Фортунатов С.Ф. Свобода печати в Англии // Рус. ведомости. 1905. № 299.

³ Фортунатов С.Ф. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединенных штатах. С. 19.

провозглашены, но и обеспечены два основных права гражданина – личная неприкосновенность и свобода печати.»¹ Но если говорить о конституционных гарантиях прав и свобод, то здесь лидируют, по его мнению, несомненно, США.

Рассмотрим этот момент подробнее. С.Ф. Фортунатов в своих работах неоднократно обращался к вопросам функционирования механизма защиты прав человека в разных странах. Он достаточно высоко оценивал политико-правовой принцип охраны права личной свободы и свободы печати в Англии², но обращал внимание на то, что в Англии все права гражданина могут быть на время отменены или ограничены парламентом. Так, парламент может приостановить действие Habeas Corpus или издать закон, ограничивающий свободу печати. К подобным мерам английский парламент прибегал в 80-х гг. XVIII в. и в 20-х XIX в. – это были последние случаи применения подобных законов по отношению к Англии и Шотландии, позднее ограничения Habeas Corpus вводились только для Ирландии. Ученый отмечал: «Конечно, в настоящее время в Англии фактически немыслимо, чтобы английский парламент издал закон об ограничении или отмене свободы печати, но тем не менее юридически парламент имеет право на издание такого закона»³. Поэтому очень важна степень нормативно-конституционных гарантий прав человека. В этом отношении именно США – это пример государства «впервые во всемирной истории ...дающее прочные гарантии отдельному лицу против деспотизма правительства»⁴.

В этом вопросе взгляды С.Ф. Фортунатова перекликаются с воззрениями М.М. Ковалевского. В статье «Учение о личных правах» М.М. Ковалевский писал, что государство не может «упразднить личные права, так как признание их является таким же требованием общественной солидарности,

¹ Фортунатов С.Ф. Охрана основных прав человека в Соединенных Штатах // Рус. ведомости. 1905. № 235.

² Фортунатов С.Ф. Основные начала английской конституции. С. 26–28.

³ Фортунатов С.Ф. Охрана основных прав человека в Соединенных Штатах.

⁴ Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединённых Штатах. С. 146.

как установление самого факта государственного общежития»¹. Он считал, что в Англии личные права более обеспечены, чем в других европейских странах, в частности во Франции², хотя в Англии эти личные права не обеспечены детальными нормативными актами. Но несмотря на то, что декларации прав в Англии не было, суды реально обеспечивали соблюдение прав и свобод личности. Ученый обращал внимание на то, что английские судьи, пользующиеся большой свободой оценки и толкования законов и прецедентов, были в состоянии противостоять законодательной власти в случае нарушения прав и свобод личности. Аналогичную ситуацию он отмечал в США.³ Вслед за американским публицистом Берджессом М.М. Ковалевский считал, что «индивидуальная свобода принята под охрану конституции только в Соединенных Штатах Америки, во всех же остальных ее существование стоит в зависимости от закона»⁴.

Высокая оценка американской политической системы и деклараций эпохи борьбы за независимость была характерна для многих российских конституционалистов. Так, и С.А. Котляревский высоко ставил американскую декларацию, в которой «на деле осуществили теорию демократического договора», «именно там развилась мысль противопоставить всемогуществу суверенного государства совокупность защищенных личных прав»⁵.

С.Ф. Фортунатов также видел основное достижение конституции США в том, что она гарантировала основные права и свободы человека: «Гарантии прав каждого отдельного гражданина в большей или меньшей степени мы находим и в английском билле о правах 1689 г., и во французской декларации прав человека 1789 г., но нигде эти гарантии не сформулированы так обстоятельно, как в восьми дополнениях к конституции Соединённых Штатов. Нигде не было обращено так много внимания на права отдельного

¹ Ковалевский М.М. Учение о личных правах. С. 171.

² Там же. С. 176.

³ Туманова А.С., Киселев Р.В. Указ. соч. С. 137-138.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Котляревский С.А. Предпосылки демократии // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 222.

гражданина»¹. Эти поправки, ставшие составной частью федеральной конституции, позволили оградить граждан от всякого посягательства на них со стороны как законодательной, так и исполнительной власти. В случае же издания Конгрессом закона, ограничивающего права граждан, существует возможность обратиться в федеральный суд, который имеет право объявить недействительным любой закон, противоречащий конституции. Такая же ситуация наблюдается и в рамках отдельных штатов, где «конституции также гарантируют все личные права их граждан, а поэтому всякий закон, изданный законодательным собранием какого-нибудь штата и нарушающий эти права, был бы судом этого штата признан недействительным»².

Важным подтверждением незыблемости гарантий реализации основных прав человека, по мнению С.Ф. Фортунатова, стали события Гражданской войны в США: «Эта война грозила самому существованию союза, и тем не менее за все время войны оставались неприкосновенными свобода печати и свобода собраний»³. Таким образом, конституционное закрепление основных свобод граждан, чрезвычайно сложная процедура изменения конституции, а также независимость и широкие полномочия суда дают основания говорить о том, что «ограждение прав личности не только от административного произвола, но и от законодательного деспотизма может считаться в Соединённых Штатах безусловно обеспеченным»⁴.

Тема судебной системы США и роль Верховного суда достаточно часто поднималась в работах отечественных либералов. Так, В.В. Леонтович отмечал, что судебной власти США «в рамках конституционного строя, обеспечено совершенно особое положение, и именно здесь становится наиболее ясно, что одна из самых важных сторон конституционного строя – служить гаранти-

¹ Фортунатов С.Ф. История политических учений в Соединённых Штатах. С. 149.

² Фортунатов С.Ф. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединённых штатах. С. 8.

³ Фортунатов С.Ф. Охрана основных прав человека в Соединённых Штатах.

⁴ Фортунатов С.Ф. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединённых штатах. С. 9.

ей гражданскому строю»¹. Одним из активно обсуждаемых вопросов в среде правоведов начала XX в. была целесообразность введения в стране института конституционного надзора и осуществления в его рамках судебного контроля над соответствием принимаемых законов основным законам. С.А. Котляревский, анализируя деятельность Верховного суда США, осуществляющего проверку конституционности законов, признавал его огромное влияние на конституционное развитие США. Возможность подобного рода сверки законов с конституцией, по его мнению, представляла действительную гарантию против нарушений конституции законодательной властью.²

Также определенную гарантию свободы С.Ф. Фортунатов видел в развитии местного самоуправления. Он разделял замечание А. Токвиля о том, что «кто не прошел школы местного самоуправления, не может создать прочной свободы в государстве» и отмечал, что оно полностью оправдалось, когда кратковременная вторая республика была ниспровергнута Наполеоном III³.

В годы первой русской революции одним из наиболее актуальных вопросов, стоящих на повестке дня, было введение представительного правления. Как отмечает Р.А. Циунчук: «Никогда за всю историю России политическая литература, посвященная народному представительству, парламентаризму не издавалась в таком количестве и не пользовалась таким спросом»⁴.

Проблема парламентаризма вызывала ожесточенные споры в российском обществе. Не только возможные формы его реализации, но и сама необходимость общенародного представительства в России вызывала сомнение даже у части либерально настроенных кругов. Так, умеренные представители земского движения в начале XX в. активно выступали за введение совещательного и сословного представительства (по образцу Земских соборов) как

¹ Леонтович В.В. Указ. соч. С. 421.

² Туманова А.С., Киселев Р.В. Указ. соч. С. 101.

³ Фортунатов С.Ф. История Франции XIX в. Ч. I. С. 106.

⁴ Циунчук Р.А. Указ. соч. С. 102.

альтернативы парламентаризма¹. Очень резко против этого выступил С.А. Котляревский: «Говорить, что известному национальному облику более приличествует совещательное управление – это все равно, что приписывать известной народности органическое тяготение к проселочным дорогам и органическое отвращение к железным»². Он отмечал, что специфика России заключается только в том, что она позднее других стран вступила на путь парламентаризма и должна поэтому быстрее и решительнее преодолевать свое отставание в этом вопросе. Для С.Ф. Фортунатова тоже не было сомнений в востребованности системы парламентаризма в разных странах: «Я думаю, что еще долгое время будет действовать у свободных народов та система, которая дает исполнительной власти необходимую силу, но в то же время ставит ее под контроль народа, та система, которая покоится на тесном взаимодействии исполнительной и законодательной власти – система парламентаризма»³.

С.Ф. Фортунатов уделял значительное внимание изучению истории парламентаризма, практике его функционирования в разных странах. Прежде всего он обращался к опыту Англии: «Палата общин – мать представительных учреждений континентальных европейских государств, и самые подробности ее регламента содержат в себе много поучительного»⁴. Анализируя особенности системы парламентаризма в этой стране, он отмечал, что она была основана не на разделении, а на тесном взаимодействии исполнительной и законодательной власти⁵. Ученый подчеркивал, что кабинет министров занимает очень важное место в политической системе, но в то же время сильно зависим от парламента. По его мнению, система контроля правительства народными представителями, которая устанавливалась в Англии на протяже-

¹ Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 398.

² Котляревский С.А. Совещательное представительство. М., 1905. С. 5.

³ Фортунатов С.Ф. История Соединенных Штатов. Ч.1. С. 284.

⁴ Фортунатов С.Ф. Бюджетное право английского парламента // Рус. ведомости. 1906. № 297.

⁵ Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии 19-го века. Ч. 1. С. 3.

нии нескольких веков, защищает от его «страсти все регулировать, во все вмешиваться, подавлять личную и общественную инициативу»¹.

Важную роль при эффективной системе парламентаризма играет и общественное мнение. Одним из важных достоинств политической системы Англии С.Ф. Фортунатов считал усиление влияния избирателей, «мнение которых получает все большую и большую силу в глазах депутатов». Так, члены парламента могут даже отказать в поддержке лидеру своей партии, если общественное мнение настроено против его политики².

Среди вопросов об организации народного представительства, активно обсуждаемых в российском обществе в годы первой революции, особое место занимал вопрос о двухпалатной системе. Как отмечал А.Н. Максимов, «Особенность этого вопроса состоит в том, что он вызывает разногласия между людьми, солидарными между собой в прочих отношениях»³. Этой теме С.Ф. Фортунатов посвятил несколько статей. Он постарался рассмотреть эту проблему в исторической перспективе, обобщив опыт разных стран.

С.Ф. Фортунатов отмечал, что надо различать необходимость второй палаты в федеративных и унитарных государствах. Для стран с федеративным устройством имеются достаточно веские доводы, так как в большинстве из этих государств в верхней палате субъекты федерации имеют равное представительство. Как отмечал С.А. Котляревский, для «федеративного государства должна соответствовать двойственность в его представительстве: одна палата представляет как бы все население в совокупности, другая – отдельные органические единицы, из которых состоит федеративное государство»⁴.

Для унитарных государств, как правило, выдвигаются два основных аргумента в пользу второй палаты: большая обдуманность законодательной си-

¹Фортунатов С.Ф. Основные начала английской конституции. С. 17.

²Там же. С. 11.

³Максимов А.Н. Двухпалатная система народного представительства // Максимов А.Н., Фортунатов С.Ф. Одна или две палаты? М., 1906. С. 4.

⁴Котляревский С.А. Указ. соч. С. 152.

стемы и исторический опыт. «Что касается до первого аргумента, то я вполне признаю его силу. Но мне кажется, что исторический опыт вовсе не служит доказательством в пользу необходимости двух палат», — отмечал С.Ф. Фортунатов¹. На примере Англии, Пруссии и Франции он показывал, что верхние палаты в этих странах часто служили тормозом на пути необходимых реформ. Так, противодействие палаты лордов биллю о парламентской реформе в 30-х гг. XIX в. чуть не довели страну до революции, также политика палаты лордов несомненно содействовала обострению аграрного вопроса в Ирландии. В Пруссии палата господ постоянно оказывала противодействие реформам в демократическом и либеральном духе, например, реформе местного самоуправления при Вильгельме I. Во Франции верхние палаты были очень непрочными и не пользовались ни влиянием, ни авторитетом. Так, когда «4 сентября 1870 г. парижская толпа разогнала палату депутатов и провозгласила республику, то она даже забыла о самом существовании сената»².

Признавая, что значительное большинство общественных деятелей в России стоит за необходимость двух палат, С.Ф. Фортунатов соглашался с основными аргументами в пользу этой системы: «гораздо большая обдуманность законодательных актов» и необходимость обеспечения местных интересов различных областей, входящих в состав Российского государства. Но считал, что при установлении верхней палаты очень важно соблюдение трех условий. Прежде всего, необходим демократический характер тех коллегий, которые избирают членов второй палаты, и право выбора членов этих коллегий надо предоставить тем же лицам, которые избирают палату собственно народных представителей. Так происходит в Швеции, Голландии и Бельгии. В России, отмечает С.Ф. Фортунатов: «Избрание второй палаты губернскими земскими собраниями и городскими Думами удовлетворяло бы этим услови-

¹ Фортунатов С.Ф. Вопрос о двух палатах // Максимов А.Н., Фортунатов С.Ф., Одна или две палаты? С. 15.

² Фортунатов С.Ф. Вопрос о двух палатах. С. 16.

ям, но, конечно, только в том случае, если бы предварительно была проведена реформа земских и городских учреждений в демократическом духе»¹.

Вторым важным условием является исключительное право нижней палаты парламента на принятие и утверждение бюджета. Наиболее ярким примером здесь является английский парламент, где решающий голос в финансовых вопросах принадлежит палате общин². Это исключительное право нижней палаты на утверждение бюджета и на нем основано одно из основных положений английского парламентаризма об ответственности кабинета министров только перед палатой общин. Во Франции же, где в финансовых вопросах обе палаты равноправны, министры соответственно несут политическую ответственность перед обеими палатами, что не способствует политической стабильности. Поэтому С.Ф. Фортунатов соглашается с точкой зрения известного английского публициста Беджгота, который указывал, что «из положения о необходимости двух палат вовсе не следует, чтобы обе палаты были равноправны»³.

Третье условие для эффективного функционирования двухпалатного парламента – ограничение права верхней палаты отвергать законопроекты, принятые палатой непосредственных народных представителей: «чтобы у верхней палаты было бы только задерживающее veto»⁴. В качестве примера С.Ф. Фортунатов приводит Англию, где к началу XX в. сложилась традиция, согласно которой формально палата лордов может отвергать неопределенное число раз законопроекты, принятые палатой общин, но одним из главных конституционных соглашений, составляющих важную часть английской неписанной конституции, является положение, что палата лордов в законодательных вопросах в конце концов должна уступить палате общин⁵. В Норвегии и Австралии также существуют меры против злоупотребления правом

¹ Фортунатов С.Ф. Вопрос о двух палатах. С. 17.

² Фортунатов С.Ф. Бюджетное право английского парламента // Рус. ведомости. 1906. № 297.

³ Фортунатов С.Ф. Вопрос о двух палатах // Рус. ведомости. 1905. № 136.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 19.

veto со стороны верхней палаты. Предоставление второй палате только задерживающего veto, по мнению С.Ф. Фортунатова, дает ей возможность исполнять свою главную функцию – мешать недостаточно продуманному законодательству, «а между тем оно предотвратит то раздражение, которое обыкновенно вызывает в демократии неограниченное право veto со стороны Верхней палаты»¹.

Важно отметить, что выступая последовательным защитником демократии, С.Ф. Фортунатов не идеализировал этот строй. Он обращал внимание и на слабые стороны этой политической системы, в частности, неоднократно подчеркивал, что одна из наиболее серьезных проблем, с которым может столкнуться демократическое общество, – это подавление меньшинства большинством. В качестве примера он приводил США, где существует «настоящая тирания большинства»².

Анализируя взгляды представителей либерального лагеря, С.Ф. Фортунатов обязательно подчеркивал их понимание «философии демократии». Так А. Токвиля он относил к либералам-демократам, а Б. Констан считал «либералом, индивидуалистом, но антидемократом»³. Реализация демократии на практике должна, по мнению С.Ф. Фортунатова, заключаться, не только в существовании соответствующих политических институтов, но и «демократическом социальном строе». Анализируя развитие Франции в начале XX в., он отмечал, что ошибочно считать Третью республику прочной: «Франция по своему политическому строю демократия. Но она не демократическая по своему социальному строю. Нигде торжество буржуазии так не сильно, как во Франции. [...] Несоответствие политического строя с социальным делает шаткой саму республику. Она станет только тогда прочной, когда социальный строй будет гармонировать с политической демократической организацией»⁴. Аналогичная ситуация, по мнению ученого, в начале XX в. сложи-

¹ Фортунатов С.Ф. Вопрос о двух палатах. С. 20.

² Фортунатов С.Ф. История Франции XIX в. Ч. I. С. 106.

³ Там же. С. 107.

⁴ Фортунатов С.Ф. История Франции со времени Великой революции. Ч. 2. С. 239.

лась и в США, где также необходимо «привести в гармонию экономический строй с крайностями развития капитализма и имущественного неравенства с политическим демократическим строем»¹.

А.А. Кизеветтер отмечал в своих воспоминаниях, что С.Ф. Фортунатова нередко упрекали «в приверженности к доктрине старого либерализма манчестерского типа»². Это направление, основанное лидерами Лиги манчестерских предпринимателей Р. Кобденом и Д. Брайтом, проповедовало принципы неограниченной экономической свободы, отрицая любую социальную ответственность государства и общества. Однако в России за редким исключением сторонники либеральной доктрины не поддерживали принцип невмешательства, а наоборот, придавали большое значение вмешательству государства в экономические отношения в интересах социальной справедливости. Как совершенно верно отмечал А.А. Кизеветтер: «Степан Федорович не был, конечно, манчестерцем». Он считал, что интеллигенция в России скорее недооценивала, чем переоценивала значение политической гарантии личных свобод, не принимая во внимание, что правомерная свобода личности, являясь большим достижением для общества, вместе с тем служит необходимым условием для реализации социальных преобразований, обусловленных требованиями социальной справедливости. Исходя из этого, С.Ф. Фортунатов считал необходимым «именно эти дорогие ему начала выдвигать на первый план, пропагандируя их в научно-историческом освещении»³.

Изучение вопросов либерализма и конституционализма никогда не представляло для С.Ф. Фортунатова лишь сугубо научный интерес. Эти идеи для него были близки и ценны именно в том плане, что являлись образцом для реформирования российского общества. В своих лекциях и статьях он стремился обосновать необходимость усвоения российским обществом опыта в построении демократии, достигнутого западными странами к началу XX в.

¹ Фортунатов С.Ф. История Соединенных Штатов. Ч. II. С. 226.

² Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 72.

³ Там же. С. 151.

Такие настроения были близки многим представителям либерального крыла. Как вспоминал В.А. Маклаков, в молодости все его симпатии были «с теми представителями духа Великих Реформ, кто хотели продолжения улучшения Русского государства на основах законности, свободы и справедливости, исходя из всего того, что уже существовало в действительности»¹.

Политические взгляды С.Ф. Фортунатова ярко отразились в его публицистической деятельности.

3.2. Публицистическая деятельность

Публицистика в России на рубеже XIX-XX вв. играла огромную роль в общественно-политической и интеллектуальной жизни общества. В этот период в стране сложилась «развернутая система периодической печати, представленная разнообразными типами СМИ – разного предназначения и разной направленности, обслуживающими все социальные слои населения»². Функции периодической печати в конце XIX – начале XX вв. были многообразны. Во-первых, журналы и газеты были важнейшим источником информации для массового читателя; во-вторых, они способствовали политической социализации, формируя у читателя определенную идеологию. При этом политический спектр периодики распределялся от консервативно-охранительных изданий до оппозиционно-либеральных и даже подпольно изданных социалистических газет. Третьей функцией средств массовой информации являлась просветительская, к которой близка функция установления связи общества с представителями научного мира. К тому же, часть журналов была близка к научным изданиям, в которых публиковались научные статьи и даже разделы диссертационных исследований. В конце XIX в. кроме журналов периодиче-

¹ Карпович М.М. Два типа русского либерализма. Маклаков и Милюков // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 390.

² Иванова Л.Д. Указ. соч. С. 42.

ски выходило большое количество альманахов, ученых записок научных обществ, изданий научно-просветительских организаций.

Важной функцией научной периодики была коммуникативная: на страницах журналов и газет разворачивались научные дискуссии, обсуждались новые книги, печатались отчеты о диспутах по защите диссертаций, обзоры преподавания в российских университетах. Важной частью научного обсуждения новых книг являлись рецензии. Специализированные научные журналы были печатным органом междисциплинарной коммуникации и выполняли информационно-репрезентативную, критически-полемическую и интегрирующую функции в жизни научного сообщества историков на рубеже XIX – начала XX в.¹

Таким образом, периодические издания (как специализированные исторические, так и общественно-политические и научно-просветительские) являлись важным звеном в коммуникативном пространстве отечественной исторической науки². В последнее время исследователи все чаще при изучении коммуникативного пространства российской науки обращаются к изучению журналистики, рассматривая журнальный текст как разновидность «историографического письма», именуемого журнальной историографией. Журналистика отражает процесс самопознания исторической науки.³

Представители российской науки, как правило, активно печатались в прессе. Многие из них, на наш взгляд, видели в этом не только возможность получить дополнительный доход, но прежде всего, донести до широкой аудитории свои взгляды, способствовать популяризации науки. К числу таких энтузиастов можно отнести и С.Ф. Фортунатова. Его многолетняя публицистическая деятельность была достаточно успешной и принесла ему известность в широких кругах: его рецензии и статьи публиковались в «Рус-

¹ Никифоров Ю.С. Общественная деятельность историков «русской школы» в социокультурном пространстве Российской империи конца XIX – начала XX в. // Ярослав. пед. вестн. 2013. № 2. Т. I: Гуманит. науки. С. 36.

² Мамонтова М.А. Указ. соч. С. 267-277.

³ См.: Мохначева М.П. Указ. соч.; Шигабутдинов Р.Р. Указ. соч.

ских ведомостях», «Русской мысли», «Критическом обозрении», «Юридическом вестнике», «Научном слове». При этом следует отметить, что будучи сторонником либерализма, он, как правило, печатался в изданиях близких ему по духу.

Журнал «Критическое обозрение», который издавался в 1879-1880 гг., можно отнести к либеральному направлению. Его создателями и издателями были молодые профессора Московского университета Максим Максимович Ковалевский и Всеволод Федорович Миллер. Сотрудниками журнала в основном являлись молодые преподаватели историко-филологического и юридического факультетов Московского университета, которые составляли в те годы круг общения С.Ф. Фортунатова. По словам Р.Р. Шигабутдинова, они отличались от предшественников своими конституционно-реформаторскими идеями, более радикальным образом мышления, олицетворяя «новую фазу в развитии русского либерализма»¹. Это издание имело важное значение для научных дискуссий, разворачивающихся в исторической науке. Здесь много печатались Ф.И. Буслаев, В.А. Гольцев, Ф.Е. Корш, Ф.Ф. Фортунатов и др.

В журнале размещались рецензии на книги и статьи отечественных и зарубежных авторов по русской и всеобщей истории, философии, филологии, политической экономии и др., а также библиографическая хроника, отчеты о заседаниях научных обществах, университетских диспутах. Редакция журнала стремилась представить на его страницах объективную научную критику, без которой невозможно развитие науки. М.М. Ковалевский и В.Ф. Миллер отмечали, что при отсутствии критики многие серьезные труды, которые расширяют «область человеческого знания» могут остаться незамеченными, а сочинения *quasi*ученых, «подкупающие публику современностью мыслей», могут приобрести незаслуженное значение. Недостаток объективной критики приводит к тому, что одни начинают свысока относиться к западной науке, другие, наоборот, «склонны к слепому, безотчетному благого-

¹ Шигабутдинов Р.Р. Указ. соч.

вению перед западными авторитетами»¹. Как отмечает Ю.С. Никифоров: «Критическое обозрение» было печатным органом научной междисциплинарной коммуникации»². Несмотря на то, что журнал просуществовал очень непродолжительное время, он сумел стать примером качественной журнальной критики, и под его влиянием критико-библиографические разделы стали неременной составляющей в толстых журналах. Можно отметить, что именно здесь были опубликованы первые рецензии С.Ф. Фортунатова на книги западноевропейских историков по истории США, Англии и Франции.

К либеральному направлению следует отнести и «Юридический вестник», основанный Московским юридическим обществом. Журнал последовательно выступал за реформы эпохи Александра II: земство, свободу слова, гласность судопроизводства, суд присяжных. Остроту публикациям журнала, направленным на защиту судебной реформы в России, придавало то, что до 1892 г. журнал выходил в свет без предварительной цензуры. Первоначально в журнале публиковались почти исключительно статьи по проблемам юриспруденции. В 1878 г. в редакцию журнала пришли профессора Московского университета М.М. Ковалевский и С.А. Муромцев. Программа журнала расширилась, в ней появились разделы по истории и философии права³. Именно в это время начинается сотрудничество С.Ф. Фортунатова с «Юридическим вестником». Статьи ученого, опубликованные на страницах журнала, затрагивали преимущественно вопросы специфики конституционного устройства Англии и Франции, а также и проблемы в сфере реализации основных прав и свобод.

Особое место в ряду журналов, с которыми сотрудничал С.Ф. Фортунатов, занимал журнал «Русская мысль». С одной стороны, по количеству подписчиков это был один из самых популярных журналов в России, а с другой – политика редакции журнала эволюционировала за десятилетия его существования (1880-1917) и отличалась эклектизмом. Ряд исследователей счи-

¹ Шигабутдинов Р.Р. Указ. соч.

² Никифоров Ю.С. Указ. соч. С. 35.

³ Юридический вестник // Русская периодическая печать (1702-1894): справ. / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. М., 1959. С. 406.

тают, что пропагандируя умеренный конституционализм, журнал способствовал сплочению представителей либерализма, создавших позже кадетскую партию. Основателем журнала был В.М. Лавров, в состав редколлегии в разные годы входили С.А. Юрьев, В.А. Гольцев, а с 1906 г. – А.А. Кизеветтер и П.Б. Струве.

В структуру журнала входили разделы «Научное обозрение» и «Библиографический отдел». Здесь публиковались известные писатели и публицисты. Особо следует отметить, что авторами журнала были профессора Московского университета В.И. Герье, В.О. Ключевский, М.М. Ковалевский, М.С. Корелин, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, Н.И. Кареев. Все эти люди тесно общались между собой и представляли сообщество, в котором находился долгие годы и С.Ф. Фортунатов.

Журнал «Научное слово» (1903-1905) можно отнести к научно-популярным изданиям, однако в нем преимущественно печатались профессора и приват-доценты Московского университета (В.О. Ключевский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, П.И. Новгородцев и др.), что свидетельствует о его высоком научном уровне. На страницах «Русской мысли» и «Научного слова» С.Ф. Фортунатов публиковал преимущественно рецензии на труды западноевропейских историков.

Отдельно следует выделить газету «Русские ведомости», сотрудником которой С.Ф. Фортунатов являлся более 30 лет (с 1879 г. и практически до конца жизни). С конца XIX в. «Русские ведомости» считалась одной из наиболее влиятельных либеральных газет. Быть популярной и востребованной среди читателей ей удавалось благодаря тому, что здесь удачно соединялись информативность и аналитичность. «Русские ведомости» отличались широким кругом авторов, но из-за того что среди них было много ученых (А.А. Кизеветтер, Ю.В. Готье, А.Н. Савин, П.Н. Милюков и др.), современники иронично называли газету «профессорской». Сотрудники и редакторы «Русских ведомостей» были не только профессионалами высокого уровня, но и имели четкую гражданскую позицию. Все вместе они выступали в газете

единым фронтом в защиту принципов либерализма¹. Фортунатов опубликовал на страницах газеты большое количество статей по различным вопросам новой политической истории Европы и США и рецензий на книги и учебные пособия по всеобщей истории и конституционному праву². Свои публикации он подписывал обычно полностью «С. Фортунатов» или инициалами «С.Ф.».

Как правило, в редакциях газет и журналов, имеющих определенную общественную ориентацию, складывались прочные коллективы единомышленников. По этому поводу Ю.С. Никифоров отмечает: «Сотрудничество историков в либеральных журналах пореформенной России не ограничивалось написанием статей, а имело неформальное продолжение в виде журфиксов в редакции журналов»³.

Особенностью публицистической деятельности С.Ф. Фортунатова было то, что она занимала в его жизни более существенную роль, чем для его коллег по Московскому университету. После неудачи с защитой диссертации и временным уходом из Московского университета в 1879 г. страницы периодической печати стали для С.Ф. Фортунатова основным местом, где он мог излагать свои научные и политические взгляды, где он смог реализовать свой интеллектуальный потенциал и продемонстрировать свою эрудицию. Публикации С.Ф. Фортунатова были заметным явлением для научной общественности, его рецензии ценили, а его библиографические обзоры становились важным подспорьем для студентов, молодых ученых и широкой общественности.

Анализ публицистики С.Ф. Фортунатова позволяет выделить три основные группы его публикаций. Первая – это статьи по вопросам политического развития Англии, Франции и Северной Америки в XVIII-XIX вв. В этих публикациях основной акцент ученый делал на особенностях государственного устройства этих стран, показывал специфику их политической системы, механизмов взаимодействия отдельных ветвей власти. Истории революций он ка-

¹ Богданова Е.М. Указ. соч. С. 188.

² Русские ведомости. 1863-1913. С.186.

³ Никифоров Ю.С. Указ. соч. С. 35.

сался мало, гораздо больше его привлекали послереволюционные периоды, когда власть, стремясь к реваншу, проводила реакционную политику.

Интересна в этом плане серия статей по истории Франции XIX в., опубликованная в 1879-1881 гг. в «Юридическом вестнике» и «Критическом обозрении»¹. В этих публикациях ученый проследил от эпохи Реставрации до падения Второй империи борьбу французского народа за свои конституционные права и свободы. С.Ф. Фортунатов показал, что все попытки власти предотвратить рост революционных настроений в стране, ограничить права и свободы, прибегая для этого как к реформам, так и к прямому произволу и репрессиям, оказались несостоятельными. Он подчеркивал, что только поддержка общества может обеспечить стабильное, поступательное развитие страны, а все политические режимы, основанные на насилии непрочны и падение их неизбежно: «Февральская революция является поучительным примером, как ошибаются те правительства, которые меряют свою силу численною слабостью своих открытых противников. Сила правительства гораздо более зависит от того, опирается ли оно на сочувствие и деятельную поддержку общества. Если нет, то катастрофа рано или поздно неизбежна»².

Примечательно, что политическое будущее Франции ученый видел лишь в дальнейшем развитии и укреплении республиканской системы, отмечая что «в настоящее время с каждым днем все более и более упрочивается республиканский порядок во Франции, с каждым днем слабеют шансы на возможность установления в этой стране конституционной монархии. Однако от этого нисколько не теряют исторического значения попытки, которые делались во Франции для водворения конституционной монархии»³. С.Ф. Фортунатов убедительно показал, что любые формы монархического

¹ См.: Фортунатов С.Ф. Административный произвол во Франции в эпоху второй империи // Юрид. вестн. 1880. Декабрь. С. 495-516; Его же. Очерк конституционного движения во Франции в эпоху реставрации// Юрид. вестн. 1879. Кн. XI. С. 713-735; Его же. Последние годы второй империи // Юрид. вестн. 1881. Кн. VIII. С. 511-535.

² Фортунатов С.Ф. Февральская революция и июльская монархия // Критическое обозрение. 1880. № 9. С. 448.

³ Фортунатов С.Ф. Очерк конституционного движения во Франции в эпоху реставрации. С. 713.

правления оказались неприемлемы для страны. Большое внимание в статьях уделено формам и методам борьбы с произволом властей, роли отдельных личностей в этом противостоянии. Ученый дает очень яркие и привлекательные образы А. Бодена, Л. Гамбетты и других политиков-республиканцев.

Следует отметить, что статьи С.Ф. Фортунатова в периодических изданиях носят больше научно-популярный характер – они не затрагивали, как правило, собственно научных проблем, и назвать их самостоятельными научными исследованиями в полном смысле этого слова нельзя, так как в них отсутствуют привычные ссылки на источники, а их тематика определялась скорее политической, нежели научной актуальностью. Но эти статьи касались важных аспектов политического развития Англии, Франции и США и несомненно были актуальны для российского общества

Вторую группу публикаций С.Ф. Фортунатова составляют его рецензии в журналах, которые в отличие от рецензий в «Русских ведомостях» были достаточно обстоятельны. Все критические заметки ученого отличались не только отличным знанием современной научной литературы, но и глубокой осведомленностью в научной проблеме. В целях более детального анализа рецензируемого труда С.Ф. Фортунатов нередко проводил сопоставления с другими значимыми исследованиями на эту тему¹. Рецензируя издания, переведенные на русский язык, ученый, как правило, особо отмечал качество перевода². В основном рецензии С.Ф. Фортунатова в журналах касались новейших трудов западноевропейских историков по политической истории США, Англии и Франции: А. Штерна «Мильтон и его время»³, А. Мишель «Идея государства»⁴, Г. Гольста⁵ по истории США, многотомный труд

¹ Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.:] Stern A. Milton und seine Zeit // Критическое обозрение. 1879. № 16. С. 22-23.

² Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.:] Мишель А. Идея государства // Научн. слово. 1903. Кн. IV. С. 153.

³ Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.:] Stern A. Milton und seine Zeit. С. 22-25.

⁴ Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.:] Мишель А. Идея государства. С. 152-153.

⁵ Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.:] Holst. Verfassung und Demokratie der Vereinigten Staaten von America. II. Band // Критическое обозрение. 1879. № 12. С. 1-6; Его же. История американской демократии // Русская мысль. 1906. Кн. VII. С 32-46.

К. Геллебрандта по новейшей истории Франции¹ и др. Эти работы, он считал наиболее серьезными исследованиями в современной науке (особенно труды Г. Гольста), их он рекомендовал своим студентам, неоднократно сам апеллировал к ним в своих статьях и лекционных курсах.

Отдельную группу составляют публикации С.Ф. Фортунатова в «Русских ведомостях», которые представлены статьями и рецензиями. Статьи касались преимущественно событий современной политической жизни США и западноевропейских стран, но, как правило, содержали пространные исторические экскурсы. С.Ф. Фортунатов доносил до читателя суть новых законопроектов и реформ, скрупулезно анализировал перипетии политической борьбы в этих странах, разбирал итоги выборов, проводя при этом сравнительно-исторические параллели с аналогичными процессами и событиями. Так, в статье «Парламент 1892 г.» были рассмотрены результаты выборов 1910 г. в палату общин английского парламента, где правящая партия получила лишь незначительный перевес голосов и проведено сравнение со схожей ситуацией, которая произошла на выборах в парламент 1892 г.² Неоднократно ученый обращался к истории взаимоотношений Англии и Ирландии, например, комментируя законопроект Гладстона о введении самостоятельного ирландского парламента, отвергнутый платой общин, он отмечал: «предложенная Гладстоном мера, есть единственное мирное средство разрешить вековой ирландский вопрос»³.

Освещая особенности политических систем западноевропейских стран и США, С.Ф. Фортунатова обращал внимание прежде всего на существующие гарантии прав и свобод человека, ответственность исполнительной власти, эффективность и устойчивость различных политических институтов. Наиболее часто проблемы парламентаризма и политических свобод затрагивались в статьях, опубликованных в 1905-1907 гг., что было ответом на

¹ Фортунатов С.Ф. Февральская революция и июльская С. 445-448.

² Фортунатов С.Ф. Парламент 1892 г. // Рус. ведомости. 1910. № 17.

³ Фортунатов С.Ф. Англия и Ирландия // Рус. ведомости. 1886. № 160.

запросы российского общества, активно заинтересовавшегося этими вопросами в годы первой русской революции. В качестве примера можно привести ряд статей, посвященных анализу существующих парламентских систем в западноевропейских странах¹. Сопоставляя особенности политического устройства разных стран, ученый анализировал прежде всего такие ключевые моменты, как полномочия главы государства, ответственность правительства, права и роль палат в парламенте. Особо он выделял те примеры, когда парламент не имеет возможности контролировать исполнительную власть, что подрывает саму суть идеи парламентаризма. Так, С.Ф. Фортунатов подчеркивал, что при внешнем сходстве парламентов Англии и Пруссии между ними существует значительная разница: «громадное различие между английским и прусским государственным строем заключается в отсутствии в прусском строе системы парламентаризма. Прусские министры ответственным только перед королем, а не перед парламентом, и назначение и увольнение министров зависит от короля...»².

Достаточно подробно в своих статьях С.Ф. Фортунатов рассматривал вопрос о полномочиях двух палат в парламенте, поскольку эта тема была крайне актуальна для России, где решалась судьба ее первого парламента. С.Ф. Фортунатов признавал, что «значительное большинство общественных деятелей в России стоит за необходимость двух палат» и в целом соглашался с доводами сторонников этой системы, но считал, что для реального воплощения демократических начал в политической жизни страны необходимо соблюдение целого ряда условий³.

К проблеме полномочия палат в парламенте С.Ф. Фортунатов вернулся через несколько лет в связи с проектом реформы палаты лордов, предложен-

¹ См.: Фортунатов С.Ф. Вопрос о двух палатах // Рус. ведомости. 1905. № 136; Его же. Две формы представительного правления // Рус. ведомости. 1905. № 62.

² Фортунатов С.Ф. Две формы представительного правления.

³ Фортунатов С.Ф. Вопрос о двух палатах.

ной кабинетом Аскита¹. В статье разбиралась суть предложенного законопроекта, а также рассматривались примеры разрешения противоречий между двумя палатами в Норвегии, Австралии, Южно-африканской федерации. Подчеркивая значимость реформы, С.Ф. Фортунатов отмечал: «самый факт, что либеральный кабинет выступает с проектом радикальной реформы верхней палаты на демократических началах, служит характерным показателем, как быстро происходит демократизация Англии». Эта мысль о неуклонной демократизации английской политической системы, часто встречающаяся в публикациях ученого, наиболее полно была обоснована в статье, посвященной 60-летию царствования королевы Виктории. С.Ф. Фортунатов представил развернутый обзор основных направлений и успехов как внешней, так внутренней политики в период ее правления, подводя итог, что «если не считать отношений к Ирландии, то вся история шестидесятилетнего царствования королевы Виктории представляет собой картину прогресса политического, экономического, умственного и нравственного»².

Многочисленные рецензии С.Ф. Фортунатова на страницах «Русских ведомостей» можно разделить три группы: рецензии на сочинения западноевропейских и российских ученых по различным проблемам истории стран Европы и США XVIII-XIX вв.; на учебники, учебные пособия и хрестоматии по всеобщей истории (по различным периодам – от древнего мира до современности) и на труды по государственному и конституционному праву. Рецензии ученого, как правило, не сводились лишь к констатации содержания рассматриваемой книги, а были написаны со знанием дела и отличались всесторонним анализом сути поднятой в ней проблемы. Последнее положение необходимо особо подчеркнуть, поскольку читательская аудитория «Русских ведомостей» была достаточно широкая, и в критическом обзоре было важно не только представить анализ новой книги, но и по возможности пояснить

¹ Фортунатов С.Ф. Реформа палаты лордов в Англии и двухпалатная система // Рус. ведомости. 1910. № 80.

² Фортунатов С.Ф. Шестидесятилетие царствования королевы Виктории // Рус. ведомости. 1897. № 158.

предмет ее исследования. Следует отметить, что С.Ф. Фортунатов не писал исключительно критических, «разгромных» рецензий, что, по всей видимости объясняется сознательным выбором именно тех книг, которые вызвали у него интерес.

Нередко освещение публикации нового научного сочинения для С.Ф. Фортунатов становилось поводом для обращения к теме изыскания, которую он считал крайне важной для рассмотрения. И тогда рецензия превращалась практически в статью. Так, например, в рецензии на сочинение А.С. Котляревского «Ламеннэ и новейший католицизм» С.Ф. Фортунатов в основном рассматривал положение католической церкви в современной Франции с соответствующим историческим экскурсом. Он пояснял, что обращение к этому вопросу «в настоящую минуту представляет особенный интерес ввиду обострившихся отношений между республиканским правительством и католической церковью»¹. С.Ф. Фортунатов видел единственный выход из сложившейся ситуации в отделение церкви от государства, приводя в пример Соединенные Штаты: «И хотя вследствие исторических условий это отделение не может быть проведено во Французской республике с той же легкостью как в Американской, тем не менее только эта реформа даст возможность осуществить и полную свободу ассоциаций и свободу обучения»².

Даже в рецензиях на труды признанных авторитетов С.Ф. Фортунатов непременно отмечал не только их достоинства, но и недостатки. Так, ученый в основном достаточно высоко оценивал исследования и учебные пособия Н.И. Кареева, подчеркивая высочайший уровень исследователя (следует отметить, что именно пособия Н.И. Кареева он, как правило, рекомендовал своим студентам при изучении истории европейских стран XIX в.), но в каждой рецензии скрупулезно констатировал, какие важные исследования по тому ли иному вопросу автор не упомянул в своем труде, какие неточности допустил³.

¹ Фортунатов С.Ф. Новая книга по истории католицизма // Рус. ведомости. 1904. № 142.

² Там же.

³ См.: Фортунатов С.Ф. История XIX столетия // Рус. ведомости. 1910. № 85; Его же. Новая книга по истории конца XIX века // Рус. ведомости. 1910. № 64.

В качестве примера рассмотрим рецензию на работу Н.И. Кареева «Общий курс истории XIX века». С.Ф. Фортунатов прежде всего отмечает своеобразие структуры данного сочинения, в основу которого вместо традиционного страноведческого принципа положен проблемный подход, благодаря чему «некоторые общие течения в истории XIX века выступают с большей рельефностью» и работа действительно представляет «всесторонний обзор истории истекшего столетия»¹. Особо ученый выделяет главу, посвященную национальному вопросу и национализму в последней трети XIX в., которая представляет наибольший интерес. Среди положительных сторон рассматриваемого сочинения указано наличие исторических обзоров, не только посвященных западноевропейским государствам, но и Америке, Австралии и Японии, хотя, естественно, очень кратких (так, истории США посвящено всего около 8 страниц). В качестве основного недостатка отмечена краткость в изложении конституционной истории второй половины XIX столетия: о конституции северо-германского союза сказано несколько строк, мало внимания уделено и французской республиканской конституции 1875 г. Также рецензент указывает на ряд неточностей по истории США.

В своих рецензиях С.Ф. Фортунатов старался комплексно оценить сочинение: и его структуру, и полноту, и точность изложенного фактического материала, и знание автором современной научной литературы, и манеру изложения материала. Так, по поводу книги М. Ковалевского «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений» он писал: «И во втором и третьем томе новой книги М.М. Ковалевского есть много положений, которые вызывают критику, но они же отмечены и его обычными достоинствами: обширной эрудицией и свежими, оригинальными мыслями»². Из отечественных авторов кроме Н.И. Кареева он до-

¹ Фортунатов С.Ф. История XIX столетия.

² Фортунатов С.Ф. Новая книга по истории политических учений // Рус. ведомости. 1906. № 275.

статочно высоко оценивал труды П.Н. Ардашева¹, М.М. Ковалевского², П.Г. Виноградова³, Р.Ю. Виппера⁴.

Основная часть рецензий С.Ф. Фортунатова была посвящена новейшим исследованиям по истории Англии, Франции и США, т.е. той области, где он был наиболее компетентен. Среди книг, которые вызывали его интерес, неизменно оказывались и последние сочинения по проблемам конституционного устройства европейских государств. Так, он разбирал работы Ш. Берлио «Учреждение и пересмотр конституций»⁵, В. Беджгота «Государственный строй Англии»⁶, Г. Еллинека «Правительство и парламент в Германии»⁷, книги Вильсона и Лоуэлла⁸ и др. В эти рецензии С.Ф. Фортунатов, как правило, включал и исторические экскурсы, проводит сравнительно-исторические параллели. Так, относительно книги Г. Еллинека он отмечал, что автор не прав, утверждая, что федеративный строй не совместим с системой парламентаризма и что лучшим опровержением этого является пример Австралии⁹.

Таким образом, публицистическая деятельность ученого была весьма плодотворной и содействовала популяризации исторических знаний и либеральных идей. Можно даже сказать, что С.Ф. Фортунатов не нашел своего места в научном мире, но смог реализовать свой потенциал в публицистической деятельности.

¹ Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.:] Ардашев П.Н.. Абсолютная монархия на Западе // Рус. ведомости. 1902. 4 февраля. № 35.

² Фортунатов С.Ф. Новое сочинение о французской революции // Рус. ведомости. 1894. № 360; Его же. Новая книга о французской революции // Рус. ведомости. 1895. № 271; Его же. Новая книга по истории политических учений // Рус. ведомости. 1906. № 275.

³ Фортунатов С.Ф. Новый учебник древней истории // Рус. ведомости. 1893. № 72.

⁴ Фортунатов С.Ф. Новая книга по новой истории // Рус. ведомости. 1906. № 205; Его же. Новая книга по греческой истории // Рус. ведомости. 1905. № 126; Его же. Новая книга по истории общественных учений // Рус. ведомости. 1899. № 354; Его же. Новый учебник по средневековой истории // Рус. ведомости. 1903. № 118.

⁵ Фортунатов С.Ф. Писанные конституции // Рус. ведомости. 1906. № 16.

⁶ Фортунатов С.Ф. Английский парламентаризм // Рус. ведомости. 1905. № 195.

⁷ Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.:] Еллинек Г. Правительство и парламент в Германии // Рус. ведомости. 1910. № 26.

⁸ Фортунатов С.Ф. Две книги по конституционному праву // Рус. ведомости. 1905. № 141.

⁹ Фортунатов С.Ф. [Рец. на кн.:] Еллинек Г. Правительство и парламент в Германии.

3.3. С.Ф. Фортунатов в коммуникативном пространстве московской интеллигенции

В современной историографии значительное внимание уделяется коммуникативному подходу. Данный термин был предложен немецким ученым Ю. Хабермасом, который считал, что общественные коммуникации выступают в роли главного фактора социальной эволюции¹. Действительно, именно через коммуникативную сеть распространяются научные идеи, духовные ценности, новые практики. При этом существуют коммуникативные пространства разной протяженности, в разные эпохи появляются разные коммуникативные практики. В науке исследуются такие явления, как «научное коммуникативное пространство» и более узкое «коммуникативное пространство исторической науки», «межпоколенческие коммуникации», «коммуникативные связи» в разных сообществах различных эпох.

Под коммуникативным пространством московской интеллигенции следует понимать широкую сеть общественных связей, охватывавшую ученых, художников, писателей, учителей, общественных деятелей. При этом отдельно можно выделить коммуникативное пространство Московского университета, конфигурация которого не будет совпадать с аналогичным пространством московской интеллигенции, так как, с одной стороны будет охватывать корреспондентов-миссионеров в разных частях Российской империи, а с другой – не включать определенные слои московской интеллигенции.

Межпоколенческие коммуникации объединяют проблемы взаимоотношений «учитель-ученик» и формирования научных школ. «Благодаря межпоколенческим контактам историки передают опыт традиций сообщества, вместе с тем происходит процесс коллективного формирования новых ценностей и взглядов научного сообщества или отдельной школы», – пишет

¹ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

А.А. Синеко¹. С этой точки зрения необходимо рассмотреть взаимоотношения С.Ф. Фортунатова с его учителем В.И. Герье. С другой стороны связь с будущим поколением осуществлялась С.Ф. Фортунатовым в его преподавательской деятельности.

Говоря о кросскультурной коммуникации, можно выделить воздействие на С.Ф. Фортунатова идеологов британского и американского либерализма, проводником идей которых он являлся на протяжении всей своей научно-педагогической деятельности.

Важным является и изучение внутр поколенных коммуникаций. Н.В. Гришина отмечает схожесть чувств и способа представлений одного поколения при сохранении индивидуальных особенностей: «Поколение в целом разделяет общую судьбу, демонстрирует схожесть мотивов, хотя отдельные его представители «подгруппы», «когорты» могут выбирать различные поведенческие стратегии в одинаковых обстоятельствах, конкурировать между собой»². Обращение к поколенческому подходу все активнее практикуется в современной историографии³.

Исследователи выделяют и такой вид коммуникации, как «университетское пространство», под которым понимается совокупность одновременных материальных и интеллектуальных событий, процессов, составляющих «многомерный универсизм, неотделимый от самого университета»⁴. Рассматривая университет прежде всего как корпорацию, Ю.В. Краснова пишет: «Цель корпоративной коммуникации – поддержание деловой активности

¹ Синеко А.А. Межпоколенческие коммуникации и формирование образа учителя русскими историками конца XIX в. // Мир историка: историогр. сб. / под. ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2009. Вып. 5. С. 140.

² Гришина Н.В. «Научное исследование...составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX-начала XX вв. // Мира историка: историогр. сб. / под. ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2009. Вып. 5. С. 156.

³ См. подробнее: Леонтьева О.Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX – XX вв. в понимании современной историографии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 68–75.

⁴ Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Московский университет в русской истории: новые вопросы к старой теме [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.historia.ru/2003/01/msu.htm>. [Дата обращения: 04.03.2015].

членов корпорации, создание условий для развития, поиска новых стратегических решений, создание устойчивого положительного имиджа организации и завоевание общественного признания, сдерживание текучести квалифицированных кадров и т.д.»¹. Исследователь отмечает, что «университет можно охарактеризовать и как коммуникативное пространство, основной чертой которого является формирование, сохранение и трансляция научного знания»². В качестве коммуникативных практик можно выделить лекции (в том числе публичные, выводившие коммуникации за пределы университета), научные общества при университетах, семинары (в том числе домашние, больше похожие на научные кружки); написание научных книг и издание лекций; научные и популярные публикации в периодической прессе; диссертационные диспуты, деятельность научных школ, в том числе существовавших как «невидимый колледж». На рубеже XIX-XX вв. появилась новая коммуникативная практика: проведение научных съездов и конференций.

Неформальным видом коммуникаций московской профессуры являлись так называемые «журфиксы» – прием гостей в определенное время (ужина, обеда и даже завтрака), где проходило живое общение профессоров, магистрантов и даже студентов. Существовал своеобразный «график» подобных журфиксов и иерархия их популярности. Так, В.И. Герье проводил журфиксы, посетителями которых были самые известные москвичи, по четвергам.

Говоря об особенностях коммуникативного пространства России рубежа XIX-XX вв., Ю.С. Никифоров отмечает такую особенность, как ограниченность круга лиц, «дефицит его общественных работников, когда одни и те же лица были членами многочисленных научных обществ и участниками различных разнообразных мероприятий»³.

¹ Краснова Ю.В. Университет как коммуникативное пространство ... С. 287.

² Там же.

³ Никифоров Ю.С. Указ. соч. С. 33.

Таким образом, для определения места С.Ф. Фортунатова в коммуникативном пространстве московской интеллигенции необходимо исследовать его межпоколенческие коммуникации. Тот факт, что С.Ф. Фортунатов был учеником профессора В.И. Герье, не подлежит сомнению. Но можно ли его отнести к научной школе В.И. Герье? Ответ на этот вопрос позволит определить место С.Ф. Фортунатова не только в межпоколенческой коммуникации, но и среди других учеников В.И. Герье. Т.Н. Иванова считает, что «как любая лидерская, учительская школа, эта школа Герье с точки зрения большой науки, была одноколенной. Ее основной целью являлось воспитание научно-просветительских кадров»¹. Со временем ученики В.И. Герье сами становились большими учеными и основывали собственные школы. Т.Н. Иванова выделяет три основных этапа в развитии школы В.И. Герье, которым соответствует три поколения учеников. При этом к числу учеников она относит только тех, кто защитил диссертации под руководством В.И. Герье. С.Ф. Фортунатов соответственно, не может быть отнесен к школе В.И. Герье, а составляет наряду с другими учеными, испытавшими определенное влияние профессора на формирование своего исторического мировоззрения, так называемую «периферию» школы Герье. Такой подход представляется вполне обоснованным.

Как уже отмечалось, взаимоотношения С.Ф. Фортунатова с В.И. Герье складывались непросто. До 1876-77 г. В.И. Герье не терял надежды на то, что С.Ф. Фортунатов сможет защитить магистерскую диссертацию. Он поддерживал его морально и материально, хлопоча о выделении ему стипендий и заграничной командировки. После 1877 г. эта поддержка прекратилась, как, по всей вероятности, и личные контакты между ними. Отношения между С.Ф. Фортунатовым и В.И. Герье никогда не отличались особой теплотой. Так, Д.А. Цыганков, анализируя характер отношений, складывающихся между профессором и оставленным на кафедре студентом, отмечает: «близких

¹ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье ... С. 222.

личных отношений [...] в итоге могло и не сложиться. Как это произошло с двумя магистрантами Герье – Н.Н. Высотским и С.Ф. Фортунатовым»¹.

После возвращения С.Ф. Фортунатова в Московский университет в качестве приват-доцента в 1885 г. они начинают работать на одной кафедре. В.И. Герье, судя по всему, была небезразлична судьба его ученика, его удручало то, что он так и не получил ученой степени. В 1887 г. М.С. Корелин в письме к Владимиру Ивановичу замечает: «...очень удивило, что Вас до сих пор печалит вонючая фигура С. Фортунатова: ведь Вам известно, конечно, что он искал повсюду того, что не получил от Вас, и с одинаковым успехом»². Однако, взаимоотношения В.И. Герье и С.Ф. Фортунатова в прежнем виде не возобновляются, более того, постепенно они все более ухудшаются. Причин этого несколько. Во-первых, оба они читали курсы по истории XIX в., и хотя их положение на факультете было несопоставимым и занятия С.Ф. Фортунатова не носили обязательного характера, своеобразная конкуренция все равно возникала, как уже было отмечено выше,

Вторая причина – это независимое поведение С.Ф. Фортунатова, нежелание поддержать своего учителя в скандале, разгоревшемся в связи с открытием в 1894 г. по инициативе В.И. Герье исторического общества при Московском университете. Группа во главе с П.Н. Милюковым, считая, что во главе общества должен стоять П.Г. Виноградов, спровоцировала скандал и демонстративно вышла из его состава. С.Ф. Фортунатов встал в этом споре на их сторону. Он сухо известил В.И. Герье о своем выходе из общества: «Покорнейше прошу Вас передать Историческому обществу, что я более не состою его членом. Готовый к услугам С. Фортунатов»³. Охлаждению отношений между В.И. Герье и С.Ф. Фортунатовым способствовало и то, что когда в 1905 г. В.И. Герье был отстранен от руководства Высшими женскими курсами, заменить его в преподавании всеобщей истории согласился Степан Федорович.

¹ Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. С. 75.

² Письма М.С. Корелина // Цыганкова Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. С. 280.

³ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 94. Л. 1.

Что касается вопроса о принадлежности С.Ф. Фортунатова к научной школе В.И. Герье, то здесь все неоднозначно. С.Ф. Фортунатова нельзя считать типичным представителем школы Герье, хотя учителя и ученика сближает общий интерес к истории идей, свойственная обоим взаимосвязь преподавательской и научной деятельности, тщательность в подготовке лекционных материалов, стремление создавать лекции по новым, неизученным темам. В то же время С.Ф. Фортунатов играл важную роль в коммуникационном пространстве школы Герье¹. Отсюда начинаются его дружеские и деловые связи с учеными, историками, преподавателями.

С учениками В.И. Герье Н.И. Кареевым, П.Г. Виноградовым, М.С. Корелиным С.Ф. Фортунатов поддерживал постоянные контакты. В первые годы элемент соперничества между ними был очевиден. Это отразилось и в оценках Н.И. Кареевым С.Ф. Фортунатова, которые имеют несколько уничижительный оттенок. Еще более негативным, судя по письмам, было отношение к С.Ф. Фортунатову со стороны М.С. Корелина, оставленного В.И. Герье «профессорским кандидатом» в 1880 г. Михаил Сергеевич, как и Степан Федорович тоже долго не мог защитить диссертацию. Он фактически заменил С.Ф. Фортунатова в преподавании всеобщей истории на Высших женских курсах (1880-1888). О том, что ученики В.И. Герье, оставленные для подготовки к профессорскому званию, внимательно следили за успехами друг друга, свидетельствует и следующее замечание С.П. Мельгунова: «Виноградов беспокоился, когда узнавал, что Фортунатов, например, отправился к Герье; прибежал к тетке Фортунатова и начинал ее расспрашивать по этому поводу: зачем и почему»².

Однако со временем между С.Ф. Фортунатовым, Н.И. Кареевым и П.Г. Виноградовым установились достаточно хорошие отношения. Степан Федорович написал целый ряд рецензий на труды этих историков, как прави-

¹ См.: Иванова Т.Н., Мягков Г.П. С.Ф. Фортунатов и московское научное сообщество. С. 24-27.

² Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 173.

ло, очень высоко их оценивал. Н.И. Кареев в своих воспоминаниях отмечал, что, бывая в Москве, он никогда не пропускал случая посетить С.Ф. Фортунатова, а приезжая в Петербург «на Рождество или Пасху к своему брату-академику, он постоянно бывал у меня ... приводя всех знакомых моих в восхищение своим оригинальным видом, своим заразительным смехом, потиранием и всплескиванием своих маленьких ручек и бесконечным благодушием»¹. Сохранилась поздравительная телеграмма Н.И. Карееву от 1 мая 1897 г.: «Горсть московских историков спешит выразить Вам чувство глубокого уважения перед вашей деятельностью на пользу науки и просвещения....», подписанная 14 историками, третьим в списке после Петрашевского и Кизеветтера указан Фортунатов².

С П.Г. Виноградовым у С.Ф. Фортунатова дружеских отношений не установилось, видимо, по причине того, что тот очень быстро сделал блестящую научную карьеру и стал одним из признанных авторитетов. Но Степан Федорович всегда выступал в числе его сторонников, несмотря на то, что именно П.Г. Виноградов косвенно был причастен к его уходу из Московского университета в 1876 г. С 1890 г. помимо университетского семинара П.Г. Виноградов стал проводить у себя домашний семинарий – своеобразный исторический кружок. В это же время вечерний семинарий В.И. Герье практически перестал существовать, так как престарелый профессор переживал непростые времена: тяжело болели его жена и сын (который вскоре умер). С.Ф. Фортунатов тоже был приглашен в кружок П.Г. Виноградова, в который входили молодые историки, юристы, экономисты, в основном приват-доценты и выпускники, оставленные при университете: М.М. Богословский, А.И. Гучков, А.А. Кизеветтер, А.А. Кудрявцев, М.К. Любавский, П.Н. Милоков, Ф.А. Смирнов, В.Н. Сторожев и др., всего около двадцати человек. Кружок собирался раз в месяц под председательством П.Г. Виноградова. На собраниях читали и обсуждали рефераты по отечественной и всеобщей исто-

¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 129.

² НИОР РГБ. Ф. 119. К. 45. Ед. хр. 30. Л. 1-3.

рии, истории права и экономики. Л.С. Моисеевкова отмечает: «Здесь встречались, вели научные споры, обсуждали новинки исторической литературы и уже известные ученые и начинающая молодежь. Квартира Виноградова тогда была центром оживленного общения московских историков»¹.

М.М. Богословский, который некоторое время выполнял обязанности секретаря в этом кружке, так описывал в своих воспоминаниях эти заседания кружка: «Собрания происходили у П(авла) Г(авриловича) в его зале за столом, покрытым белой скатертью. После прочтения референтом доклада П(авел) Г(аврилович) объявлял перерыв, во время которого все вставали, составлялись группы разговаривающих, а он очень умело и по светски обходил эти группы, обращался то к тому, то к другому и никого не оставлял без своего внимания»². После такого свободного обсуждения и чая все опять усаживались за стол, и любой желающий мог высказаться по поводу прослушанного реферата. Происходили более или менее оживленные разговоры, а в конце обсуждения П.Г. Виноградов обязательно выступал сам, и как отмечал М.М. Богословский, как правило, интереснее всего было именно это выступление «всегда затрагивающее вопрос по существу и всегда показывающее, какими громадными знаниями он обладал»³. Рефераты, представленные для обсуждения, могли касаться как отдельных исторических сюжетов, так и анализа новых научных трудов. Так, П.Н. Милюков читал реферат о книге А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения», А.А. Кудрявцев – о работе Р. Эйкена «Средневековое мировоззрение», С.Ф. Фортунатов – о томе И. Тэна «*Origines de la France contemporaine*», посвященном Наполеону⁴. В отсутствие П.Г. Виноградова кружком руководил П.Н. Милюков, и собрания проводились у него на квартире. Политические взгляды членов кружка были достаточно близкими. К примеру, М.М. Богословский, описывая то-

¹ Моисеевкова Л.С. Павел Гаврилович Виноградов (1854-1925) // Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 120.

² Богословский М.М. П.Г. Виноградов // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 85.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 85-86.

варищеский ужин, устроенный в связи с отъездом П.Г. Виноградова в заграничную командировку в 1892 г., отмечает: «В разговорах за ужином касались и политических тем, высказывались либеральные мысли, конечно, в духе “Русских ведомостей”»¹.

Таким образом, кружок П.Г. Виноградова воспринимался его участниками как «небольшое частное историческое общество, в настоящем официальном историческом обществе в Москве тогда ощущался недостаток»². В 1893 г. В.И. Герье выступил с инициативой образования нового исторического общества, надеясь, что на его заседаниях объединятся его ученики разных поколений³. Однако перед его официальным открытием 9 марта 1894 г., среди членов-учредителей общества произошел раскол. П.Н. Милюков, настроенный категорически против кандидатуры В.И. Герье на пост председателя, инициировал спор по организационным вопросам⁴. П.Г. Виноградов не пошел на открытый конфликт с учителем. Как замечает Д.А. Цыганков, П.Г. Виноградов в отличие от некоторых учеников В.И. Герье «очень тактично вел себя по отношению к учителю в тех вопросах, когда под угрозой был авторитет Герье как наиболее влиятельного профессора-историка в университете»⁵. В конце концов В.И. Герье стал председателем общества, а П.Г. Виноградов – заместителем. Но фактически П.Г. Виноградов и его сторонники отстранились от активной работы в обществе. Однако и своего кружка он возрождать не стал, хотя многие ученики неоднократно просили его об этом.⁶

Среди других дружеских связей С.Ф. Фортунатова, установившихся еще в период его обучения и стажировки в Московском университете, следует отметить членов так называемого «Шаховского кружка», особенно

¹ Богословский М.М. П.Г. Виноградов. С. 86-87.

² Там же. С. 85.

³ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье ... С. 218.

⁴ См.: Макушин А.В., Трибунский П.А. Дневниковые записи М.С. Корелина о П.Н. Милюкове // Археографический ежегодник, 2005. М., 2007. С. 507.

⁵ Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи ... С. 210.

⁶ Богословский М.М. П.Г. Виноградов. С. 87.

В.О. Ключевского. П.Н. Милюков отмечал, что «Шаховский кружок» был влиятельной силой, что доказывалось, его воздействием «даже на такого недоступного человека, как В.О. Ключевский»¹. В.О. Ключевский и А.А. Шахов были очень близки, находясь вдалеке друг от друга, они активно переписывались². Поэтому неслучайно, что именно В.О. Ключевский после скоропостижной смерти друга в 1877 г. постарался сохранить память о нем. Каждый год в день смерти А.А. Шахова 5 декабря, он устраивал у себя «Шаховский вечер» – собрание друзей, оставшихся от кружка А.А. Шахова. Их количество в силу естественных причин год от года неуклонно уменьшалось, и В.О. Ключевский, чтобы сохранить традицию, стал приглашать на эти собрания своих коллег и учеников: Р.Ю. Виппера, А.А. Кизеветтера, Ю.В. Готье, М.М. Богословского и др. В.О. Ключевский проводил «Шаховские вечера» на протяжении 30 лет, последнее собрание состоялось в 1908 г.³ К этому времени собственно из состава первого «кружка Шахова» кроме него оставались только С.Ф. Фортунатов и Е.В. Барсов. Н.В. Гришина считает, что постепенно «Шаховские вечера» превратились в место неформального общения В.О. Ключевского со своими учениками, «где глава школы в окружении последователей смог ощутить результаты своей многолетней учительской деятельности»⁴.

В.О. Ключевский и С.Ф. Фортунатов поддерживали достаточно тесные взаимоотношения на протяжении всей жизни. Известный профессор был частым посетителем воскресных приемов у С.Ф. Фортунатова. М.М. Богословский так описывал эти посещения: «Появляясь Василий Осипович начинал обыкновенно шутить над склонностью хозяина к Англии, но под шутливой формой предлагал вопросы, которыми и сам, видимо, глубоко интересовался. “Что такое этот ваш Джордж затеял, объясните мне, пожалуйста”, – просил

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 145.

² См.: НИОР РГБ. Ф. 131. К. 34. Ед. хр. 61. 6 л.

³ Богословский М.М. Ключевский-педагог // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 59.

⁴ Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре С. 130.

Василий Осипович. Степан Федорович тотчас как будто оказывался на кафедре. По привычке раскачиваясь и все больше оживляясь, давал подробнейшее и обстоятельнейшее изложение текущих английских событий, и смысл реформ, предложенных Ллойд-Джорджем»¹.

М.М. Богословский в своих воспоминаниях описывает один интересный случай, связанный с В.О. Ключевским и С.Ф. Фортунатовым. Ситуация была связана со студенческим обществом при университете, учрежденным в 1901 г. князем С.Н. Трубецким, «на которое возлагалось так много надежд в смысле возбуждения среди молодежи научных интересов и отвлечения ее от политики»². Василий Осипович держался в стороне от этого начинания, но к обществу относился весьма благосклонно и даже присутствовал на его открытии. Председателем исторической секции был избран уже ушедший из Московского университета и поселившийся за границей П.Г. Виноградов, а товарищами председателя С.Ф. Фортунатов и М.М. Богословский. Почетным председателем секции было предложено избрать В.О. Ключевского, но необходимо было получить его согласие. М.М. Богословский вспоминал, что «по просьбе студентов членов секции мы с Фортунатовым взяли эту миссию на себя. Поручение действительно было весьма дипломатическим. Василий Осипович принял нас очень ласково, но к предложению с которым мы явились, отнёсся с большими колебаниями, всячески старался уклониться, много спорил, отказывался, ссылаясь на множество занятий, и приводя разного рода другие аргументы. [...] Трудно было вести переговоры. Вот, кажется, убедившись уговорами, Василий Осипович совсем уже сдаётся, вздохнешь облегченно, и вдруг опять точно выскользнет из рук, опять настаивает на отказе, и надо вновь убеждать его сначала. В конце концов, победа была за нами, и согласие было дано»³.

¹ Богословский М.М. Ключевский-педагог. С. 60.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 54.

Широкий круг общения складывался у С.Ф. Фортунатова из коллег по работе в разных учебных заведениях и газете «Русские ведомости» – А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков, М.М. Богословский, Ю.В. Готье и др. Все они в своих воспоминаниях и дневниковых записях очень тепло отзывались о Степане Федоровиче.

Среди преподавателей, работавших в одном учебном заведении, как правило, устанавливались товарищеские отношения. Так, в 4-й гимназии коллеги-историки нередко подменяли друг друга на экзаменах¹. А.А. Кизеветтер, вспоминая работу на «коллективных уроках» писал о преподавательском коллективе: «все мы были связаны тесной дружбой», «работавшие там дружной сплоченной семьей»². Благодаря совместной работе и общим политическим взглядам сложился достаточно тесный круг общения: С.Ф. Фортунатов, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, Ю.В. Готье; они очень часто упоминаются вместе и на журфиксах, и на других мероприятиях³.

Судя по всему, достаточно близкие отношения у С.Ф. Фортунатова сложились с его коллегой по 4-й гимназии историком Я.Л. Барсковым. Последний неоднократно упоминал С.Ф. Фортунатова в своих письмах («знаменитый Степан Фортунатов»⁴), а в одном из них к В.П. Преображенскому замечал: «Я много позавидовал тебе, что ты увидишь на днях Милюкова и Фортунатова: ведь скоро будет 4 месяца, как я не видал никого из них, при моих к ним чувствах эта разлука нелегка, говоря по чистой совести»⁵.

Хорошие отношения были у С.Ф. Фортунатова и со многими молодыми коллегами, его бывшими учениками, например, с М.О. Гершензоном. Михаил Осипович в годы обучения в Московском университете посещал лекции Степана Федоровича, сохранились его конспекты лекций за 1891 г. по исто-

¹ НИОР РГБ. Ф. 16. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 5 об.; НИОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Ед. хр. 99. Л. 7.

² Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 189.

³ Там же. С. 95.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 16. К. 1. Ед. хр. 4а. Л. 30.

⁵ Там же. Ед. хр. 4б. Л. 22.

рии Франции XIX в.¹ Свою первую книгу «Афинская полития Аристотеля и жизнеописания Плутарха», опубликованную в Москве в 1895 г., М.О. Гершензон подарил учителю и подписал: «Степану Федоровичу Фортунатову в знак искреннего уважения от автора»².

Среди других коллег С.Ф. Фортунатова невозможно не упомянуть А.Н. Савина, с которым они вместе много лет проработали в Московском университете, печатался А.Н. Савин и в «Русских ведомостях». В 1911 г. он не поддержал протест либеральной профессуры, и остался в стенах университета. Хотя судя по дневниковым записям, А.Н. Савин очень тяжело переживал эту ситуацию. Он считал, что ушедшие в отставку преподаватели совершили большую ошибку – они думали, этим спасают автономию, а «на деле дали в руки правительству средства для разгрома университета»³. В 1916 г. в университете вновь возродилось историческое общество, почетным председателем которого пригласили В.И. Герье. А.Н. Савин предложил в его члены С.Ф. Фортунатова, причем даже предварительно с ним не переговорив. Степан Федорович очень удивился, получив повестку, но решительно отказался от участия в обществе⁴.

Неформальное общение между коллегами происходило, как правило, на всевозможных приемах и журфиксах. На таких приемах мог собираться как достаточно широкий круг лиц, так и небольшие группы единомышленников. С.Ф. Фортунатов был завсегдатаем подобных мероприятий. Что касается «исторических» журфиксов, то А.А. Кизеветтер, описывая 90-е гг. XIX в., отмечал: «Оживленным центром общения московских историков были тогда журфиксы у П.Г. Виноградова. [...] Более тесный кружок собирался у Милюкова, а по воскресным утрам – у С.Ф. Фортунатова»⁵.

¹ НИОР РГБ. Ф. 746. К. 11. Ед.хр. 41. Л. 7-7 об.

² РГАЛИ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ Шарова А.В. Указ. соч. С. 284.

⁴ Богословский М.М. Дневники 1913-1919. С. 73-74.

⁵ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 181.

Степан Федорович принимал обычно небольшой постоянный круг лиц. Кроме его коллег неизменно присутствовали и бывшие ученицы: «Эти собрания по воскресениям за тортом и кофе служат как бы продолжением уроков и лекций Степана Федоровича»¹. В другой дневниковой записи М.М. Богословский отмечал: «Был у Ст. Ф. Фортунатова, в первый раз за текущий сезон. Нашел обычную его компанию»². Эти встречи по воскресеньям С.Ф. Фортунатов проводил, вероятно, в течении достаточно длительного времени, так как имеются упоминания о них и в 1890-х гг., и в 1915 г. Здесь, как правило, активно обсуждались текущие политические события, причем преимущественно связанные с Англией и США, новинки исторической литературы.

С.Ф. Фортунатов активно посещал и более многолюдные журфиксы. Сохранилось несколько воспоминаний о вечерах по средам у четы Шереметьевских. Супруги Анна Николаевна и Всеволод Петрович вместе трудились в 4-й женской гимназии, Анна Николаевна была руководителем и «коллективных уроков» при Обществе воспитательниц и учительниц. В гости приглашались как коллеги-преподаватели, так и бывшие воспитанницы гимназии. Неизменным участником этих вечеров была и сестра хозяйки Мария Николаевна Ермолова. Вечера проходили очень оживленно: Всеволод Петрович «приправлял беседу живыми остротами, Степан Федорович Фортунатов наполнял комнату оглушительными взрывами звонкого смеха, рассказывая разные эпизоды из жизни профессорского мира»³, и «защищался с необыкновенным веселым равнодушием от вечных нападок хозяина»⁴. Постоянным предметом обсуждения была и политическая ситуация в стране: «Первая революция была принята всем этим обществом, конечно, с большим подъемом. Шереметьевские как многие из гостей были членами кадетской партии»⁵.

¹ Богословский М.М. Ключевский-педагог. С. 60.

² Богословский М.М. Дневники. 1913–1919. С. 73-74.

³ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 188-189.

⁴ РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 2519. Л. 2.

⁵ Там же.

Подобные вечера протекали по-разному, чаще всего там вели преимущественно светские разговоры о последних новостях. Примечательна в этом плане запись в дневнике жены А.А. Кизеветтера Екатерины Яковлевны, относящаяся к 1906 г.: «Вечером мы собрали нескольких близких потолковать о современных делах, но вышло как-то нехорошо. У меня было настроение самое серьезное, а у некоторых из собравшихся – обыкновенное, какое бывает на скучных юнги́х-ных собраниях. [...]. Я была этим вечером разочарована. Я думала поговорить с Фортунатовым о парламентской жизни, послушать, что он будет говорить. Ничего не вышло»¹. Или дневниковая запись М.М. Богословского (1916): «Вечер провел у О.И. Летник в обществе С.Ф. Фортунатова, Кизеветтера и нескольких дам из круга С. Ф. [Фортунатова]. Разговор о столкновении Америки с Германией, а затем разговор разменялся на мелочи»². Именно общение на таких журфиксах и приемах приводило к формированию коммуникативных связей, которые пронизывали весь мир московской интеллигенции.

Благодаря своему общительному характеру, благодушию, оригинальной внешности и поведению С.Ф. Фортунатов был весьма популярной и известной фигурой, о нем по Москве ходило немало баек. Как отметил Н.И. Кареев: «О нем... можно было написать целую книжку забавных анекдотов»³. С.Ф. Фортунатов даже стал персонажем художественного произведения – повести Андрея Яхонтова «Предвестие». В этом произведении о студенческих волнениях в Московском университете 1906 г., написанном в середине 80-х гг. XX в., встречается такой эпизод: «...вошел Степан Фёдорович Фортунатов, по расписанию его лекция была следующей. Старика встретили дружным свистом. В изумлении приват-доцент остановился на полдороге к кафедре»⁴. В аудитории началась сумятица, студенты объявили,

¹ Революция 1905-1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Российский архив. 1994. № V. С. 394.

² Там же. С. 88.

³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 129.

⁴ Яхонтов А. Предвестие // Юность. 1985. № 12. С. 68.

что занятия отменяются, заходили все новые люди. «Перепуганный Степан Фёдорович, прижимая коротенькими ручками ворох бумаг к груди, в панике заметался. Его пожалели и выпустили»¹.

Портрет С.Ф. Фортунатова будет неполным без анализа свидетельств современников, в один голос подчеркивавших его индивидуальность, непохожесть, нетипичность. Его чудачества были предметом насмешек и анекдотов, но в то же время практически все эти свидетельства написаны с такой любовью, что лишний раз подтверждает необыкновенное обаяние и коммуникабельность Степана Федоровича.

Достаточно ярко оригинальный облик ученого описал в своих воспоминаниях А.А. Кизеветтер: «...Степан Федорович отличался живой общительностью, подвижностью и шумливостью. Он был маленького роста и походил на гнома с большой головой и длинной бородой. В профиль он был очень похож на Сократа. Под широким и высоким лбом сверкали на его лице маленькие острые глазки, точно два колючих буравчика. Он говорил без умолку, с необычайной живостью, звонко отчеканивая слова, которые неудержимо сыпались одно за другим, и то и дело сопровождая возбужденную речь взрывами громогласного заливчатого смеха»².

По единодушным свидетельствам современников, С.Ф. Фортунатов совершенно не следил за своим внешним видом. Так, будучи еще совсем молодым человеком, он приходил на лекции на Высших женских курсах в сильно поношенном сюртуке без воротничков и манжет. Не решившись высказать замечание прямо, В.И. Герье деликатно сделал ему подарок - запонки для манжет. Но на С.Ф. Фортунатова такой намек не подействовал – запонки он взял и «даже хвастался этим подарком перед курсистками, но манжет по-прежнему не носил»³. С.П. Мельгунов в своих воспоминаниях уверял, что «на классных дам заведений, где он преподавал, ложилась обя-

¹ Яхонтов А. Предвестие. С. 68.

² Кизеветтер А.А. Указ соч. С. 71.

³ Там же. С. 151–152.

занность осматривать С.Ф. (Фортунатова) критическим оком, прежде чем пускать его в класс».¹ П.Н. Милюков также отмечал: «Степан Федорович, старый холостяк, совершенно пренебрегал своей внешностью. Старый, заношенный костюм был невероятно грязен, от бороды пахло на далекое расстояние, и ученицы ходили в грязные дни в переднюю на “поклонение калашам святого Степы”, когда около этого допотопного предмета разливались целые озера грязной воды»².

По характеру это был человек веселый, добродушный, но не очень смелый. Даже его ученицы в воспоминаниях отмечали, что он «побаивался, например, начальства, за что мы к нему, говоря мягко, относились несколько снисходительно»³. Показателен в этом плане один случай, относящийся к 1905-1906 гг., когда в университете были очередные беспорядки. Гимназисткам очень хотелось узнать об этом побольше, поговорить со знающим человеком, который мог бы им многое объяснить. Как вспоминает одна из воспитанниц 4-й гимназии, «когда Фортунатов вышел из класса, несколько учениц кинулись за ним: “Степан Федорович, Степан Федорович, что вы думаете о бунте студентов?” – возбужденным шепотом спросили мы, нагнав его у лестницы. Он вздрогнул, испуганно оглянулся, и замахал, своими ручками, заспешил вниз по ступенькам. Мы почувствовали досаду, огорчение: боится сказать, что думает, а еще читает “Французскую революцию”»⁴.

В быту С.Ф. Фортунатов был достаточно неприхотлив. Долгое время все заботы по ведению хозяйства лежали на его тетке, с которой он, по некоторым данным, прожил около 20 лет в Большом Девятинском переулке (дом Епишевского)⁵. После ее отъезда в Петербург он «устроился жильцом»⁶, периодически меняя квартиры. Так, с 1901 г. он проживал на Новинском

¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 171.

² Милюков П.Н. Указ. соч. С. 63.

³ РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 2519. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1893 г. М., 1893. С. 162; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1900 г. М., 1900. С. 342.

⁶ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 172.

бульваре (дом Котлярева)¹, с 1908 г. – в Большом Патриаршим переулке (дом Кропоткина)², в 1914-15 гг. – на Малой Дмитровке (дом 29)³; в 1916 - 1918 гг. – на улице Сивцев Вражек (дом 20)⁴. Комнаты, которые он занимал, были небольшие, но тем не менее он традиционно устраивал воскресные приемы⁵. Лето С.Ф. Фортунатов проводил, как правило, в деревне⁶, но мог выезжать и за границу⁷.

В повседневной жизни Степан Федорович часто проявлял беспомощность. В его контракте с квартирной хозяйкой был пункт, что она «обязуется зажигать ему керосиновую лампу»⁸, так как на протяжении практически всей жизни он не умел пользоваться спичками. Н.И. Кареев вспоминал, что «уже почти стариком он однажды объявил мне со смехом (он вечно смеялся), что научился зажигать спичку»⁹. Также С.Ф. Фортунатов долго не решался пользоваться телефоном. И только после долгих уговоров в редакции «Русских ведомостей» он согласился попробовать: «после некоторых усилий он правильно приложил трубку к уху и, когда услышал голос приятеля, то его детскому восторгу конца не было. “Да это так просто!” повторял он с удивлением»¹⁰.

Семейная жизнь у Степана Федоровича не сложилась, хотя он и поддерживал дружеские отношения со многими своими бывшими ученицами, в разных воспоминаниях довольно часто упоминаются «дамы из окружения Фортунатова»¹¹. Как писал С.П. Мельгунов, у Фортунатова был «известный круг поклонниц. Ими он всегда был окружен и был благорасположен к тако-

¹ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1901 г. М., 1901. С. 471.

² Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1908 г. М., 1908. С. 423; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1911 г. М., 1911. С. 599; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1913 г. М., 1913. С. 606.

³ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1914 г. М., 1914. С. 698; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1915 г. М., 1915. С. 519.

⁴ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1916 г. М., 1916. С. 528; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 г. М., 1917. С. 514.

⁵ Богословский М.М. Ключевский-педагог. С. 60.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 16. К. 3. Ед. хр. 99. Л. 7.

⁷ Там же. К. 1. Ед. хр. 46. Л. 19.

⁸ РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 2519. Л. 1.

⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 129.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 2519. Л. 1.

¹¹ Богословский М.М. Дневники. 1913–1919. С. 139.

му почти институтскому обожанию»¹. В этих же воспоминаниях мы встречаем и единственное упоминание о его романтических отношениях с курсисткой, которые, впрочем, тоже не завершились браком.² По просьбам своих учениц Степан Федорович посещал ежегодные гимназические балы³. В свободное время любил играть в шахматы, его постоянными партнерами были сотрудники «Русских ведомостей» С.П. Мельгунов и Н.П. Губский⁴.

Настоящей его страстью было чтение, он был знаком со всеми книжными новинками в интересующих его областях. До последних своих дней он ежедневно заходил в редакцию «Русских ведомостей» почитать английские газеты. Для него это был своеобразный дневной клуб⁵.

Необходимо отметить, что большинство современников весьма положительно оценивали С.Ф. Фортунатова. «Милейший», «оригинальнейший» и подобные эпитеты часто встречаются в дневниках и воспоминаниях. Как отмечал, П.Н. Милюков: «Долго спустя нельзя было упомянуть его имени, чтобы лицо собеседницы (или собеседника) не расплылось в самую счастливую улыбку — с примесью некоторого элемента шутки»⁶.

Однако сохранились и достаточно негативные оценки его личности, в них, как правило, основной акцент делается на присущую С.Ф. Фортунатову неряшливость, которую другие современники рассматривали лишь как своеобразное «чужачество». И только в характеристике С.П. Мельгунова мы встречаем целый «букет» отрицательных качеств, приписываемых С.Ф. Фортунатову: «мелко самолюбивый» человек, скупой, злопамятный, эгоистичный, имеющий ограниченный исторический кругозор и т.п.⁷ Но даже он был вынужден признать, что, например, нечистоплотность «сделалась такой спе-

¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 173.

² Там же. С. 170.

³ РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 2519. Л. 1.

⁴ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 172.

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 63.

⁷ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 170-173.

цифической принадлежностью С.Ф., что без нее это был бы не тот Фортунатов, занимательный именно своей своеобразной оригинальностью»¹.

Таким образом, сама личность С.Ф. Фортунатова представляла собой некоторый «казус», отклонение от нормы. Однако, как указывал Ю.Л. Бесмертный подобные отклонения и реакция на них окружающих позволяет точнее выявить саму норму, увидеть многообразие течений, направлявших развитие общества. Казусом были не только внешность, образ жизни С.Ф. Фортунатова, но и отдельные факты его биографии: незащищенные по неясным причинам диссертации, неопределенность факта его научной командировки и т.д.

Современники, характеризуя С.Ф. Фортунатова, как правило, подчеркивали его глубокие знания зарубежной истории и широкий кругозор. Так, Н.Г. Высотский отмечал, что Степан Федорович был «знатоком всеобщей истории»². П.Н. Милюков рассказывал, что Лев Толстой «в известный момент постройки своей теории, которая в числе других отрицаний проявлений культуры отрицала и науку» обратился к некоторым профессорам университета, в том числе к С.Ф. Фортунатову «для проверки исторических фактов о Христе и о Будде, и ко мне – для обсуждения общего смысла истории»³. Таким образом, несмотря на отсутствие у С.Ф. Фортунатова значимых научных трудов, его мнением дорожили.

* * *

Таким образом, общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова была связана с его политическими взглядами. Со студенческих лет у него сложились либеральные убеждения, которые определили в итоге выбор тем его диссертаций, а в последующем спектр его научных интересов и лекционных курсов. С.Ф. Фортунатов выступал сторонником по-

¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 173.

² Высотский Н.Г. Указ. соч. 170.

³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 70.

ступательного реформирования общества по пути демократизации, основную задачу государства он видел в обеспечении условий для реализации прав и свобод личности. Среди наиболее значимых прав человека он выделял свободу слова, печати и религиозную веротерпимость. Важное значение он придавал и наличию механизма защиты прав человека, эффективности его функционирования. Ученый считал, что реализация демократии на практике должна осуществляться не только в соответствующем политическом, но и социальном строе.

Прогресс в развитии общества С.Ф. Фортунатов связывал с совершенствованием демократических институтов, которое может происходить в зависимости от исторических условий как в рамках республиканского устройства, так и в условиях конституционной монархии. Большое внимание он уделял изучению специфики парламентаризма в разных странах. Особенно часто к этим вопросам он обращался в период революции 1905-1907 гг., когда эти проблемы стали актуальны для российского общества.

По своим политическим взглядам и кругу общения С.Ф. Фортунатов был близок к кадетам, но непосредственного участия в работе политических партий не принимал. Однако, он активно пропагандировал идеалы либерализма как с университетской кафедры, так и через средства массовой информации.

Публицистическая деятельность занимала существенную роль в жизни ученого. Именно она принесла ему известность в широких кругах, и позволила в определенной степени реализовать свой интеллектуальный потенциал. Его статьи в «Русской мысли» и «Юридическом вестнике» в основном касались отдельных аспектов внутривнутриполитического развития Франции, Англии и США и носили преимущественно научно-популярный характер. Его рецензии, опубликованные в «Критическом обозрении» и «Научном слове» были посвящены трудам ведущих западноевропейских исследователей по истории XVII-XIX вв.

Ученый более 30 лет был постоянным сотрудником газеты «Русские ведомости», где опубликовал большое количество статей по разным аспектам политического развития европейских стран и США, нередко с пространными историческими экскурсами. Среди многочисленных рецензий ученого на страницах газеты можно выделить несколько групп: отзывы на труды отечественных и европейских историков по новой и новейшей истории стран Европы и США и конституционному праву, а также рецензии на учебные пособия и хрестоматии. Таким образом, публицистическая деятельность ученого сводилась преимущественно к популяризации последних достижений науки и либеральной идеологии.

Анализ коммуникативных связей С.Ф. Фортунатова позволяет определить его место в среде московской интеллигенции. С одной стороны он воспринимался окружающими как интеллектual, эрудит и ведущий эксперт по многим вопросам, с другой стороны его образ жизни представлял тот казус, который закрепил за ним репутацию чудака и заставлял многих современников улыбаться при одном упоминании его имени. С.Ф. Фортунатов выступал определенным связующим звеном между различными группами ученых, преподавателей высшей школы, гимназическими учителями и журналистами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историк, преподаватель, журналист Степан Федорович Фортунатов являлся заметным представителем московского научного сообщества конца XIX – начала XX вв. Однако его имя оказалось незаслуженно забытым в отечественной исторической науке. В ходе исследования были введены в научный оборот неизвестные ранее источники о его жизни и деятельности из пяти архивов (АРАН, НИОР РГБ, РГАЛИ, СПбФ АРАН, ЦГА Москвы), комплексное изучение которых позволило впервые реконструировать основные вехи жизненного пути историка.

Правильно оценить место и роль ученого в истории российской науки и образования невозможно без изучения истории его семьи. Династия Фортунатовых является ярким примером просветительской деятельности и воспитательного потенциала российской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. Отец историка, Ф.Н. Фортунатов (1814-1873), известный просветитель, писатель, ученый-исследователь много сделал для развития образования в Вологодской и Олонецкой губерниях. Свою любовь и преданность педагогической и просветительской деятельности он передал своим детям, каждый из которых внес свой вклад в развитие науки и образования России. Семью Фортунатовых отличали прогрессивные общественно-политические взгляды, беззаветная преданность своему делу. Практически для всех представителей этой династии именно семья была важнейшим фактором формирования мировоззрения и научных интересов.

В жизни С.Ф. Фортунатова выделяются пять периодов. Первый – 1850-1867 гг. – период формирования мировоззрения ученого. В детстве любого человека большую роль играет семья. Однако в данном случае эта роль была особенно значима. Культ образования, традиции просветительства, интерес к гуманитарным наукам (особенно к языкам), царившие в семье, во многом предопределили дальнейший выбор жизненного пути С.Ф. Фортунатова. Уже в эти годы у него возникает интерес к истории. Формирование мировоз-

зрения также проходило под влиянием старших сестер и брата, которые отличались достаточно радикальными политическими взглядами (они были близки к народникам). Влияние семьи на С.Ф. Фортунатова сказалось не только в юношеские годы, но продолжалось всю его жизнь

Второй период – 1867-1876 гг. – годы учебы на историко-филологическом факультете Московского университета, начало педагогической и научной деятельности. В этот период определились его научные интересы, сформировалось мировоззрение, складывается круг общения. Важную роль в эти годы в судьбе С.Ф. Фортунатова играл его наставник В.И. Герье. Фортунатов отлично закончил университет, был оставлен для приготовления к профессорскому званию, получил стипендию Т.Н. Грановского, успешно сдал магистерский экзамен, начал преподавать на Высших женских курсах и в Московском университете. Однако первые шаги в научной деятельности оказались неудачными: не была принята к защите его магистерская диссертация «Представитель индпендентов Генри Вен», не состоялась в полном объеме зарубежная научная стажировка.

Такой поворот судьбы для подающего надежды молодого человека был достаточно неожиданным, но вместе с тем не случайным. Весьма одаренный от природы, С.Ф. Фортунатов с молодых лет отличался несобранностью, нестандартным поведением, не любил писать пространные тексты. К тому же его либеральные взгляды, которые определенно повлияли на выбор темы магистерской диссертации, и ее содержание, могли вызвать опасения у более консервативно настроенной профессуры Московского университета. Таким образом, в силу особенностей своей личности С.Ф. Фортунатов перестает соответствовать определенному сложившемуся стереотипу поведения ученого. Он создает определенный казус, проявляет свою индивидуальность, что стало поворотным моментом в его жизни.

Третий период – 1877-1885 гг. – годы становления преподавателя и публициста С.Ф. Фортунатова в профессиональном плане. Показательно, что после первых неудач на научном поприще он продемонстрировал определен-

ную настойчивость и не ушел из профессии. Он начинает серьезно заниматься историей США, издает книгу «История политических учений в Соединенных Штатах. Ч.1. Федералист и трактаты Кальгуна». Однако попытка представить ее в качестве магистерской диссертации в Киевском университете не увенчалась успехом. После этого Степан Федорович сосредоточился на преподавательской и публицистической деятельности. Он начал преподавать историю в нескольких московских женских гимназиях: 4-й московской женской гимназии Ведомства императрицы Марии и двух частных – С.Ю. Фишер и С.А. Арсеньевой. Благодаря этой работе он получил серьезный педагогический опыт. К этому же времени относятся и первые публикации его статей и рецензий, которые принесли ему определенную известность в научных кругах. В «Критическом обозрении» были напечатаны его рецензии на труды немецких ученых Г. Гольста, А. Штерна, А. Штудница, К. Гиллебрандта по истории США, Англии и Франции. В «Юридическом вестнике» опубликована серия достаточно объемных статей, посвященных политическому развитию Англии и Франции в XVIII-XIX вв. Также С.Ф. Фортунатов стал постоянным сотрудником газеты «Русские ведомости», где регулярно писал рецензии на новые книги по истории США и европейских стран и небольшие статьи по зарубежной истории XIX в.

Четвертый период – 1886-1900 гг. Переход к новому этапу отмечен началом преподавательской деятельности С.Ф. Фортунатова в Московском университете в качестве приват-доцента. Он впервые в Московском университете начал читать лекционный курс по истории США, а также разработал ряд курсов по современной истории: «История Франции в XIX в.», «История Англии в XIX в.», «История Германии в XIX в.». Преподавательская работа в университете не приносила стабильного дохода, но позволила ему реализоваться как специалисту в области истории Англии и США. Его лекции пользовались большой популярностью. В это время он также продолжал работу в «Русских ведомостях».

Пятый период – 1901-1918 гг. – годы наиболее активной педагогической и публицистической деятельности. На некоторое время он становится ведущим специалистом по новейшей истории в Московском университете, затем – по конституционному праву зарубежных стран. Также он начал преподавать на Высших женских курсах, а после ухода из Московского университета в 1911 г. – в Университете имени А.Л. Шанявского. В этих учебных заведениях он являлся ведущим преподавателем по новой истории, занимал профессорскую должность.

Активизация публицистической деятельности ученого была связана прежде всего с событиями революции 1905 г., когда в российском обществе стали активно обсуждаться проблемы конституционного устройства, прав и свобод личности, парламентской деятельности. С.Ф. Фортунатов издает несколько небольших работ, посвященных этим проблемам: «Основные начала английской конституции», «Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединенных штатах», «Вопрос о двух палатах». Также он часто выступает на страницах «Русских ведомостей» с разъяснениями различных вопросов конституционного устройства и функционирования различных парламентских систем на примере зарубежного опыта. Степан Федорович начинает сотрудничать с журналами «Русская мысль» и «Научное слово», где публикуются его статьи и рецензии. В эти годы ученый получает заслуженную репутацию блестящего преподавателя и знатока в области политической истории Англии и США и конституционного права.

Анализ научно-педагогического наследия С.Ф. Фортунатова доказывает, что он внес определенный вклад в развитие отечественной науки и образования. Центральное место в его жизни занимала преподавательская деятельность, которой он посвятил более сорока лет. Блестящие ораторские данные, эмоциональность, тесная связь с аудиторией делали его лекции незабываемыми. Талантливый педагог, он не оставил учеников, которые бы занимались близкой для него научной проблематикой, но смог привить любовь и интерес к истории тысячам благодарных учеников. В центре внимания

С.Ф. Фортунатова находились прежде всего вопросы конституционно-государственного устройства и развития американской и западноевропейской политической мысли. Его лекции способствовали распространению идей либерализма в широких студенческих массах.

В истории науки С.Ф. Фортунатов остался прежде всего как автор первого в России лекционного курса по истории США и один из основоположников отечественной американистики. Его оценки политической системы США разделялись многими российскими учеными, занимающимися историей этой страны (П.Г. Мижуевым, М.М. Ковалевским и др.). Книга С.Ф. Фортунатова, посвященная деятелю Английской революции Генри Вону, остается единственным исследованием по этой теме в отечественной историографии. Таким образом, его исторические работы по отдельным вопросам не потеряли значимости и в настоящее время. Поэтому анализ трудов С.Ф. Фортунатова и объективная оценка его вклада должны войти в общие обзоры истории исторической науки в России и в учебники историографии.

Многочисленные рецензии С.Ф. Фортунатова знакомили российских читателей с новыми исследованиями зарубежных и российских ученых в области государственного права и новой истории европейских стран и США. Все рецензии ученого были написаны со знанием дела и отличались обстоятельным анализом существа вопроса.

По своим политическим взглядам С.Ф. Фортунатов был последовательным защитником либерализма. Для него идеи прав и свобод человека всегда стояли на первом месте, что определённо выделяло его среди российских историков. Будучи сторонником поступательного реформирования общества на принципах либерализма, он выделял Англию, как страну достойную подражания в плане последовательной демократизации политической система на протяжении XVIII-XIX вв. без революционных потрясений.

С.Ф. Фортунатов никогда не скрывал свои политические воззрения, а наоборот, всячески их подчеркивал. Для деятельности историка была характерна тесная взаимосвязь его политических взглядов и научных интересов.

Выбор проблематики исследований и лекционных курсов был обусловлен именно ими. В диссертационном исследовании был сделан вывод о том, что неудачи с защитой магистерских диссертаций С.Ф. Фортунатова определялись не столько недостатками его научных трудов, сколько отраженными в них либеральными взглядами ученого.

Публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова носила по своей сути просветительский характер, способствуя распространению в широких кругах исторических знаний и либеральных идей конституционализма. Пик публицистической активности ученого приходится на 1905-1907 гг. Используя свои глубокие познания в истории, С.Ф. Фортунатов на основе научного анализа политического строя и конституций европейских стран и США обосновывал необходимость усвоения российским обществом опыта в построении демократии, достигнутого западными странами к началу XX в., и давал советы российским реформаторам.

Источники свидетельствуют, что С.Ф. Фортунатов являлся незаурядной личностью. В своем поведении и манере одеваться он откровенно пренебрегал сложившимися общественными нормами. Однако такое поведение лишь придавало уникальность и даже особую привлекательность его образу. Остроумный вольнодумец, постоянный гость всех журфиксов и в Москве и в Петербурге, популярный лектор, он был неотъемлемой частью коммуникативного пространства московской интеллигенции. В этом контексте С.Ф. Фортунатов выступает как ученый «второго плана», не создавший солидных исследований, но посвятивший себя делу исторического образования и трансляции идей либерализма в российское интеллектуальное пространство и широким массам. В осуществлении этой миссии ученый был весьма последователен, что характеризует его как достойного представителя династии Фортунатовых.

Таким образом, изучение жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова позволяет полнее представить картину развития научной и общественно-политической мысли России рубежа XIX-XX вв. и возвращает в плеяду ее представителей незаслуженно забытое имя. Проведенное исследование поз-

волило уточнить факты биографии ученого, что должно найти отражение в справочных изданиях. Анализ научно-педагогического и публицистического наследия С.Ф. Фортунатова свидетельствует о его весомом вкладе в развитие российской исторической науки и образования, и дает основания для включения специальных статей, посвященных его жизни и деятельности в энциклопедические издания. Должна быть переиздана работа «Представитель индпендентов Генри Вен», которая остается единственным исследованием по данной проблематике в отечественной историографии. Необходимо также подготовить к публикации один из лекционных курсов по истории США, что представляло бы несомненный интерес с точки зрения развития американистики и высшего исторического образования в нашей стране в целом. Учитывая, что сохранились курсы за разные годы, для переиздания следует взять наиболее полный курс за 1916 г.

Исследование жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения истории династии Фортунатовых, которая является ярким примером духовного подвижничества и может использоваться для воспитания патриотизма и гражданственности подрастающего поколения и актуализации семейных ценностей. Изучение феномена династии Фортунатовых, с одной стороны проясняет уникальность появления целой плеяды выдающихся деятелей российской культуры, принадлежащих к одному роду, с другой стороны позволяет выявить типичные черты представителей российской интеллигенции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

Архив Российской Академии Наук (РАН)

1. Ф. 646. Редакция журнала «Голос минувшего». Оп. 1. Д. 121. Статья А.А. Кизеветтера «Фортунов С.Ф.». 3 л.

Научно-исследовательский отдел рукописей

Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)

2. Ф. 16. Барсков Я.Л. К. 1. Ед. хр. 4а. Письма Я.Л. Барскова к В.П. Преображенскому. 42 л.; Ед. хр. 4б. Письма Я.Л. Барскова к В.П. Преображенскому 56 л.
3. Ф. 16. Барсков Я.Л. К. 3. Ед. хр. 99. Письма В.П. Преображенского к Я.Л. Барскову 43 л.
4. Ф. 16. Барсков Я.Л. К. 4. Ед. хр. 36. Письма Ф.А. Смирнова к Я.Л. Барскову 10 л.
5. Ф. 70. Герье В.И. К. 70. Ед. хр. 24. Программа курсов всеобщей истории. 1865-1893. Л. 1-3.
6. Ф. 70. Герье В.И. К. 54. Ед. хр. 93. Письма А.Ф. Фортунатова к В.И. Герье. 5 л.
7. Ф. 70. Герье В.И. К. 56. Ед. хр. 12. Письма А.А. Шахова к В.И. Герье. 2 л.
8. Ф. 70. Герье В.И. К. 54. Ед. хр. 94. Письма С.Ф. Фортунатова к В.И. Герье. 2 л.

9. Ф. 131. Ключевский В.О. К. 34. Ед. хр. 61. Письма А.А. Шахова к В.О. Ключевскому. 6 л.
10. Ф. 119. Кареев Н.И. К. 45. Ед. хр. 30. Телеграмма Н.И. Карееву от 1 мая 1897 г. 3 л.
11. Ф. 377. Фортунатов А.Ф. К. 1. Ед. хр. 10. Материалы Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. 11 л.
12. Ф. 377. Фортунатов А.Ф. К. 1. Ед. хр. 29. Телеграмма Фортунатовой Екатерине. 1 л.
13. Ф. 377. Фортунатов А.Ф. К. 2. Ед. хр. 31. Письма В.И. Герье к А.Ф. Фортунатову. 2 л.
14. Ф. 377. Фортунатов А.Ф. К. 3. Ед. хр. 66. Письмо Н. Лучицкого к А.Ф. Фортунатову. 1 л.
15. Ф. 377. Фортунатов А.Ф. К. 2. Ед. хр. 10. Письмо П.Г. Виноградова к А.Ф. Фортунатову. 2 л.
16. Ф. 377. Фортунатов А.Ф. К. 3. Ед. хр. 77. Письма П.Н. Милюкова к А.Ф. Фортунатову. 2 л.
17. Ф. 377. Фортунатов А.Ф. К. 5. Ед. хр. 47. Телеграмма Фортунатова А.Ф. Фортунатову 1 л.
18. Ф. 554. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. К. 2. Ед. хр. 59. Расписание лекций на 1911-1918 гг. 13 л.
19. Ф. 554. Московский городской Народный университет имени А.Л. Шанявского. К. 3. Ед. хр. 2. Список преподавателей, предложенных к приглашению на академический отдел на 3 года. 3 л.
20. Ф. 743. Коллекция архивных материалов и списков XVIII-XX вв. К. 31. Ед. хр. 2. Портретная галерея Москвы 1861-1910. 22 л.
21. Ф. 746. Гершензон М.О. К. 11. Ед. хр. 41. Конспекты лекций и статей В.О. Ключевского, С.Ф. Фортунатова, В.И. Герье, Л.М. Лопатина, Р.Ю. Виппера и др. 103 л.

22. Ф. 130. Гершензон М.О. Оп. 1. Д. 1. Гершензон М.О. Дарственная надпись Фортунатову на титульном листе книги Гершензона «Афинская политика Аристотеля и жизнеописание Плутарха». 1 л.
23. Ф. 191. Ефремов П.А. Оп. Д. 1856. Н.И. Стороженко. Некролог А.А. Шахова. 2 л.
24. Ф. 878. Южин А.И. Оп. 1. Д. 2519. Воспоминания В. Муромцевой «Москвичи». 2 л.
25. Ф. 904. Цветков А.А. Оп. 1. Д. 5. Список студентов Математического отдела физико-математического факультета Московского университета 1872 г. 1 л.
26. Ф. 1364. Шервинский С.В. Оп. 4. Д. 612. Учебные планы и программы историко-филологического факультета Московского университета. 1907-1914 гг. 47 л.
27. Ф. 2567. Оксман Ю.Г. Оп. 1. Д. 1368. Щепкина Е.Н. На курсах Герье (1872–1875). Л. 1-10.
28. Ф. 3204. Фортунатов И.К. Оп. 1. Д. 2. Фортунатов Г.А., Фортунатов И.К. Алексей Федорович Фортунатов (1856-1925). 33 л.
29. Ф. 3204. Фортунатов И.К. Оп. 1. Д. 79. Ушаков А.И., Фортунатова Н.И. Генеалогические древа рода Фортунатовых и рода Кузьминых. 12 л.
30. Ф. 3204. Фортунатов И.К. Оп. 1. Д. 188. Фотографии Фортунатова Федора Николаевича в группах с А.К. Фортунатовой, Е.Ф. Фортунатовой, Ф.Ф. Фортунатовым и др. 2 л.
31. Ф. 3204. Фортунатов И.К. Оп. 1. Д. 189. Фотографии Фортунатова Филиппа Федоровича в группах с А.М. и М.М. Покровскими, Е.И. Фортунатовой, С.Ф. Фортунатовым и др. 13 л.
32. Ф. 3204. Фортунатов И.К. Оп. 1. Д. 246. Коган Э.С. К истории первой революционной ситуации в России. 34 л.

*Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
(СПбФ АРАН)*

33. Ф. 134. Шахматов А.А. Оп. 1. Д. 395. Распределение лекций в историко-филологическом факультете Императорского Московского университета. 10 л.

Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы)

34. Ф. 363. Московские Высшие женские курсы. Оп. 1. Д. 54. Отзывы преподавателей историко-философского факультета на кандидатские сочинения слушательниц курсов. 138 л.

35. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 42. Д. 221. О допущении к испытанию на степень магистра всеобщей истории кандидата Степана Фортунатова. 2 л.

36. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 43. Д. 248. О предоставлении Советом Университета стипендии имени покойного профессора Т.И. Грановского магистранту Степану Фортунатову. 2 л.

37. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 44. Д. 72. О командировании кандидатов и лекарей за границу. 113 л.

38. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 44. Д. 299. Об удостоении кандидата Фортунатова степени магистра сравнительного языковедения и об исходатайствовании особой суммы на его содержание. 2 л.

39. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 54. Д. 433. О допущении кандидата Университета Степана Фортунатова к чтению лекций по кафедре всеобщей истории в качестве приват-доцента. 2 л.

40. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 82. Д. 554. О вознаграждении приват-доцента Фортунатова за преподавание истории западной Европы в XIX в. 2 л.

41. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 83. Д. 429. О вознаграждении профессоров Брандта, Соколова, Мануилова и приват-доцента Фортунатова за преподавание курсов по поручению историко-филологического факультета. 3 л.

42. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 476. Д. 1. Протоколы заседаний Историко-филологического факультета Московского университета за 1874 г. с 3 июня по 16 декабря 25 л.

43. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 476. Д. 2. Протоколы заседаний Историко-филологического факультета Московского университета за 1875 г. с 13 января по 18 августа. 26 л.

44. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 476. Д. 3. Протоколы заседаний Историко-филологического факультета Московского университета за 1875 г. 15 сентября – 15 декабря. 16 л.

45. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 476. Д. 4. Протоколы заседаний Историко-филологического факультета Московского университета за 1876 г. 21 л.

46. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 476. Д. 5. Протоколы заседаний Историко-филологического факультета Московского университета за 1877 г. 38 л.

47. Императорский Московский университет. Оп. 476. Д. 12. Протоколы заседаний Историко-филологического факультета Московского университета за 1885 г. 44 л.

48. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 476. Д. 208. О принятии в число приват-доцентов Московского университета Фортунатова Степана. 2 л.

49. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 477. Д. 50. Списки студентов историко-филологического факультета за 1869/70 гг. 71 л.

50. Ф. 418. Императорский Московский университет. Оп. 44. Д. 299. Об удостоении кандидата Фортунатова степени магистра сравнительного языкознания и об избрании его в доценты и об исходатайствовании особой

суммы на его содержание. 18 октября 1875 г. Формулярный список о службе статского советника Федора Николаевича Фортунатова. Л. 23-34.

51. Ф. 459. Канцелярия попечителя московского учебного округа. Оп. 2. Д. 4077. Дело об определении, перемещении и увольнении должностных лиц Московского университета с приложением формулярных списков Фортунатова, Н.Е. Жуковского и В. Уляницкого. 254 л.

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Нормативные правовые акты

52. Общий устав и временный штат императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. – СПб.: Тип. А. Якобсона, 1884. – 59 с.

53. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1871. Т. 4. – 1037 с.

54. Сравнительная таблица уставов университетов. 1884, 1863, 1835 гг. – СПб.: Типо-лит. С.-Петербур. тюрьмы, 1901. – 139 с.

55. Университетский устав 1863 года. – СПб.: Тип. Огризко, 1863. – 128 с.

1.2.2. Делопроизводственные документы

56. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Истор. очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914. – 268 с.

57. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Научная и экономическая организация университета. Учебные планы, обзоры лекций и практических занятий на 1914-15 академический год. – М.: Тип. «Моск. Печат. Пр-во» Вл. Венгерова, 1914. – 136 с.

58. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. 1911-1912 акад. год. Год 4-й. – М.: Городская типография, 1911. – 36 с.
59. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. 1913-1914 акад. год. Год 6-й. – М.: Городская типография, 1913. – 36 с.
60. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. 1914-1915 акад. год. Год 7-й. – М.: Городская типография, 1914. – 46 с.
61. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. 1917-1918 акад. год. Год 10-й. – М.: Городская типография, 1917. – 29 с.
62. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. 1918-1919 акад. год. Год 11-й. – М.: Т-во Типолитография И.М. Машистова, 1918. – 11 с.
63. Обзорение преподавания в историко-филологическом факультете Императорского Московского университета в весеннем полугодии 1888 г. – М.: Унив. тип., 1888. – 4 с.
64. Обзорение преподавания в историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на весеннее полугодие 1889 г. – М.: Универ. тип., 1889. – 10 с.
65. Обзорение преподавания в историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на осеннее полугодие 1888 г. – М.: Унив. тип., 1888. – 10 с.
66. Обзорение преподавания в историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на осеннее полугодие 1889 г. – М.: Унив. тип., 1889. – 11 с.
67. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1890-91 год. – М.: Унив. тип., 1890. – 14 с.
68. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1891-92 год. – М.: Унив. тип., 1891. – 15 с.

69. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на acad.1892-93 год. – М.: Унив. тип., 1892. – 18 с.

70. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на acad.1893-94 год. – М.: Унив. тип., 1893. – 16 с.

71. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на acad. 1894-95 год. – М.: Унив. тип., 1894. – 16 с.

72. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на acad. 1895-96 год. – М.: Унив. тип., 1895. – 18 с.

73. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на acad.1896-97 год. – М.: Унив. тип., 1896. – 15 с.

74. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на acad. 1897-98 год. – М.: Унив. тип., 1897. – 17 с.

75. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на acad.1898-99 год. – М.: Унив. тип., 1898. – 18 с.

76. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на acad. 1899-1900 год. – М.: Унив. тип., 1899. – 19 с.

77. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на acad.1900-1901 год. – М.: Унив. тип., 1900. – 23 с.

78. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на acad.1901-1902 год. – М.: Унив. тип., 1901. – 17 с.

79. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1902-1903 год. – М.: Унив. тип., 1902. – 17 с.

80. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1903-1904 год. – М.: Унив. тип., 1903. – 22 с.

81. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1904-1905 год. – М.: Унив. тип., 1904. – 23 с.

82. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1905-1906 год. – М.: Унив. тип., 1905. – 22 с.

83. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1906-1907 год. М.: Унив. тип., 1906. – 26 с.

84. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1907-1908 год. – М.: Унив. тип., 1907. – 26 с.

85. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1908-1909 год. – М.: Унив. тип., 1908. – 22 с.

86. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1908-1909 год. – М.: Унив. тип., 1909. – 32 с.

87. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1910-11 год. – М.: Унив. тип., 1910. – 34 с.

88. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1911-12 год. – М.: Унив. тип., 1911. – 24 с.

89. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1912-13 год. – М.: Унив. тип., 1912. – 21с.

90. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на акад. 1913-14 год. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. – 23 с.

91. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета на академический 1914-15 год. – М.: Тип. М.А. Таргигина, 1914. – 22 с.

92. Обзорение преподавания на историко-философском факультете Московских Высших женских курсов в 1913-1914 учеб. году. – М., [1913]. – 16 с.

93. Обзорение преподавания на историко-философском факультете Московских Высших женских курсов в 1914-1915 учеб. году. – М., [1914]. – 21 с.

94. Обзорение преподавания на историко-философском факультете Московских Высших женских курсов в 1915-1916 учеб. году – М., [1915]. – 21 с.

95. Общество содействия изданию научных трудов слушателей Московского городского университета имени А.Л. Шанявского. Научн. бюл.– М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1915. – Вып. 1. – 234 с.

96. Отчет Высших женских курсов в Москве за 1903-1904 учеб. год. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1903. – 117 с.

97. Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1908-1909 акад. год. I-й год. – М.: Гор. тип., 1909. – 11 с.

98. Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1909-1910 акад. год. II-й год. – М.: Гор. тип., 1910. – 29 с.

99. Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1910–1911 акад. учеб. год. III-й год. – М., 1911. – 49 с.

100. Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1911-1912 акад. год. IV-й год. – М.: Гор. тип., 1912. – 101 с.

101. Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1912-1913 акад. год. V-й год. – М.: Гор. тип., 1913. – 132 с.

102. Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1913-1914 акад. год. VI-й год. – М.: Тип. «Русских ведомостей», 1914. – 131 с.

103. Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1914-1915 акад. год. VII-й год. – М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев, 1915. – 148 с.

104. Отчет Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского за 1915-1916 акад. год. VIII-й год. – М.: Гор. тип., 1916. – 213 с.

105. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1871-72 акад. и 1872 гражд. году. – М.: Унив. тип., 1872. – 116 с.

106. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1872-73 акад. и 1873 гражд. году. – М.: Унив. тип., 1873. – 127 с.

107. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1873-74 акад. и 1874 гражд. году. – М.: Унив. тип., 1874. – 123 с.

108. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1874-75 акад. и 1875 гражд. году. – М.: Унив. тип., 1875. – 117 с.

109. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1875-76 акад. и 1876 гражд. году. – М.: Унив. тип., 1876. – 118 с.

110. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1876-77 акад. и 1877 гражд. году. – М.: Унив. тип., 1877. – 120 с.

111. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1878-79 акад. и 1878 гражд. году. – М.: Унив. тип., 1878. – 147 с.

112. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1879 год. – М.: Унив. тип., 1880. – 147 с.

113. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1884 год. – М.: Унив. тип., 1885. – 170 с.

114. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1885 год. – М.: Унив. тип., 1887. – 165 с.

115. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1886 год. – М.: Унив. тип., 1888. – 167 с.

116. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1887 год. – М.: Унив. тип., 1889. – 197 с.

117. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1888 год. – М.: Унив. тип., 1890. – 156 с.

118. Сведения о женской классической гимназии С.Н. Фишер с 1-го сентября 1872 г. по 1-е сентября 1882 г. – М.: Тип. Э. Лисснер, 1882. – 88 с.

1.2.3. Работы С.Ф. Фортунатова

119. Фортунатов, С.Ф. Автономия и федерализм / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1907. – № 118.

120. Фортунатов, С.Ф. Административный произвол во Франции в эпоху второй империи / С.Ф. Фортунатов // Юрид. вестн. – 1880. – Декабрь. – С. 495-516.

121. Фортунатов, С.Ф. Американская демократия / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1889. – № 299.

122. Фортунатов, С.Ф. Английский парламентаризм / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 195.

123. Фортунатов, С.Ф. Англия и Ирландия / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1886. – № 160.

124. Фортунатов, С.Ф. Бюджетное право английского парламента / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1906. – № 297.

125. Фортунатов, С.Ф. Виктор Гюго как политический деятель / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1885. – № 136.

126. Фортунатов, С.Ф. Вопрос о двух палатах / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 136.

127. Фортунатов, С.Ф. Вопрос о двух палатах / С.Ф. Фортунатов // Максимов А.Н., Фортунатов С.Ф. Одна или две палаты? – М.: Тип. Е.В. Кожевникова и Е.А. Коломийцева, 1906. – С. 14-20.

128. Фортунатов, С.Ф. Вторая республика и вторая империя / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1907. – № 215 .
129. Фортунатов, С.Ф. Выборный абсентеизм / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 226.
130. Фортунатов, С.Ф. Гладстоновские билли о гомруле / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1912. – № 32.
131. Фортунатов, С.Ф. Две книги по конституционному праву / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 141.
132. Фортунатов, С.Ф. Две формы представительного правления / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 62.
133. Фортунатов, С.Ф. Закон и общественное мнение в Англии / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1906. – № 69.
134. Фортунатов, С.Ф. История американской демократии / С.Ф. Фортунатов // Рус. мысль. – 1892. – Кн. VIII. – С. 32-46.
135. Фортунатов, С.Ф. История XIX столетия / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1910. – № 85 .
136. Фортунатов, С.Ф. История Англии и Германии 19-го века. Лекции, чит. на Моск. Высш. жен. курсах в 1914-1915 году: в 2 ч. / С.Ф. Фортунатов – М.: Изд. о-ва при ист.-филос. фак. Моск. Высш. жен. курсов, 1915. – Ч. 1. 240 с.; Ч.2. 188 с.
137. Фортунатов, С.Ф. История Англии и Германии 19-го века. Лекции, чит. на Моск. Высш. жен. курсах в 1909/10 гг.: в 2 ч. / С.Ф. Фортунатов. – М.: Изд. о-ва при ист.-филос. фак. Моск. Высш. жен. курсов. М.: Тип.-лит. С.М. Мухарского, б.г. –Ч. 1. 199 с.; Ч. 2. 127 с.
138. Фортунатов, С.Ф. История Англии XIX века: Записки, слуш. по лекциям, чит. в 1911/12 уч. г. / С.Ф. Фортунатов. – М., [1912]. – 123 с.
139. Фортунатов, С.Ф. История политических учений в Соединенных Штатах. Ч.1: Федералист и трактаты Кальгуна / С.Ф. Фортунатов. – М.: Тип.-лит. Н.В. Любенкова, 1879. – 151 с.

140. Фортунатов, С.Ф. История Соединенных Штатов / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1897. – № 98.

141. Фортунатов, С.Ф. История Соединенных Штатов. Курс, чит. в 1915-1916 гг. По запискам слушательниц: в 2 ч. / С.Ф. Фортунатов. – М.: Изд. о-ва при ист.-филос. фак. Моск. Высш. жен. курсов, [1916]. – Ч. I. 290 с.; Ч. II. 230 с.

142. Фортунатов, С.Ф. История Соединенных Штатов XIX века. Записки, сост. слушательницами Высш. жен. курсов за 1908 год по лекциям С.Ф. Фортунатова / С.Ф. Фортунатов. – М: Лит. Титяева [1908]. – 112 с.

143. Фортунатов, С.Ф. История Соединенных штатов Северной Америки: лекции, чит. на В.Ж.К. в 1909–10 уч. г.: зап. слушательниц В.Ж.К / С.Ф. Фортунатов. – М., [1910]. – 285 с.

144. Фортунатов, С.Ф. История третьего сословия / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1899. – № 287.

145. Фортунатов, С.Ф. История Франции XIX в. Лекции, сост. по зап. слуш. М.В.Ж.К: в 2 ч. / С.Ф. Фортунатов. – М., 1916-1917. – Ч. I. 146 с.; Ч. II. 140 с.

146. Фортунатов, С.Ф. История Франции со времени Великой революции. Лекции, чит. на В.Ж.К., 1913–1914 / С.Ф. Фортунатов – М, 1914. – 239 с.

147. Фортунатов, С.Ф. История французской революции. Зап. слуш. по лекциям С.Ф. Фортунатова, чит. на В.Ж.К. в 1910-11 гг.: в 2 ч. / С.Ф. Фортунатов. – М.: Типо-лит. М.Х. Кавыкина [1911]. – Ч. 1. 140 с.; Ч. 2. 206 с.

148. Фортунатов, С.Ф. К истории XIX в. / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1899. – № 9.

149. Мемуары г-жи де Ремюза (1802-1808 г.), изданные с предисловием и заметками ее внуком П. Ремюза / пер. с фр., ред. и вступ. статья С.Ф. Фортунатова. – М.: К.Ф. Некрасов, 1912. – 274 с.

150. Фортунатов, С.Ф. Новая биография Гладстона / С.Ф. Фортунатов // Рус. мысль. – 1904. – Кн. VI. – С 32-50.

151. Фортунатов, С.Ф. Новая книга об Америке / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1889. – № 68.
152. Фортунатов, С.Ф. Новая книга об Америке / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1906. – № 251.
153. Фортунатов, С.Ф. Новая книга о XVIII веке / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1893. – № 188.
154. Фортунатов, С.Ф. Новая книга о литературе XIX века / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1893. – № 337.
155. Фортунатов, С.Ф. Новая книга о падении Венеции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1897. – № 23.
156. Фортунатов, С.Ф. Новая книга о французской революции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1895. – № 271.
157. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по государственному праву / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1896. – № 110.
158. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по греческой истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 126.
159. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по истории католицизма / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1904. – № 142.
160. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по истории XIX в. / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1909. – № 105.
161. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по истории конца XIX века / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1910. – № 64.
162. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по истории общественных учений / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1899. – № 354.
163. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по истории политических учений / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1906. – № 275.
164. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по истории политических учений / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 323.
165. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по истории Соединенных Штатов / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1911. – № 298.

166. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по конституционному праву / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 203.
167. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по конституционному праву / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1906. – № 308.
168. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по новой истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1906. – № 205.
169. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по французской революции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1896. – № 339.
170. Фортунатов, С.Ф. Новая книга по французской революции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1900. – № 349.
171. Фортунатов, С.Ф. Новая хрестоматия по средневековой истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1896. – № 266.
172. Фортунатов, С.Ф. Новое сочинение о французской революции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1894. – № 360.
173. Фортунатов, С.Ф. Новые книги о конституции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 117.
174. Фортунатов, С.Ф. Новый перевод Токвиля / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1896. – № 84.
175. Фортунатов, С.Ф. Новый труд по истории французской революции Олара / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1900. – № 207.
176. Фортунатов, С.Ф. Новый учебник древней истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1893. – № 72.
177. Фортунатов, С.Ф. Новый учебник истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1895. – № 241.
178. Фортунатов, С.Ф. Новый учебник по средневековой истории» / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1903. – № 118.
179. Фортунатов, С.Ф. Ограничение несменяемости судей во Франции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1907. – № 269.
180. Фортунатов, С.Ф. Организация президентских выборов в Соединенных Штатах / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1900. – № 307.

181. Фортунатов, С.Ф. Основные начала английской конституции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 81.
182. Фортунатов, С.Ф. Основные начала английской конституции / С.Ф. Фортунатов. – М.: Тип. И. Лисенера и Д. Собко, 1905. – 59 с.
183. Фортунатов, С.Ф. Ответственность министров / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1906. – № 125.
184. Фортунатов, С.Ф. Ответственность министров во Франции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1896. – № 124.
185. Фортунатов, С.Ф. Охрана основных прав человека в Соединенных Штатах / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 235.
186. Фортунатов, С.Ф. Очерк конституционного движения во Франции в эпоху реставрации / С.Ф. Фортунатов // Юрид. вестн. – 1879. – Кн. XI. – С. 713-735.
187. Фортунатов, С.Ф. Парламент 1892 г. / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1910. – № 17.
188. Фортунатов, С.Ф. Парламентская монархия / С.Ф. Фортунатов // Рус. мысль. – 1907. – Кн. V. – С. 80-91.
189. Фортунатов, С.Ф. Пересмотр конституций / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1907. – № 253.
190. Фортунатов, С.Ф. Писанные конституции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1906. – № 16.
191. Фортунатов, С.Ф. Положение рабочих в Соединенных Штатах / С.Ф. Фортунатов // Крит. обозрение. – 1879. – № 7. – С. 5-7.
192. Фортунатов, С.Ф. Последние годы второй империи / С.Ф. Фортунатов // Юрид. вестн. – 1881. – Кн. VIII. – С. 511-535.
193. Фортунатов, С.Ф. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединенных штатах / С.Ф. Фортунатов. – М.: Тип. Е.В. Кожевникова и Е.А. Коломийцева, 1906. – 19 с.
194. Фортунатов, С.Ф. Право парламентских комиссий в Англии / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1907. – № 75.

195. Фортунатов, С.Ф. Представитель индпендентов Генри Вен / С.Ф. Фортунатов – М.: Тип. Т. Рис, 1875. – 180 с.
196. Фортунатов, С.Ф. Президентские выборы в Соединенных Штатах / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1892. – № 142.
197. Фортунатов, С.Ф. Президентские выборы в Соединенных Штатах / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1912. – № 106.
198. Фортунатов, С.Ф. Президентские выборы и борьба партий в Соединенных Штатах / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1896. – № 270.
199. Фортунатов, С.Ф. Преподавание древней истории в средних учебных заведениях / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1898. – № 52.
200. Фортунатов, С.Ф. Программа «История Англии и Германии в XIX в.» / С.Ф. Фортунатов // Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Научная и экономическая организация университета. Учебные планы, обзоры лекций и практических занятий на 1914-15 акад. год. – М.: Тип. «Моск. Печатное Пр-во» Вл. Венгерова, 1914. – С. 96-98.
201. Фортунатов, С.Ф. Программа «История Франции XVIII и XIX веков» / С.Ф. Фортунатов // Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Исторический очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914. – С. 168-170.
202. Фортунатов, С.Ф. Проект Д.Н. Шилова и О.П. Герасимова (к мнению меньшинства участников совещания земских деятелей 8 ноября 1904 г.) / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 122.
203. Фортунатов, С.Ф. Распущение палаты общин и выход кабинета в отставку в Англии / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1906. – № 206.
204. Фортунатов, С.Ф. Реакция в Англии в конце XVIII и в начале XIX столетия / С.Ф. Фортунатов // Юрид. вестн. – 1880. – Кн. II. – С. 270-298.
205. Фортунатов, С.Ф. Результаты испано-американской войны для Соединенных Штатов / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1898. – № 198.

206. Фортунатов, С.Ф. Реформа палаты лордов в Англии и двухпалатная система / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1910. – № 80.
207. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] *Holst. Verfassung und Demokratie der Vereinigten Staaten von America. II Band* / С.Ф. Фортунатов // Критич. обозрение. – 1879. – № 12. – С. 1-6.
208. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] *Stern A. Milton und seine Zeit* / С.Ф. Фортунатов // Критич. обозрение. – 1879. – № 16. – С. 22-25.
209. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1902. – № 35.
210. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Вандаль А. Наполеон и Александр I. Ч. I / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1910. – № 118.
211. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Вандаль А. Наполеон и Александр I. Ч. II / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1911. – № 286.
212. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Виппер Р. Краткий учебник истории средних веков / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1911. – № 177.
213. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Еллинек Г. Правительство и парламент в Германии / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1910. – № 26.
214. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Введение в изучение социологии / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1897. – № 395.
215. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Государство-город античного мира / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1903– № 122.
216. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1908– № 99.
217. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1903. – № 260.
218. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 1. / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1893. – № 144.
219. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2 / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1893. – № 6.

220. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 3. / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1913. – № 262.
221. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 4. / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1901. – № 250
222. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Краткая история прошлого столетия / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1911. – № 54.
223. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Курс новой истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1899. – № 205.
224. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Политическая история Франции в XIX в. / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1902. – № 341.
225. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1908– № 72.
226. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1915. – № 85.
227. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Учебная книга по новой истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1900. – № 127.
228. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Учебная книга по новой истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1901. – № 285.
229. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300-1800) / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1893. – № 315.
230. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Книга для чтения по истории нового времени / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1910. – № 32.
231. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Лависс Э. Всеобщая история для детей от 10-ти до 13-14-ти лет / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1901. – № 351.
232. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Лависс Э., Рамбо А. История французской революции / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1902. – № 1.

233. Фортунатов, С.Ф. [Рец. на кн.:] Мишель А. Идея государства / С.Ф. Фортунатов // Научн. слово. – 1903. – Кн. IV. – С. 152-153.
234. Фортунатов, С.Ф. Роль и значение королевской власти в Англии / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 249.
235. Фортунатов, С.Ф. Свобода печати в Англии / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 299.
236. Фортунатов, С.Ф. Свобода собраний в Англии / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – № 268.
237. Фортунатов, С.Ф. Собрание сочинений Грановского / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1899. – № 307.
238. Фортунатов, С.Ф. Февральская революция и июльская монархия // Критич. обозрение. – 1880. – № 9. – С. 445-448.
239. Фортунатов, С.Ф. Французские политические мыслители XIX столетия / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1900. – № 35.
240. Фортунатов, С.Ф. Французские политические теории XVIII в. / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1899. – № 341.
241. Фортунатов, С.Ф. Хрестоматия по новой истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1911. – № 38.
242. Фортунатов, С.Ф. Хрестоматия по новой истории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1912. – № 24.
243. Фортунатов, С.Ф. Шестидесятилетие царствования королевы Виктории / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1897. – № 158.

1.2.4. Произведения современников С.Ф. Фортунатова

244. Адрес С.Ф. Фортунатову // Рус. ведомости. – 1911. – № 38.
245. Ардашев, П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка (1774-1789): в 2 т / П.Н. Ардашев. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1900-1906. – Т. 2. – 734 с.

246. Богословский, М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная / М.М. Богословский. – М.: Наука, 1987. – 216 с.
247. Богословский, М.М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея / М.М. Богословский. – М.: Время, 2011. – 800 с.
248. Болезнь С.Ф. Фортунатова // Рус. ведомости. – 1916. – № 111.
249. Брайс, Д. Американская республика: в 3 ч. / Д. Брайс. – М., 1890. – Ч. 1. 503 с.; Ч. 2. 554 с., Ч. 3. 515 с.
250. В городском университете имени А.И. Шанявского // Рус. ведомости. – 1910. – № 70.
251. Вандаль, А. Наполеон и Александр I / А. Вандаль. – СПб., 1910-1913. – Т. 1. 534 с.; Т. 2. 590 с.; Т. 3. 608 с.
252. Веснин, А.Н. Североамериканские тресты / А.Н. Веснин. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1906. – 152 с.
253. Виноградов, П.Г. Учебник всеобщей истории / П.Г. Виноградов. – М.: Изд. А.А. Карцева, 1914. – 198 с.
254. Виппер, Р.Ю. Учебник новой истории / Р.Ю. Виппер. – М., 1908. – 525 с.
255. Виппер, Р.Ю. Учебник древней истории / Р.Ю. Виппер. – М., 1907. – 212 с.
256. Виппер, Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука / Р.Ю. Виппер // Вестн. воспитания. 1898. № 1. С. 20-67.
257. Высотский, Н.Г. Из далекого прошлого (Воспоминания о студенческих годах в Московском университете) / Н.Г. Высотский // Вестн. воспитания. – 1910. – № 7. – С. 150-170.
258. Герье, В.И. Из прошлого конституционного вопроса о народо-власти и свободе / В.И. Герье // Вестн. Европы. – 1905. – № 5. – С. 371-388.
259. Герье, В.И. История XVIII века: лекции, чит. в 1902-03 гг. / В.И. Герье. – М.: Типо-лит. Ю. Венера, 1902. – 525 с.

260. Герье, В.И. История Франции XVIII века. Последнее десятилетие / В.И. Герье. – М., 1888. – 109 с.
261. Герье, В.И. Современная историография Франции / В.И. Герье // Ист. вестн. – 1880. – Т. 2. Июнь. – С. 522-544.
262. Герье, В.И. Сергей Михайлович Соловьев / В.И. Герье // Ист. вестн.: оттиск. – СПб.: А.С. Суворин, 1880. – 40 с.
263. Гиацинтова, С.В. С памятью наедине / С.В. Гиацинтова. – М.: Искусство, 1985. – 544 с.
264. Готье, Ю.В. Мои заметки / Ю.В. Готье // Вопр. ист. – 1991. – № 12. – С. 137-164.
265. Гулевич, С. Историческая записка о 50-летию Московской 2-й гимназии (1835-1885) / С. Гулевич. – М.: Тип. Е. Лиснер и Ю. Роман, 1885. – 304 с.
266. Дайси, А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / А.В. Дайси. – СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1891. – 395 с.
267. Двадцатипятилетие Московской частной гимназии С.А. Арсеньевой. 1873-1898. – М.: Т-во Скоропечатни А.А. Левинсон, 1899. – 58 с.
268. Еллинек, Г. Правительство и парламент в Германии. История развития их отношений / Г. Еллинек. – М., 1910. – 61 с.
269. Жебелев, С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / С.А. Жебелев // Очерки истории отечественной археологии. – М.: Наука, 2002. – Вып. III. – С. 146-194.
270. Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С.Н. Фишер с 1-го сентября 1872 г. по 1-е сентября 1912 г. По материалам, собранным Г.Б. Фишером / сост. И. Владимирский. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. – 154 с.

271. Кареев, Н.И. О преподавании истории в средней школе / Н.И. Кареев // Рус. школа. – 1899. – № 10. – С. 194-216; № 11. – С. 169-200, № 12. – С. 183-206.
272. Кареев, Н.И. История Западной Европы в Новое время (Развитие культурных и социальных отношений): в 2 т. / Н.И. Кареев. – М., 1893. – Т. 2. – 608 с.
273. Кареев, Н.И. История Западной Европы в Новое время: в 3 т. / Н.И. Кареев. – М., 1904. – Т. 1. 422 с., Т. 2. 698 с., Т.3. 650 с.
274. Кареев, Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века / Н.И. Кареев. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К° и А.И. Мамонтова и К°, 1879. – 491 с.
275. Кареев, Н.И. Новейшее время от 1859 до 1914 гг. Историогр. очерки / Н.И. Кареев. – Пг.: Наука и школа, 1923. – 120 с.
276. Кареев, Н.И. Памяти двух историков / Н.И. Кареев // Анналы. – 1922. – № 1. – С. 156-165.
277. Кареев, Н.И. Памяти ушедших: В.И. Герье / Н.И. Кареев // Голос минувшего. – 1922. – № 2. – С. 220-223.
278. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое / Н.И. Кареев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 384 с.
279. Кареев, Н.И. Учебная книга новой истории / Н.И. Кареев. – М., 1904. – 367 с.
280. Кареев, Н.И. Учебная книга по истории Средних веков / Н.И. Кареев. – М., 1907. – 249 с.
281. Карпович, М.М. Два типа русского либерализма. Маклаков и Милюков / М.М. Карпович // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 387-407.
282. Кизеветтер, А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: 1881–1914 / А.А. Кизеветтер. – М.: Искусство, 1996. – 396 с.

283. Ковалевский, М.М. Происхождение современной демократии: в 2 т. / М.М. Ковалевский. – СПб.: Просвещение, 1912. – Т. 1. – 664 с.
284. Ковалевский, М.М. Учение о личных правах / М.М. Ковалевский // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 168-212.
285. Корелин, М.С. Дневник / М.С. Корелин // Terra Eupora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред Д.А. Цыганкова. – М.: Полит. энцикл., 2014. – С. 273-449.
286. Котляревский, С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора / С.А. Котляревский. – СПб., 1907. – 253 с.
287. Котляревский, С.А. Предпосылки демократии / С.А. Котляревский // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 215-239.
288. Лавров, П. Памяти Ф.Ф. Фортунатова / П. Лавров // Изв. О-ва изуч. Олонецкой губернии. – 1914. – Т. 4. – № 6-7. - С. 74-78.
289. Лучицкий, И.В. Состояние землевладельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789-1793 г. / И.В. Лучицкий. – Киев, 1912. – 157 с.
290. Мельгунов, С.П. Воспоминания и дневники / С.П. Мельгунов. – М.: Индрик, 2003. – 528 с.
291. Мижуев, П.Г. История великой американской демократии / П.Г. Мижуев. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1906. – 280 с.
292. Милюков, П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
293. Некрасова, Е.С. Два слова в память десятилетия Московских женских курсов / Е.С. Некрасова // Владимир Иванович Герье и Московские высшие женские курсы: мемуары и документы. – М., 1997. – С. 126.
294. Никольский, Н.О. О преподавании древней истории / Н.О. Никольский // Вестник воспитания. 1904. № 1. С. 80-92.
295. Олар, Ф. Политическая история Французской революции / Ф. Олар. – М., 1938. – 1036 с.

296. Поржезинский, В. Филипп Федорович Фортунатов / В. Поржезинский. – М., 1914. – 30 с.
297. Поржезинский В. Ф.Ф. Фортунатов: некролог / В. Поржезинский // Журн. Мин-ва нар. просвещения. – 1914. – Ч. 54. Декабрь. – С. 180-192.
298. Профессор С.Ф. Фортунатов. Некролог // Высш. шк. – 1919. – № 1. – С. 62.
299. Революция 1905-1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Рос. архив. – 1994. – № V. – С. 338-435.
300. Родионов, Л. Правовое государство: Крат. очерки по гос. праву / Л. Родионов /просмотр. прив.-доц. Моск. унив. С.Ф. Фортунатовым. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. – 116 с.
301. Рус. ведомости. 1863-1913: сб. ст. – М.: Тип. «Русских ведомостей», 1913. – 580 с.
302. Сабашников, М.В. Воспоминания / М.В. Сабашников. – М.: Книга, 1988. – 512 с.
303. Сабашников, М.В. Записки / М.В. Сабашников. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 588 с.
304. Сабашников, М.В. Письма. Дневники. Архив / М.В. Сабашников. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2011. – 224 с.
305. Савин, А.Н. Лекции по истории Английской революции / А.Н. Савин. – М.: «Крафт+», 2000. – 536 с.
306. Токвиль, А. О демократии в Америке / А. Токвиль. – М., 1897. – 632 с.
307. Фортунатов, А. Записки по части сельского домоводства в Вологодском уезде / А. Фортунатов // Вестн. Европы. – 1826. – Ч. 150. – № 23. – С. 205-237.
308. Фортунатов, А.А. Алкуин и его ученики / А.А. Фортунатов // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. – 1948. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 5-48.

309. Фортунатов, А.А. Алкуин как деятель Каролингского возрождения / А.А. Фортунатов // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. – 1941. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 26-46.
310. Фортунатов, А.Ф. Автобиография / А.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. 1863-1913: сб. ст. – М.: Тип. «Русских ведомостей», 1913. – С. 183-185.
311. Фортунатов, А.Ф. Зачем люди идут в высшую школу / А.Ф. Фортунатов. – М.: Тип. т-ва «И.Н. Кушнерев и К°», 1910. – 20 с.
312. Фортунатов, А.Ф. О студенческом творчестве / А.Ф. Фортунатов. – М.: Тип. т-ва «И.Н. Кушнерев и К°», 1912. – 15 с.
313. Фортунатов, А.Ф. О студенческом интересе / А.Ф. Фортунатов. – М.: Тип. т-ва «И.Н. Кушнерев и К°», 1915. – 15 с.
314. Фортунатов, Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830-1833 гг. / Ф.Н. Фортунатов. – М., 1869. – 36 с.
315. Фортунатов, Ф.Н. Историческая записка о пятидесятилетии Олонецкой гимназии / Ф.Н. Фортунатов. – СПб., 1858. – 24 с.
316. Фортунатов, Ф.Н. Историческая записка об открытии в Петрозаводске женского училища 1 разряда / Ф.Н. Фортунатов. – СПб, 1861. – 32 с.
317. Чичерин, Б.Н. Очерки Англии и Франции / Б.Н. Чичерин. – М.: Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858. – 357 с.
318. Шахов, А.А. Вольтер и его время. Лекции по истории французской литературы XVIII века, чит. в Моск. ун-те / А.А. Шахов. – СПб.: Типография Тренки и Фюсно, 1907. 360 с.
319. Шахов А.А. Гете и его время. Лекции по истории немецкой XVIII в. литературы, чит. на Высш. жен. курсах в Москве / А.А. Шахов. – СПб.: Тип. Тренки и Фюсно, 1891. – 305 с.
320. Шахов А.А. Очерки литературного движения в первую половину XIX века. Лекции по истории французской литературы, чит. на Высш. жен. курсах в Москве. – СПб.: Тип. Тренки и Фюсно, 1907. – 375 с.
321. Шахов, А.А. Французская литература в первые годы XIX века: Ист.-лит. дис. / А.А. Шахов. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1875. – 200 с.

322. Шелгунов, Н.В. К молодому поколению / Н.В. Шелгунов // Народническая экономическая литература. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 95 с.

323. Шелгунов, Н.В. Борьба поколений / Н.В. Шелгунов // Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. – СПб.: Тип. О.Н. Попова, 1895. – С. 631-650.

324. Шуф, А.К. О преподавании истории в гимназии / А.К. Шуф // Приложение к циркуляру по Московскому учебному округу. – 1868. – № 9.

325. Шуф, А.К. Рассказы и биографические очерки из русской истории / А.К. Шуф. – М., 1868. – 267 с.

326. Янжул, И.И. Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки / И.И. Янжул. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. – 471 с.

1.2.5. Справочные издания

327. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1893 г. – М.: Изд. А.С. Суворина, 1893. – 520 с.

328. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1900 г. – М.: Изд. А.С. Суворина, 1900. – 630 с.

329. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1901 г. – М.: Изд. Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1901. – 580 с.

330. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1908 г. – М.: Изд. Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1908. – 650 с.

331. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1911 г. – М.: Изд. А.С. Суворина, 1911. – 670 с.

332. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1913 год. – М.: Гор. тип., 1913. – 720 с.

333. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1914 год. – М.: Гор. тип., 1914. – 710 с.

334. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1915 год. – М.: Гор. тип., 1915. – 690 с.

335. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1916 год. – М.: Гор. тип., 1916. – 686 с.

336. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год. – М.: Гор. тип., 1917. – 694 с.

337. Московская памятная книжка или адрес-календарь жителей Москвы на 1868 год. – М.: В типографии Ив. Смирнова, на Никольской ул., 1868. – 590 с.

338. Московская памятная книжка, или адрес-календарь жителей Москвы на 1869 год. – М.: В типографии Ив. Смирнова, на Никольской ул., 1869. – 630 с.

339. Справочная книжка Московских Высших женских курсов. – М., 1914. – 93 с.

340. Энцикл. словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 82 т. и 4 доп. т. – СПб.: АО «Ф.А. Брокгауз-Ефрон», 1890-1907. – Т. XIII^A. 480 с.; Т. XXVIII. 477 с.; Т. XXXVI. 478 с.; Т. XL. 468 с.

2. Литература

2.1. Монографии и статьи

1. Алеврас, Н.Н. Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX в. / Н.Н. Алеврас // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 218-241.

2. Алеврас, Н. Н. Диссертационная культура второй половины XIX - начала XX в.: речь историка на защите диссертации / Н.Н. Алверас // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманит. науки. – 2012. – № 3 (105). – С. 276-286.

3. Алеврас, Н.Н. Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX – начала XX века / Н.Н. Алеврас // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XX веков. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – С. 129-145.

4. Алеврас, Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века / Н.Н. Алеврас // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. – Челябинск: Каменный пояс, 2006. – С. 117–127.
5. Алеврас, Н.Н. Российская диссертационная культура XIX – начала XX века в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях / Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 221-247.
6. Английская буржуазная революция XVII в.: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2. – 380 с.
7. Андреев, А.И. Студенческая жизнь Императорского Московского университета (1755-1917) / А.И. Андреев, В.А. Змеев, И.В. Ильин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 522 с.
8. Антощенко, А.В. Диссертации П.Г. Виноградова / А.В. Антощенко // Мир историка. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 85-120.
9. Антощенко, А.В. Павел Гаврилович Виноградов: становление преподавателем / А.В. Антощенко // История в меняющемся пространстве российской культуры: сб. ст. – Челябинск, 2006. – С. 24-30.
10. Антощенко, А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов / А.В. Антощенко. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. – 344 с.
11. Ардабацкий, Е.Н. Московский городской народный университет А.Л. Шанявского – краткий миг академической свободы / Е.Н. Ардабацкий // Подготовка управленческих и партийных кадров: традиции и современность (К 90-летию открытия Комвуза в Саратове). – Саратов: Поволж. ин-т управления им. П.А. Столыпина, 2013. – С. 9-12.
12. Архипова, Т.Г. История и историки в Московской городской университете имени А.Л. Шанявского / Т.Г. Архипова // Гуманитарные науки / ред. кол.: А.Н. Тихонов, В.А. Садовничий и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – С. 192–204.

13. Барг, М.А. Великая Английская революция в портретах её деятелей / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1991. – 436 с.
14. Беленький, И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции / И.Л. Беленький // История через личность: Историческая биография сегодня; под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2005. – С. 37-54.
15. Белоновский, В.Н. Пожизненный член попечительского совета первого народного, вольного университета А.Л. Шанявского: биографические вехи, научная и педагогическая деятельность М.М. Ковалевского / В.Н. Белоновский // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. – 2013. – № 3 (104). – С. 187-197.
16. Бессмертный, Ю.Л. Что за «Казус»..? / Ю.Л. Бессмертный // Казус. – 1996. – № 1. – С. 3-18.
17. Бессмертный, Ю.Л. Метод / Ю.Л. Бессмертный // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени; под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М., 2000. – С. 7-46.
18. Боброва, Л.А. Высшие женские курсы профессора Герье в Москве (1872–1888 гг.) / Л.А. Боброва // Тр. Моск. гос. ист.-архив. ин-та. – М.: Тип. Россельхозтехиздата, 1961. – Т. 16. – С. 253–265.
19. Богданова, Е.М. Газета «Русские ведомости»: издатели-редакторы и сотрудники / Е.М. Богданова // Филол. науки в России и за рубежом: материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 181-189.
20. Богомазова, О.В. Частная жизнь известного историка (по материалам воспоминаний о В.О. Ключевском) / О.В. Богомазова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 23 (161). История. – Вып. 33. – С. 151–159.
21. Бодров, О.В. Профессор М.М. Ковалевский. У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России / О.В. Бодров. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 325 с.

22. Бреев, С.И. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского как тип высшей школы частной инициативы / С.И. Бреев, Ж.А. Конакова // Интеграция образования. – 1999. – № 3. – С. 21-23.
23. Бузескул, В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв.: в 2 ч. / В.П. Бузескул. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – Ч. 1. – 218 с.
24. Бузескул, В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века: в 2 ч. / В.П. Бузескул. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1931. – Ч. 2. – 222 с.
25. Бурганова, Л.А. К вопросу о становлении теории американской «исключительности» в национальных буржуазных историографиях / Л.А. Бурганова, Г.П. Мягков // Методология исторического познания и буржуазная наука. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – С. 69–90.
26. Бутенко, В.А. Наука новой истории в России / В.А. Бутенко // Анналы. Журнал всеобщей истории. Изд. РАН; под ред. акад. Ф.И. Успенского и чл.-корр. АН Е.В. Тарле. – 1922. – № 2. – С. 129-167.
27. Вандалковская, М.Г. П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер: история и политика / М.Г. Вандалковская. – М.: Наука, 1992. – 285 с.
28. Вековищева, С.Н. Ф.Ф. Фортунатов: между двумя парадигмами / С.Н. Вековищева, Г.Т. Хухуни // Вестн. МГОУ. Сер. Лингвистика. – 2013. – № 6. – С. 13-19.
29. Власов, В.А. Народный университет имени Шанявского / В.А. Власов // Изв. ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 527-532.
30. Воробьева, И.Г. Историк Запада в российском провинциальном вузе. Сергей Васильевич Фрязинов (1891-1971) / И.Г. Воробьева, А.А. Кузнецов // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 377-402.
31. Воробьева, И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов / И.Г. Воробьева. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1999. – 340 с.

32. Гайда, Ф.А. Что русского в русском либерализме? / Ф.А. Гайда // История мысли: русская мыслительная традиция / под ред. И.П. Смирнова. – М.: Вуз. кн., 2005. – Вып. 3. – С. 139–151.
33. «Голос минувшего» (Москва. 1913-1923). «На чужой стороне» (Берлин, Берлин-Прага, Прага. 1923-1925). «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж. 1926-1928). Систематическая роспись статей и заметок / сост. и вступ. ст. Ю.Н. Емельянова. – М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2001. – 306 с.
34. Гришенков, М. Учителя и ученые Фортунатовы / М. Гришенков // Красный Север. – 1987. – 20 окт.
35. Гришина, Н.В. «Научное исследование ... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX вв. / Н.В. Гришина // Мир историка. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – Вып. 5. – С. 146-160.
36. Гришина, Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860-1920-е гг. / Н.В. Гришина // Мир историка. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – Вып. 9. – С. 122-145.
37. Гришина, Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н.В. Гришина. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – 288 с.
38. Гутнов, Д.А. Об исторической школе Московского университета / Д.А. Гутнов // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 1993. – № 3. – С. 40–53.
39. Гутнов, Д.А. Обучение на историко-филологическом факультете Московского университета в конце XIX начале XX века / Д.А. Гутнов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 1993. – № 1. – С. 57–68.
40. Гутнов, Д.А. О школах в исторической науке / Д.А. Гутнов // История мысли: историография. – М.: Вуз. кн., 2002. – С. 65–73.

41. Дмитриев, С.С. Историческая наука в Московском университете в 60–90-е гг. XIX в. / С.С. Дмитриев // Вестн. Моск. ун-та. – 1954. – № 7. – С. 95–116.
42. Днепров, Э.Д. Среднее женское образование в России / Э.Д. Днепров, Р.Ф. Усачева. – М., 2009. – 290 с.
43. Зимин, А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е годы XIX века / А.А. Зимин // Ист. зап. – 1961. – Т. 69. – С. 178–196.
44. Земцов, В.Н. Микроистория: итоги 15-летнего пребывания в России / В.Н. Земцов // Урал. ист. вестн. – 2010. – № 4. – С. 6-10.
45. Золотарев, В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: к истории взаимоотношений / В.П. Золотарев // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье; под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 152–174.
46. Золотарев, В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция / В.П. Золотарев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 160 с.
47. Золотарев, В.П. Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» / В.П. Золотарев // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое; подг. текста, авт. вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – С. 5–40.
48. Золотарев, В.П. Отечественные школы новоевропейской истории в России и в СССР (1860-1930 гг.) / В.П. Золотарев // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. – Сыктывкар, 1996. – С. 93-106.
49. Иванова, Л.Д. Формирование системы периодической печати в России на рубеже XIX–XX вв. / Л.Д. Иванова // Изв. Урал. фед. ун-та. – Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 1 (110). – С. 38-47.
50. Иванова, Т.Н. В.И. Герье как историк Великой французской революции / Т.Н. Иванова // Диалог со временем. – 2008. – Вып. 24. – С. 223-248.

51. Иванова, Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования / Т.Н. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – 382 с.

52. Иванова, Т.Н. Влияние идей А.Токвиля на становление русской историографии Великой французской революции / Т.Н. Иванова // История и историки в прошлом и настоящем. – М.: ИВН РАН, 2013. – С. 182-195.

53. Иванова, Т.Н. В.О. Ключевский о В.И. Герье и не только: к публикации одного письма / Т.Н. Иванова // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сб. ст.; под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – С. 315-322.

54. Иванова, Т.Н. Место В.И. Герье в российской культуре последней трети XIX века / Т.Н. Иванова // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 9-12.

55. Иванова, Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX в. – начало XX в.) / Т.Н. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – 382 с.

56. Иванова, Т.Н. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв.; отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 167-176.

57. Иванова, Т.Н. Оценка книги А. Токвиля «Старый порядок и революция» в русской буржуазно-либеральной историографии второй половины XIX – начала XX вв. / Т.Н. Иванова // Эпоха Великой французской революции: пробл. ист. и историогр.: к 200-летию юбилею революции. – Чебоксары, 1989. – С. 26-39.

58. Иванова, Т.Н. Проблемы анализа литографированных изданий лекционных курсов XIX в. в историографической практике / Т.Н. Иванова //

Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII междунар. науч. конф. (Москва). – М.: РГГУ, 2010. – С. 225-228.

59. Иванова, Т.Н. Проблема периодизации всеобщей истории в научном наследии В.И. Герье / Т.Н. Иванова // Учён. зап. Казан. гос. ун-та. – Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152. – Кн. 3. – Ч. 1. – С. 150-158.

60. Иванова, Т.Н. Русские ученые второй половины XIX в. о качествах настоящего учителя / Т.Н. Иванова // Проблемы истории и образования народов России: сб. ст. Всерос. науч.- практ. конф.– Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – С. 266-271.

61. Иванова, Т.Н. С.Ф. Фортунатов и московское научное сообщество / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли: материалы XVII чтений памяти чл.-кор. АН СССР С.И. Архангельского. 7-8 апреля 2011 г.; отв. ред. А.В. Хазин. – Н. Новгород: НГПУ, 2011. – С. 24-27.

62. Иванова, Т.Н. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Диалог со временем.– 2013.– Вып. 44. – С. 165-185.

63. Императорский Московский университет: 1755-1917 / сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 894 с.

64. Исаев, С.А. Алексис Токвиль и Америка его времени / С.А. Исаев. – СПб., 1993. – 156 с.

65. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: учеб. пособие / под ред. И.П. Деметьева. – М.: Высш. шк., 1990. – 512 с.

66. Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. – М., Кругъ, 2011. – 599 с.

67. История США: в 4 т. – М.: Наука, 1983. – Т. 1. – 684 с.

68. Карнаух, М.В. Значение зарубежной научной стажировки в системе подготовки российских профессоров в Дерпте / М.В. Карнаух // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12. – Ч. 3. – С. 94-99.

69. Карпович, М.М. Два типа русского либерализма. Маклаков и Милюков / М.М. Карпович // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 387-407.

70. Керт, Г.М. Ф.Ф. Фортунатов в Косалме / Г.М. Керт // Научное наследие академика Ф.Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. – Петрозаводск, 2004. – С. 79-87.

71. Киреева, Р.А. Изучение отечественной историографии дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р.А. Киреева. – М.: Наука, 1983. – 216 с.

72. Кирсанова, Е.С. В.И. Герье о политической функции исторического знания / Е.С. Кирсанова // Методол. и ист. вопросы ист. науки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. – Вып. 15. – С. 65-78.

73. Кондратьев, С.В. Английская революция XVII в.: учебник для студ. высш. учеб. завед. / С.В. Кондратьев. – М.: Академия, 2010. – 192 с.

74. Корзун, В.П. На первый – второй рассчитайся: человек второго плана как исследовательский проект / В.П. Корзун, Д.М. Колеватов // Диалог со временем. – 2009. – Вып. 28 – С. 323-348.

75. Корзун, В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций) / В.В. Корзун. – Екатеринбург; Омск, 2000. – 226 с.

76. Кореневский, А.В. Неукротимый ересиарх (штрихи к портрету Н.С. Ильина) / А.В. Кореневский // Человек второго плана в истории; отв. ред Н.А. Мининков. – Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 2004. – Вып. 1. – С. 78-90.

77. Костина, Т.В. Воспитанники Санкт-Петербургского университета в Дерптском профессорском институте / Т.В. Костина // Петербургские исследования: альманах. – 2011. – № 3. – С. 219-228.

78. Кочергина, В.А. Имя Ф.Ф. Фортунатова в истории кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского университета / В.А. Кочергина // Рус. филол. вестн. – 1987. – Т. 82. – № 1-2. – С. 16-26.

79. Кошелев, В.А. Вологодские давности: лит.-краевед. очерки / В.А. Кошелев. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. – 220 с.

80. Краснова, Ю.В. «Любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь»: образ «идеального» профессора (на материале российских университетов конца XIX – начала XX вв.) / Ю.В. Краснова // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – С. 124-129.

81. Краснова, Ю.В. Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX – начала XX вв.) / Ю.В. Краснова // Мир историка. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 285-304.

82. Кубышкин, А.И. Университетские учебники по истории США как индикатор состояния российской американистики / А.И. Кубышкин, И.А. Цветков // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2009. – С. 181–207.

83. Кузнецов, А.А. Новые факты биографии С.И. Архангельского / А.А. Кузнецов // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 40. – С. 267 – 282.

84. Лавровский, В.М. Английская буржуазная революция / В.М. Лавровский, М.А. Барг. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 366 с.

85. Лейкина-Свирская, В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В.Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1971. – 116 с.
86. Леонтович, В.В. История либерализма в России (1762-1914) / В.В. Леонтович // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. – С. 408-440.
87. Леонтьева, О.Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX – XX вв. в понимании современной историографии / О.Б. Леонтьева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – Т. 157, кн. 3. – С. 68–75.
88. Макушин, А.В. Дневниковые записи М.С. Корелина о П.Н. Милукове / А.В. Макушин, П.А. Трибунский // Археограф. ежегодник – 2007. – № 4. – С. 502-514.
89. Майданова, С.Ю. Образовательные системы частных женских гимназий России второй половины XIX – начала XX вв. / С.Ю. Майданова // Ист. науки. – 2007. – № 2. – С. 99-101.
90. Мамонтова, М.А. Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков / М.А. Мамонтова // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 267-277.
91. Медушевский, А.Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX в. / А.Н. Медушевский. – М.: Новый хронограф, 2010. – 488 с.
92. Мининков, Н.А. Человек второго плана в контексте современной историографии / Н.А. Мининков, А.В. Кореневский, А.Е. Иванеско // Человек второго плана в истории; отв. ред Н.А. Мининков. – Ростов-н/Д, 2005. – Вып. 2. – С. 4-15.
93. Мининков, Н.А. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя / Н.А. Мининков, А.В. Кореневский, А.Е. Иванеско // В тени великих: образы и судьбы. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 20-34.
94. Миньяр-Белоручев, К.В. Основные проблемы изучения американской истории середины XIX века в отечественной и американской исто-

риографии / К.В. Миньяр-Белоручев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 23 (238). История. – Вып. 47. – С. 115-125.

95. Михайлов, Ю.А. Американская буржуазная революция XVIII века в историографической традиции дореволюционной России / Ю.А. Михайлов // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. – Вып. 3. – С. 125–149.

96. Моисееenkova, Л.С. Павел Гаврилович Виноградов (1854-1925) / Л.С. Моисееenkova // Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т. – М., 2000. – Т. 2. – С. 110-136.

97. Мороз, К.С. Судьба семьи в истории страны. Фортунатовы / К.С. Мороз // Библиотечный выпуск Карелии. – 2011. – Вып. 32 (39). Краеведение. – С. 22-27.

98. Москвин, В.В. Московские высшие женские курсы в начале XX в. / В.В. Москвин. – М.: Педагогика, 1999. – 320 с.

99. Московский университет за 200 лет. Крат. ист. очерк / под ред. И.С. Галкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. – 163 с.

100. Московский университет: 1755-1930: юбилейн. сб.: изд. Париж. и Праж. ком. по ознаменованию 175-летия Моск. ун-та / под ред. В.Б. Ельяшевича, А.А. Кизеветтера и М.М. Новикова. – Париж: Совр. зап., 1930. – 466 с.

101. Московчук, Л.С. Высшее образование и женский вопрос / Л.С. Московчук. – СПб.: Санкт-Петерб. филос. общество, 2004. – 362 с.

102. Мохначева, М.П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. / М.П. Мохначева. – Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII-XIX в. – М., 1998. – 334 с.

103. Мухамадеев, А.И. Дмитрий Александрович Корсаков (1843-1919): жизненный путь и творческое наследие / А. И. Мухамадеев. – Казань: Издат. дом Маковского, 2013. – 225 с.

104. Мягков, Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции / Г.П. Мягков. – Казань, 1988. – 198 с.

105. Мягков, Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» / Г.П. Мягков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 298 с.

106. Мягков, Г.П. Мемуары Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» и становление отечественной автобиографистики историка / Г.П. Мягков, Л.А. Сальникова // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель: материалы 1-й Всерос. науч.-техн. конф., посв. 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. – Сыктывкар, 2000. – С. 83-87.

107. Нечкина, М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1974. – 661 с.

108. Никифоров, Ю.С. Общественная деятельность историков «русской школы» в социокультурном пространстве Российской империи конца XIX – начала XX в. / Ю.С. Никифоров // Ярослав. пед. вестн. – 2013 – № 2 – Т. I: Гуманит. науки. – С. 33-38.

109. Николай Иванович Кареев. Биобиблиографический указатель (1869-2007) / сост. В.А. Филимонов. – Казань Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 224 с.

110. Николич, В. Влияние фортуноватовской школы на Александра Белича / В. Николич // Научное наследие академика Ф.Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. – Петрозаводск, 2004. – С. 39-47.

111. Никс, Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века: социокультурный аспект / Н.Н. Никс. – М.: Новый хронограф, 2008. – 304 с.

112. Очерки истории исторической науки в СССР: в 4 т. / под ред. М.Н. Тихомирова, М.В. Нечкиной и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – 861 с.

113. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 684 с.

114. Пашков, А.М. Фортунатов и изучение краеведения в учебных заведениях Олонецкой губернии во второй половине XIX в. / А.М. Пашков // Традиция образования в Карелии. – Петрозаводск, 1995. – С. 54–56.
115. Пивоваров, Е.Г. А.В. Бабин (1866 - 1930 гг.) / Е.Г. Пивоваров. – СПб.: Петрополис, 2002. – 190 с.
116. Пискунов, И.В. Правовое положение приват-доцентов российских университетов / И.В. Пискунов // Вестн. ПСТГУ. – Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 4 (59). – С. 98–116.
117. Пискунов, И.В. Как стать российским приват-доцентом? / И.В. Пискунов // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 51. – С. 243-260.
118. Погодин, С.Н. «Русская школа историков»: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский / С.Н. Погодин. – СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. – 267 с.
119. Посохов, С.И. Университетская реформа 1863 г. в ряду Великих реформ: историографический аспект / С.И. Посохов // Мир историка. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – Вып. 9.– С. 81-102.
120. Репина, Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи / Л.П. Репина // Диалог со временем. – 2008. – Вып. 22. – С. 5-12.
121. Репина, Л.П. Интеллектуальные традиции и научные школы: к методологии исследования / Л.П. Репина // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. – Ижевск, 2008. – С. 5-12.
122. Репина, Л.П. Историческая память и современная историография / Л.П. Репина // Новая и новейш. история. – 2004. – № 5. – С. 39-51.
123. Репина, Л.П. Контексты интеллектуальной истории / Л.П. Репина // Диалог со временем. – 2008. – Вып. 25/1. – С. 5-12.
124. Репина, Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) / Л.П. Репина // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2005. – С. 5-16.
125. Репина, Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л.П. Репина. – М.: Изд-во ЛКИ, 2009. – 320 с.

126. Русская периодическая печать (1702-1894): справ. / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черпахова. – М.: Госполитиздат, 1959. – 835 с.
127. Рутченко, А.И. Сельское хозяйство и землеустройство в Северо-Американских Соединенных Штатах / А.И. Рутченко. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1908. – 196 с.
128. Сараева, Е.Л. Цивилизация русского общества периода модерна в контексте идей и деятельности «западнической» и земской интеллигенции / Е.Л. Сараева, Т.И. Волкова // Диалог со временем. – 2008. – Вып. 25/2. – С. 38-49.
129. Сафронов, Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время / Б.Г. Сафронов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 222 с.
130. Серых, А.А. Поколение «восемидесятников» и поколенческая идентичность русских историков рубежа XIX-XX вв. / А.А. Серых // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 34. – С. 158-171.
131. Синеко, А.А. Межпоколенческие коммуникации и формирование образа учителя русскими историками конца XIX в. / А.А. Синеко // Мир историка. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – Вып. 5. – С. 134-149.
132. Скорняков, Е.Е. Орошение и колонизация пустынных государственных земель Соединенных штатов Северной Америки: в 2 ч. / Е.Е. Скорняков. – СПб.: Тов- во Голике Р. и Вильборг А., 1911. – Ч. 2. – 326 с.
133. Соболева, Е.В. Организация науки в пореформенной России / Е.В. Соболева. – Л.: Наука, 1983. – 263 с.
134. Соколов, А.Б. А.Н. Савин как историограф Английской революции / А.Б. Соколов // Яросл. пед. вестн. – 2014. – № 3. – Т. 1. – С. 82- 89.
135. Terra Eurora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред Д.А. Цыганкова. – М.: Полит. энцикл., 2014. – 671 с.
136. Трохимовский, Ю.А. Политика Министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей (1556-1881) / Ю.А. Трохимовский // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 2007. – № 1. – С. 61-76.

137. Туманова, А.С. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX в. / А.С. Туманова, Р.В. Киселев. – М., 2011. – 279 с.
138. Университетская реформа 1863 года в России / сост. В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2012. – 478 с.
139. Фролов, Э.Д. Вместо предисловия: к 120-летию виртуальной встречи поколений (две эпохи и два архетипа) / Э.Д. Фролов // Мнемон. – СПб., 2006. – Вып. 5. – С. 83-107.
140. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 382 с.
141. Хованская, А.В. Американский федерализм / А.В. Хованская, Д.В. Гончаров. – Оренбург, 2002. – 60 с.
142. Хольцов, Л.С. Современная Америка Историко-географический, политический и экономическо-статистический очерк Северо-Американских Соединенных Штатов / А.В. Хольцов. – Нью-Йорк, 1907. – 561 с.
143. Циунчук, Р.А. Идея народного представительства в России в 1904-1905 гг.: от совещательной к законодательной модели / Р.А. Циунчук // Вестн. экон. права и социологии. – 2008. – 6. – С. 100-110.
144. Цыганков, Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Д.А. Цыганков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. – 256 с.
145. Цыганков, Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики / Д.А. Цыганков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 503 с.
146. Чаркич, М.Ж. Известные письма Ф.Ф. Фортунатова Александру Беличу / М.Ж. Чаркич // Научное наследие академика Ф.Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. – Петрозаводск, 2004. – С. 48-62.
147. Чикалова, И.Р. Профессор Павел Григорьевич Мижухов: российский англовед и либерал / И.Р. Чикалова // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 34. – С. 5–30.

148. Чикалова, И.Р. Русский американист Павел Григорьевич Мижухев / И.Р. Чикалова // Американистика: актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. тр.; под ред Т.В. Аленьбековой, М.А. Филимоновой. – Курск: Изд-во Курск. ун-та, 2012. – Вып. 4 – С. 121-133.

149. Шарова, А.В. Университетское сообщество и власть в начале XX века (по материалам дневниковых записей А. Н. Савина) / А.В. Шарова // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. – Сер. Вопр. образов. Языки и специальность. – 2010. – № 18. – С. 270-287.

150. Шипилов, А.В. Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем / А.В. Шипилов // ALMA MATER. Вестник высшей школы. – 2003. – № 4. – С. 33–42.

151. Шнейдер, К.И. Образы Запада и Россия в представлениях ранних русских либералов / К.И. Шнейдер // Диалог со временем. – 2009. – Вып. 27. – С. 243-262.

152. Шпаковская, М.А. А.А. Кизеветтер в российской историографии / М.А. Шпаковская. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов (РУДН), 2003. – 313 с.

153. Щерба, Л.В. Ф.Ф. Фортунатов в истории науки о языке / Л.В. Щерба // Вопросы языкознания. – 1963. – № 5. – С. 89-93.

154. Яхонтов, А. Предвестие / А. Яхонтов // Юность. – 1985. – № 12. – С. 38-75.

2.2. Электронные публикации

155. Болховитинов, Н.Н. Изучение американской историографии в России / Н.Н. Болховитинов // Американское общество на пороге XXI века: итоги, проблемы, перспективы: материалы II науч. конф. «История США в МГУ» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/conf1995/bolhovitinov5 [Дата обращения 16.03.2015].

156. Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_biography/ [Дата обращения: 30.11.2014].

157. Борисова, Г.Ю. Документы ЦИАМ как источники по истории Вологодского края / Г.Ю. Борисова [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://mosarchiv.mos.ru/meropriyatiya/vystupleniya_SMI/2004%20-%202007/krugly_stol.php [Дата обращения: 30.03.2013].

158. Карелия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.all-karelia.ru/section_38707.htm [Дата обращения: 05.05. 2015].

159. Карелия официальная: официальный интернет-портал Республики Карелия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2014/04/0416_30.html [Дата обращения: 18.04. 2015].

160. Лицей: интернет-журнал [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://gazeta-licey.ru/news/chronicle/5465-fortunatovskie-chteniya-o-pamyati-pokolenij> [Дата обращения: 21.04. 2015].

161. Памятники истории и культуры народов Российской Федерации [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://kulturnoe-nasledie.ru/documentations.php?id=13> [Дата обращения: 11.05. 2015].

162. Петров, К.В. Алексей Федорович Фортунатов / К.В. Петров [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=./ru/fortunatov/biogr/fortunatov_b1.txt&name=fortunatov&img=brief.gif [Дата обращения: 01.03.2015].

163. Пономарева, В.В. Московский университет в русской истории: новые вопросы к старой теме / В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.historia.ru/2003/01/msu.htm> [Дата обращения: 04.03.2015].

164. Преподавание истории США в МГУ // Сайт ист. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernHist/node/90> [Дата обращения 10.04.2015].

165. Толкачев, А.И. Ф.Ф. Фортунатов / А.И. Толкачев [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=138&pid=160&sub=workabout> [Дата обращения: 03.04.2013].

166. Шигабутдинов, Р.Р. Журнал «Критическое обозрение» в научной и общественной жизни России на рубеже 70-80 гг. XIX в. / Р.Р. Шигабутдинов [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-100089.html?page=14> [Дата обращения: 11.02.2015].

2.3. Диссертации и авторефераты диссертаций

167. Богомазова, О.В. В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. / Богомазова Ольга Викторовна. – Казань, 2013. – 29 с.

168. Зарубин, А.Н. Проблемы истории Старого порядка и революции конца XVIII века во Франции в творчестве П.Н. Ардашева: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Зарубин Андрей Николаевич. – Казань, 2012. – 24 с.

169. Лаута, О.Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета: начало XIX – XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. / Лаута Олег Николаевич. – Майкоп, 2000. 27 с.

170. Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в общественной мысли России последней трети XIX – начала XX вв.: Проблемы теории и методологии истории: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / Леонтьева Ольга Борисовна. – Казань, 2005. – 33 с.

171. Иванова, Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века): дис. ... д-ра ист. наук / Иванова Татьяна Николаевна. – Казань, 2011. – 760 с.

172. Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки учёных Московского университета в 1856 - 1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. / Трохимовский Алексей Юрьевич. – М., 2007. – 27 с.

173. Филимонова М.А. Политическая борьба националистов-федералистов за консолидацию США: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. / Филимонова Мария Александровна. – Курск, 2011. – 42 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Основные даты жизни С.Ф. Фортунатова

1850 г., 26 июля – рождение С.Ф. Фортунатова в Вологде.

1857 г. – смерть матери С.Ф. Фортунатова, Юлии Алексеевны Фортунатовой.

1863 г. – переезд семьи Фортунатовых в Москву.

1867 г. – завершение учебы во 2-й Московской гимназии с золотой медалью и поступление на историко-филологический факультет Московского университета.

1871 г. – окончание историко-филологического факультета Московского университета со степенью кандидата и оставление при университете стипендиатом для приготовления к магистерскому экзамену.

1872 г. – получение стипендии имени Т.Н. Грановского.

1872 г., осень – начало работы на Высших женских курсах.

1872 г., 18 ноября – смерть отца, Федора Николаевича Фортунатова.

1873 г., осень – успешная сдача экзамена на магистра всеобщей истории.

1875 г., осень – прием на работу в Московский университет в качестве стороннего преподавателя.

1875 г. – издание книги «Представитель индпендентов Генри Вен».

1875 г., декабрь – подписание приказа о стажировке за границу на два года со стипендией 1500 руб. в год.

1876 г., апрель – получение свидетельства о направлении в заграничную командировку.

1876 г. – кратковременное пребывание за границей.

1877 г. – начало работы в классической женской гимназии С.Ю. Фишер и гимназии С.А. Арсеньевой.

1878 г., август – начало работы учителем истории в 4-й московской женской гимназии Ведомства императрицы Марии.

1879 г. – произведен в коллежские ассесоры.

1879 г. – стал постоянным сотрудником в газете «Русские ведомости».

1879 г. – издание книги «История политических учений в Соединенных Штатах. Ч.1. Федералист и трактаты Кальгуна».

1884 г. – награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

1885 г., ноябрь – стал приват-доцентом Московского университета.

1893 г. – начал работать на «коллективных уроках» при московском «Обществе воспитательниц и учительниц».

1905 г. – издание работы «Основные начала английской конституции».

1906 г. – начал работать на вновь открывшихся в 1900 г. Высших женских курсах.

1906 г. – издание работ «Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединенных штатах» и «Одна или две палаты?» (в соавторстве с А.Н. Максимовым).

1911 г., февраль – прекратил преподавание в Московском университете.

1911 г., осень – начало работы в университете имени Шанявского на постоянной основе.

1916 г., 16 мая – госпитализация с приступом.

1916 г., ноябрь – проживание в санатории.

1918 г., 26 декабря – смерть С.Ф. Фортунатова на 68-м году жизни.

1918 г., 29 декабря – панихида в часовне Пироговской больницы.

1918 г., 30 декабря – похороны С.Ф. Фортунатова на Донском кладбище г. Москвы.

Библиография опубликованных работ С.Ф. Фортунатова**1875 г.**

1. Представитель индипендентов Генри Вен. – М.: Тип. Т. Рис, 1875. – 180 с.

1879 г.

2. История политических учений в Соединенных Штатах. Ч.1. Федералист и трактаты Кальгуна. – М.: Типо-лит. Н. В. Любенкова, 1879. – 151 с.
3. Очерк конституционного движения во Франции в эпоху реставрации // Юрид. вестн. – 1879. – Кн. XI. – С. 713-735.
4. Положение рабочих в Соединенных Штатах // Критическое обозрение. – 1879. – № 7. – С. 5-7.
5. [Рец. на кн.] Holst/ Verfassung und Demokratie der Vereinigten Staaten von America. II. Band // Критическое обозрение. – 1879. – № 12. – С. 1-6.
6. [Рец. на кн.] Stern A. Milton und seine Zeit // Критическое обозрение. – 1879. – № 16. – С. 22-25.

1880 г.

7. Административный произвол во Франции в эпоху второй империи // Юрид. вестн. – 1880. – Декабрь. – С. 495-516.
8. Реакция в Англии в конце XVIII и в начале XIX столетия // Юрид. вестн. – 1880. – Кн. II. – С. 270-298.
9. Февральская революция и июльская монархия // Критическое обозрение. – 1880. – № 9. – С. 445-448.

1881 г.

10. Последние годы второй империи // Юрид. вестн. – 1881. – Кн. VIII. – С. 511-535.

1885 г.

11. Виктор Гюго, как политический деятель // Рус. ведомости. – 1885. – № 136.

1886 г.

12. Англия и Ирландия // Рус. ведомости. – 1886. – № 160.

1889 г.

13. Американская демократия // Рус. ведомости. – 1889. – № 299.
14. Новая книга об Америке // Рус. ведомости. – 1889. – № 68.

1892 г.

15. История американской демократии // Рус. мысль. – 1892. – Кн. VIII. – С. 32-46.
16. Президентские выборы в Соединенных Штатах // Рус. ведомости. – 1892. – № 142.

1893 г.

17. Новая книга о XVIII веке // Рус. ведомости. – 1893. – № 188.
18. Новая книга о литературе XIX века // Рус. ведомости. – 1893. – № 337.
19. Новый учебник древней истории // Рус. ведомости. – 1893. – № 72.
20. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 1. // Рус. ведомости. – 1893. – № 144.
21. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2. // Рус. ведомости. – 1893. – № 6.

22. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300-1800) // Рус. ведомости. – 1893. – № 315.

1894 г.

23. . Новое сочинение о французской революции // Рус. ведомости. – 1894. – № 360.

1895 г.

24. Новая книга о французской революции // Рус. ведомости. – 1895. – № 271 .

25. Новый учебник истории // Рус. ведомости. – 1895. – № 241.

1896 г.

26. Новая книга по государственному праву // Рус. ведомости. – 1896. – № 110.

27. Новый перевод Токвиля // Рус. ведомости. – 1896. – № 84.

28. Новая книга по французской революции // Рус. ведомости. – 1896. – № 339.

29. Новая хрестоматия по средневековой истории // Рус. ведомости. – 1896. – № 266.

30. Ответственность министров во Франции // Рус. ведомости. – 1896. – № 124.

31. Президентские выборы и борьба партий в Соединенных Штатах // Рус. ведомости. – 1896. – № 270.

1897 г.

32. История Соединенных Штатов // Рус. ведомости. – 1897. – № 98 .

33. Новая книга о падении Венеции // Рус. ведомости. – 1897. – № 23.

34. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Введение в изучение социологии // Рус. ведомости. – 1897. – № 395.

35. Шестидесятилетие царствование королевы Виктории // Рус. ведомости. – 1897. – № 158.

1898 г.

36. Преподавание древней истории в средних учебных заведениях // Рус. ведомости. – 1898. – № 52.

37. Результаты испано-американской войны для Соединенных Штатов // Рус. ведомости. – 1898. – № 198.

1899 г.

38. Американская демократия // Рус. ведомости. – 1899. – № 299.

39. История третьего сословия // Рус. ведомости. – 1899. – № 287.

40. К истории XIX в. // Рус. ведомости. – 1899. – № 9.

41. Новая книга по истории общественных учений // Рус. ведомости. – 1899. – № 354.

42. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Курс новой истории // Рус. ведомости. – 1899. – № 205.

43. Собрание сочинений Грановского // Рус. ведомости. – 1899. – № 307.

44. Французские политические теории XVIII в. // Рус. ведомости. – 1899. – № 341.

1900 г.

45. Новая книга по французской революции // Рус. ведомости. – 1900. – № 349.

46. Новый труд по истории французской революции Олара // Рус. ведомости. – 1900. – № 207.

47. Организация президентских выборов в Соединенных Штатах // Рус. ведомости. 1900. № 307.

48. [Рец. на кн.:] Лависс Э. Всеобщая история для детей от 10-ти до 13-14-ти лет // Рус. ведомости. – 1901. – № 351.

49. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Учебная книга по новой истории // Рус. ведомости. – 1900. – № 127.

50. Французские политические мыслители XIX столетия // Рус. ведомости. – 1900. – № 35.

1901 г.

51. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 4. // Рус. ведомости. – 1901. – № 250

52. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Учебная книга по новой истории // Рус. ведомости. – 1901. – № 285.

1902 г.

53. [Рец. на кн.] Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе // Рус. ведомости. – 1902. – № 35.

54. [Рец. на кн.] Лависс Э., Рамбо А. История французской революции // Рус. ведомости. – 1902. – № 1.

55. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Политическая история Франции в XIX в. // Рус. ведомости. – 1902. – № 341.

1903 г.

56. Новый учебник по средневековой истории» // Рус. ведомости. – 1903. – № 118.

57. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Государство-город античного мира // Рус. ведомости. – 1903– № 122.

58. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время // Рус. ведомости. – 1903– № 260.

59. [Рец. на кн.] Мишель А. Идея государства // Научное слово. – 1903. – Кн. IV. – С. 152-153.

1904 г.

- 60. Новая биография Гладстона // Рус. мысль. – 1904. – Кн. VI. – С 32-50.
- 61. Новая книга по истории католицизма // Рус. ведомости. – 1904. – № 142.

1905 г.

- 62. Английский парламентаризм // Рус. ведомости. – 1905. – № 195.
- 63. Вопрос о двух палатах // Рус. ведомости. – 1905. – № 136.
- 64. Выборный абсентеизм // Рус. ведомости. – 1905. – № 226.
- 65. Две книги по конституционному праву // Рус. ведомости. – 1905. – № 141.
- 66. Две формы представительного правления // Рус. ведомости. – 1905. – № 62.
- 67. Новая книга по греческой истории // Рус. ведомости. – 1905. – № 126.
- 68. Новая книга по конституционному праву // Рус. ведомости. – 1905. – № 203.
- 69. Новые книги о конституции // Рус. ведомости. – 1905. – № 117.
- 70. Новая книга по истории политических учений // Рус. ведомости. – 1905. – № 323.
- 71. Основные начала английской конституции // Рус. ведомости. – 1905. – № 81.
- 72. Основные начала английской конституции. – М.: Тип. И. Лисенера и Д. Собко, 1905. – 59 с.
- 73. Охрана основных прав человека в Соединенных Штатах // Рус. ведомости. – 1905. – № 235.
- 74. Проект Д.Н. Шилова и О.П. Герасимова (к мнению меньшинства участников совещания земских деятелей 8 ноября 1904 г.) // Рус. ведомости. – 1905. – № 122.

75. Роль и значение королевской власти в Англии // Рус. ведомости. – 1905. – № 249.

76. Свобода собраний в Англии // Рус. ведомости. – 1905. – № 268.

77. Свобода печати в Англии // Рус. ведомости. – 1905. – № 299.

1906 г.

78. Бюджетное право английского парламента // Рус. ведомости. – 1906. – № 297.

79. Вопрос о двух палатах // Максимов А.Н., Фортунатов С.Ф. Одна или две палаты? – М.: Тип. Е.В. Кожевников и Е.А. Коломийцев, 1906. – С. 14-20.

80. Закон и общественное мнение в Англии // Рус. ведомости. – 1906. – № 69.

81. Новая книга об Америке // Рус. ведомости. – 1906. – № 251.

82. Новая книга по истории политических учений // Рус. ведомости. – 1906. – № 275.

83. Новая книга по конституционному праву // Рус. ведомости. – 1906. – № 308.

84. Новая книга по новой истории // Рус. ведомости. – 1906. – № 205.

85. Ответственность министров // Рус. ведомости. – 1906. – № 125.

86. Писанные конституции // Рус. ведомости. – 1906. – № 16.

87. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединенных штатах. – М.: Тип. Е.В. Кожевников и Е.А. Коломийцев, 1906. – 19 с.

88. Распущение палаты общин и выход кабинета в отставку в Англии // Рус. ведомости. – 1906. – № 206.

1907 г.

89. Автономия и федерализм // Рус. ведомости. – 1907. – № 118.

90. Вторая республика и вторая империя // Рус. ведомости. – 1907. – № 215.

91. Ограничение несменяемости судей во Франции // Рус. ведомости. – 1907. – № 269.
92. Парламентская монархия // Рус. мысль. – 1907. – Кн. V. – С. 80-91.
93. Право парламентских комиссий в Англии // Рус. ведомости. – 1907. – № 75.
94. Пересмотр конституций // Рус. ведомости. – 1907. – № 253.

1908 г.

95. История Соединенных Штатов XIX века. Записки, сост. слушательницами Высш. женск. курсов за 1908 год по лекциям С.Ф. Фортунатова. – М.: Лит. Титяева [1908]. – 112 с.
96. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. // Рус. ведомости. – 1908– № 99.
97. [Рец. на кн.] Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства // Рус. ведомости. – 1908– № 72.

1909 г.

98. Новая книга по истории XIX в. // Рус. ведомости. – 1909. – № 105.

1910 г.

99. История Англии и Германии 19-го века. Лекции, чит. на Московских Высш. женск. курсах в 1909/10 гг. – М.: Изд. о-во при историко-философском фак. Моск. высш. жен. Курсов. М.: Типо-лит. С.М. Мухарского. б/д. – Ч. 1-2. – Ч. 1. 199 с. ; Ч. 2. 127 с.
100. История Соединенных штатов Северной Америки: лекции, чит. на В.Ж.К. в 1909–10 уч. г.: записки слушательниц В.Ж.К. – М., [1910]. – 285 с.
101. История XIX столетия // Рус. ведомости. – 1910. – № 85 .
102. Новая книга по истории конца XIX века» // Рус. ведомости. – 1910. – № 64.

103. Парламент 1892 г. // Рус. ведомости. – 1910. – № 17.
104. [Рец. на кн.] Вандаль А. Наполеон и Александр I // Рус. ведомости. – 1910. – № 118.
105. [Рец. на кн.] Еллинек Г. Правительство и парламент в Германии // Рус. ведомости. – 1910. – № 26.
106. [Рец. на кн.] Книга для чтения по истории нового времени // Рус. ведомости. – 1910. – № 32.
107. Реформа палаты лордов в Англии и двухпалатная система // Рус. ведомости. – 1910. – № 80.

1911 г.

108. История французской революции. Записки слушательниц по лекциям С. Ф. Фортунатова, чит. на В.Ж.К. в 1910-11 гг.. – М.: Типо-лит. М.Х. Кавыкина [1911]. – Ч. 1. – 140 с., Ч. 2. – 206 с.
109. Новая книга по истории Соединенных Штатов // Рус. ведомости. – 1911. – № 298.
110. [Рец. на кн.:] Вандаль А. Наполеон и Александр I. Ч. II // Рус. ведомости. – 1911. – № 286.
111. [Рец. на кн.:] Виппер Р. Краткий учебник истории средних веков // Рус. ведомости. – 1911. – № 177.
112. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Краткая история прошлого столетия // Рус. ведомости. – 1911. – № 54.
113. [Рец. на кн.:] Хрестоматия по новой истории // Рус. ведомости. – 1911. – № 38.

1912 г.

114. Гладстоновские билли о гомруле // Рус. ведомости. – 1912. – № 32.
115. История Англии XIX века: Записки, слушат. по лекциям, чит. в 1911/12 уч. г. – М., [1912]. – 123 с.

116. Мемуары г-жи де Ремюза (1802-1808 г.), изданные с предисловием и заметками ее внуком П. Ремюза / пер. с фр., ред. и вступ. статья С.Ф. Фортунатова. – М.: К.Ф. Некрасов, 1912. – 274 с.

117. Президентские выборы в Соединенных Штатах // Рус. ведомости. – 1912. – № 106.

118. [Рец. на кн.:] Хрестоматия по новой истории // Рус. ведомости. – 1912. – № 24.

1913 г.

119. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 3. // Рус. ведомости. – 1913. – № 262.

1914 г.

120. История Франции со времени Великой революции: в 2 ч. Лекции, чит. на В.Ж.К., 1913–1914. – Ч. 2. – М, 1914. – 239 с.

121. Программа «История Англии и Германии в XIX в.» // Московский Городской Народный университет имени А.Л. Шанявского. Научная и экономическая организация университета. Учебные планы, обзоры лекций и практических занятий на 1914-15 академический год. – М.: Тип. «Моск. Печатное Пр-во» Вл. Венгерова, 1914. – С. 96-98.

122. Программа «История Франции XVIII и XIX веков» // Московский Городской Народный университет имени А.Л. Шанявского. Исторический очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914. – С. 168-170.

1915 г.

123. История Англии и Германии 19-го века. Лекции, чит. на Московских Высш. женск. курсах в 1914-1915 году. – Ч.1-2. – М.: Изд. о-ва при ис-

торико-философском фак. Моск. высш. жен. курсов, 1915. – Ч.1. –240 с.; Ч.2. 188 с.

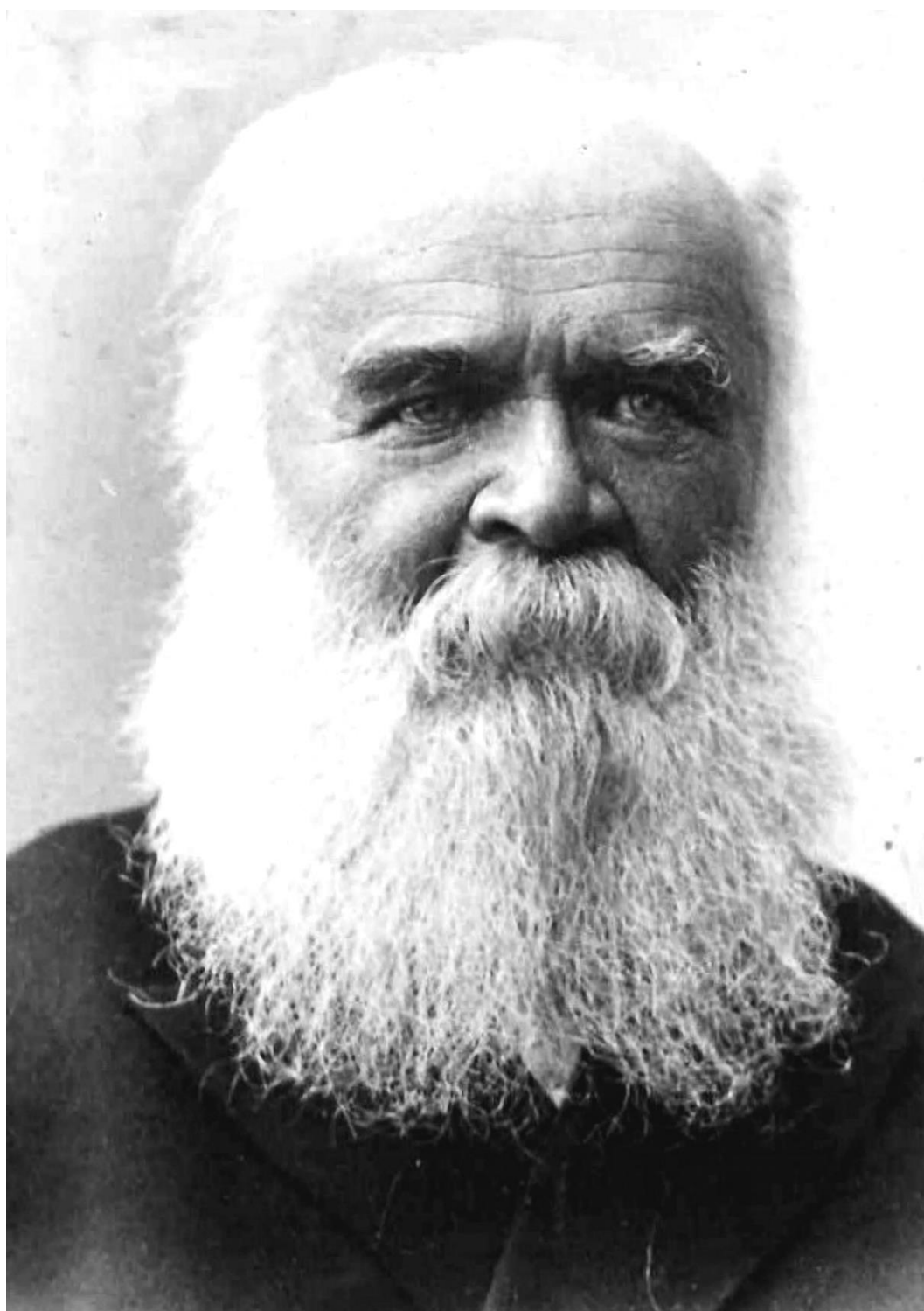
124. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора // Рус. ведомости. – 1915. – № 85.

1916 г.

125. История Соединенных Штатов. Курс, чит. в 1915-1916 гг. По запискам слушательниц. – М.: Изд. О-ва при историко-философском фак. Моск. Высш. жен. курсов, [1916]. – Ч. I. 290 с., Ч. II. 230 с.

1917 г.

126. История Франции XIX в. Лекции, составленные по запискам слушательниц М.В.Ж.К. – Ч. I. – М, 1916. – 146 с.; Ч. II. – М., 1917. – 140 с.

Фотографии

Степан Федорович Фортунатов¹

¹ НИОР РГБ. Ф. 743. К.31. Ед. хр. 2. Л. 10.

Семья Фортунатовых¹

С.Ф. Фортунатов в верхнем ряду слева

¹ РГАЛИ.Ф. 3204. Оп. 1. Д. 188. Л. 2.

Братья Фортунатовы (слева направо): Алексей Федорович, Иван Федорович, Степан Федорович и Филипп Федорович¹.

¹ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 189. Л. 2.

С.Ф. Fortunatov и Ф.Ф. Fortunatov¹

¹ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 188. Л.1.

Мемориальная доска на здании Музея изобразительных искусств
республики Карелия (г. Петрозаводск)¹

¹Карелия [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.all-karelia.ru/section_38707.htm
[Дата обращения 05.05. 2015].

Список студентов историко-филологического факультета
Московского Императорского университета,
обучавшихся на одном курсе с С.Ф. Фортунатовым¹

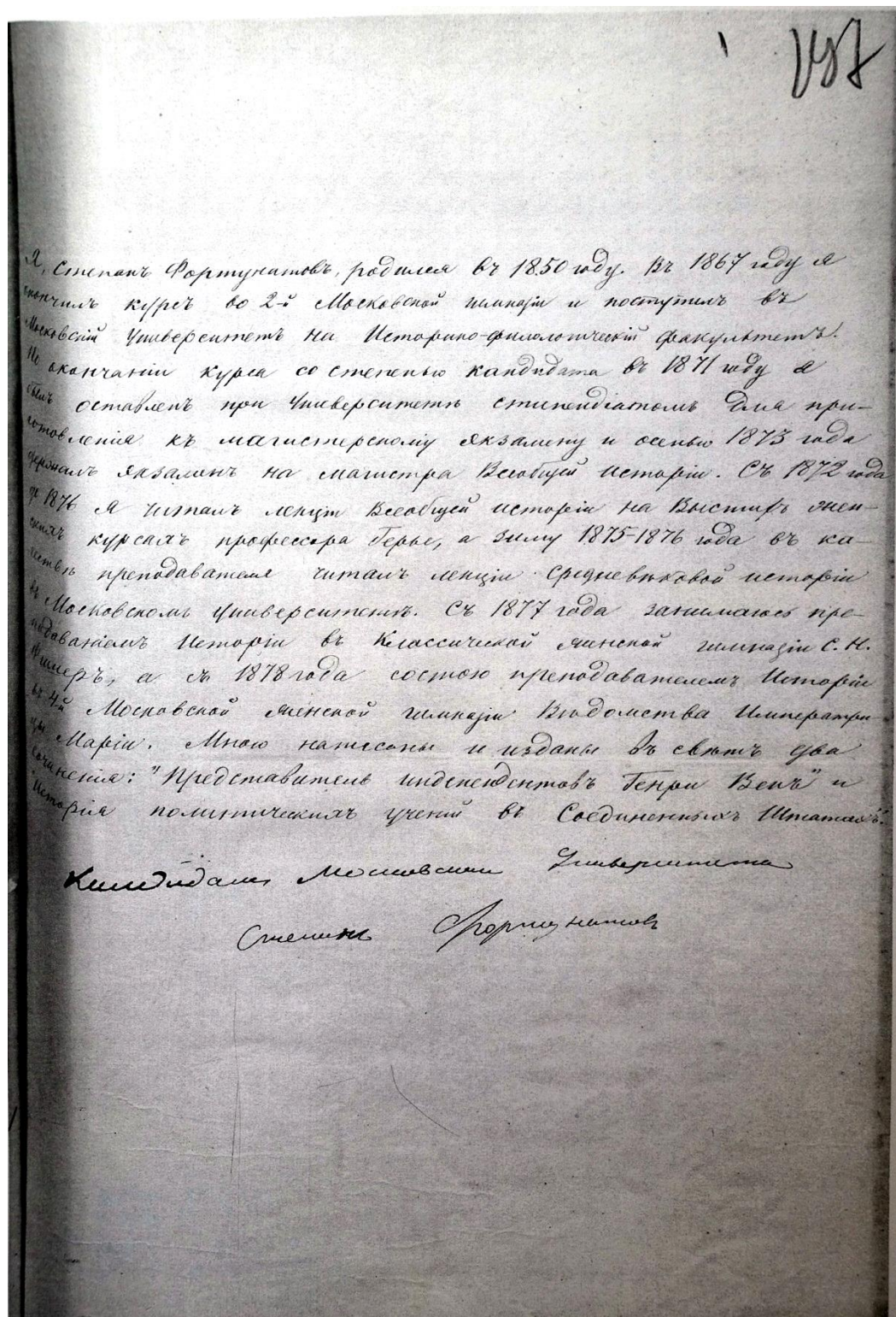
Русская Печать 11

СПИСОКЪ			
Студентовъ Историко-Филологическаго Факультета 3-го курса.			
НА 1869 — 1870 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.			
№	Фамиліи и имена учащихся.	Успѣхи.	З А М Ъ Т К И.
а) Стипендіаты:			
1	Арсеньевъ Александръ (Ст. Семинар.)...	5.	
2	Антульскій Александръ (Ст. Варш. Уч. Окр.)	5.	
3	Адо Николай (Ст. Вил. Уч. Окр.).....	5.	
4	Батыръ Андрей (Ст. Варш. Уч. Окр.)....	5.	
5	Бѣловъ Михаилъ (Ст. М. Н. Пр.).....	3.	
6	Виноградовъ Андрей (Ст. М. Н. Пр.) ..	5.	
7	Гусаковскій Алексѣй (Ст. М. Н. Пр.)....	5.	
8	Декапольскій Филадельфъ (Ст. Кочуб.)...	5.	
9	Завитневичъ Иванъ (Ст. Вил. Уч. Окр.)...	5.	
10	Красинъ Дмитрій (Ст. Мин. Н. Пр.).....	5.	
11	Страховъ Алексѣй (Ст. Ломон. и Семинар.)	4.	
12	Смордскій Александръ (Ст. Вил. Уч. Ок.)	5.	
13	Строгоновъ Григорій (Ст. Демид.).....	3.	
14	Созинскій Илья (Ст. М. Н. Пр.).....	5.	
15	Тонкель Степанъ (Ст. Варш. Уч. Окр.)..	5.	
16	Федюкинъ Евгеній (Ст. Зак. Кр.).....	5.	
17	Фортунатовъ Степанъ (Ст. Госуд. Насл.)	5.	
18	Чижъ Викентій (Ст. Мин. Нар. Пр.)....	5.	
б) Своёкоштные:			
1	Буслаевъ Владиміръ	5.	
2	Воейковъ Павелъ	—	
3	Князь Дуловъ Иванъ	5.	

¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 477. Д. 50. Л. 11-11об.

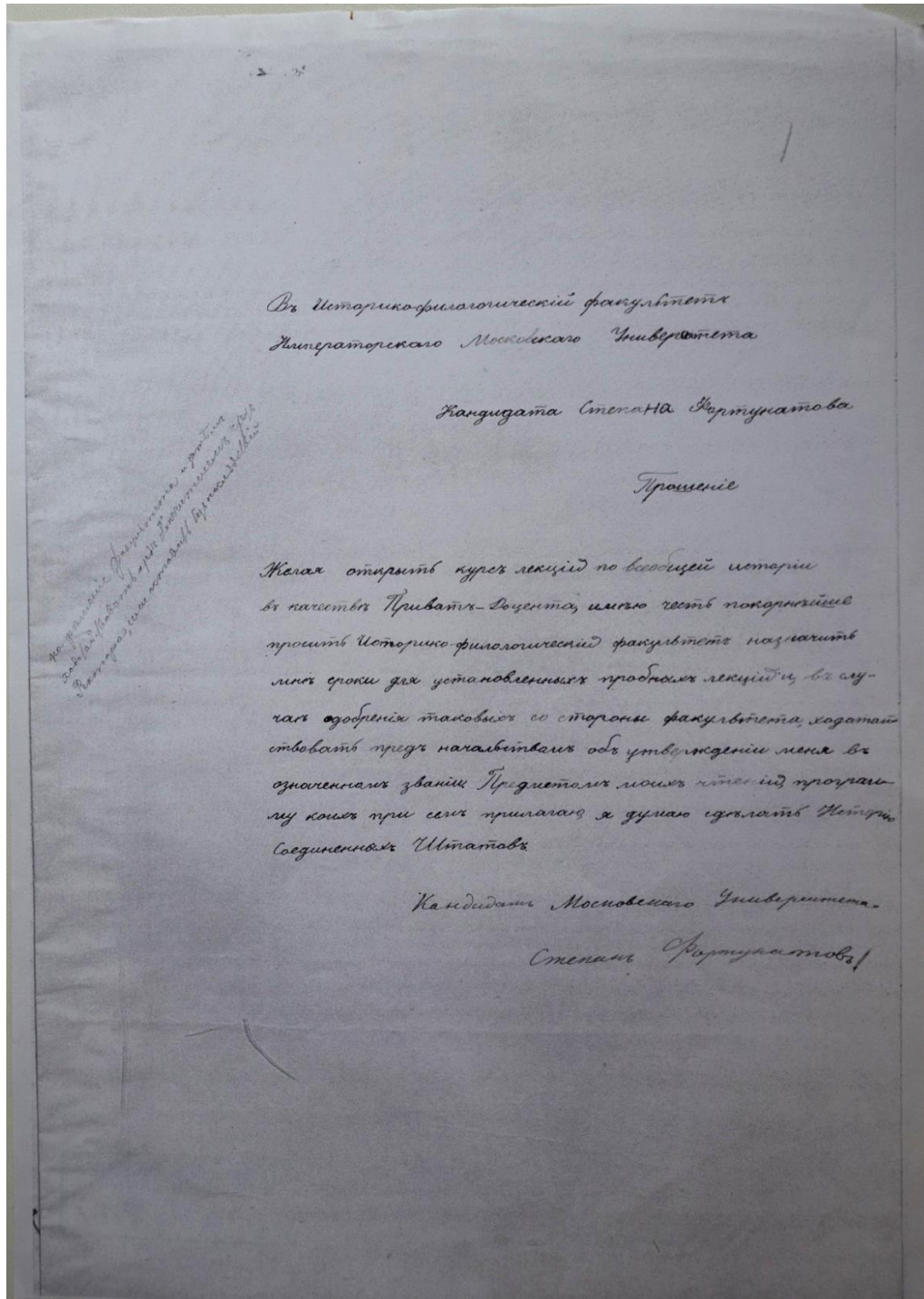
№	Фамиліи и имена учащихя.	Успѣхи.	Замѣтки.
4	Кирыяковъ Николай (втор.).....	—	
5	Миловановъ Иванъ.....	—	
6	Холмогоровъ Ѳедоръ (втор.).....	—	
7	Шаховъ Александръ.....	5.	
8	Яновичъ Петръ.....	5.	
<i>Директоръ Ш. Кривовъ</i> <i>1570 г. 14. 15. 16. 17.</i> <i>Въд. Пред. С. С. С. С.</i>			

Автобиография С.Ф. Фортунатова,
написанная собственноручно (1885 г.)¹

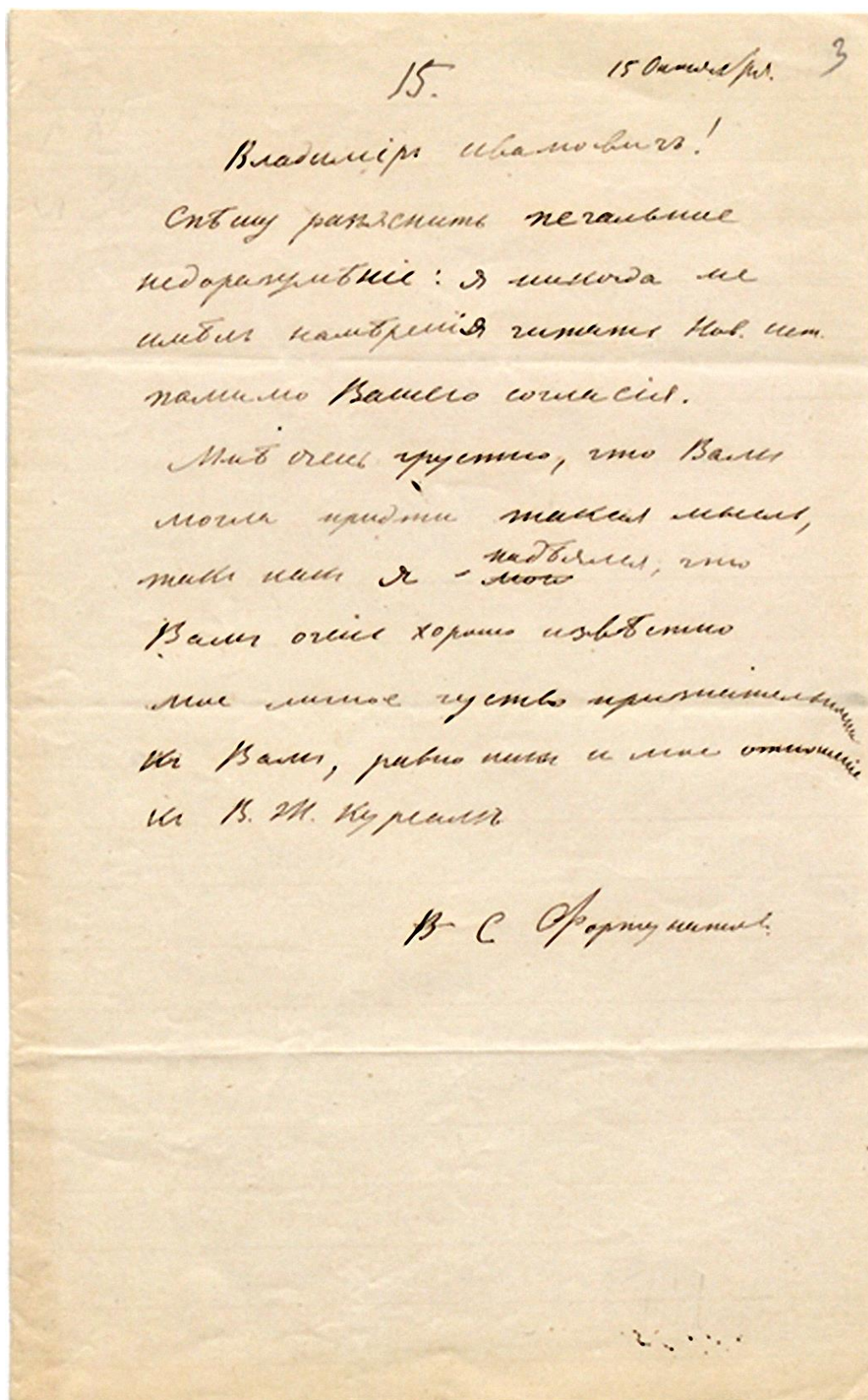

¹ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп.2. Д. 4077. Л. 197.

Прошение С.Ф. Фортунатова о принятии в число приват-доцентов
Московского Императорского университета,
написанное собственноручно (1885 г.)¹

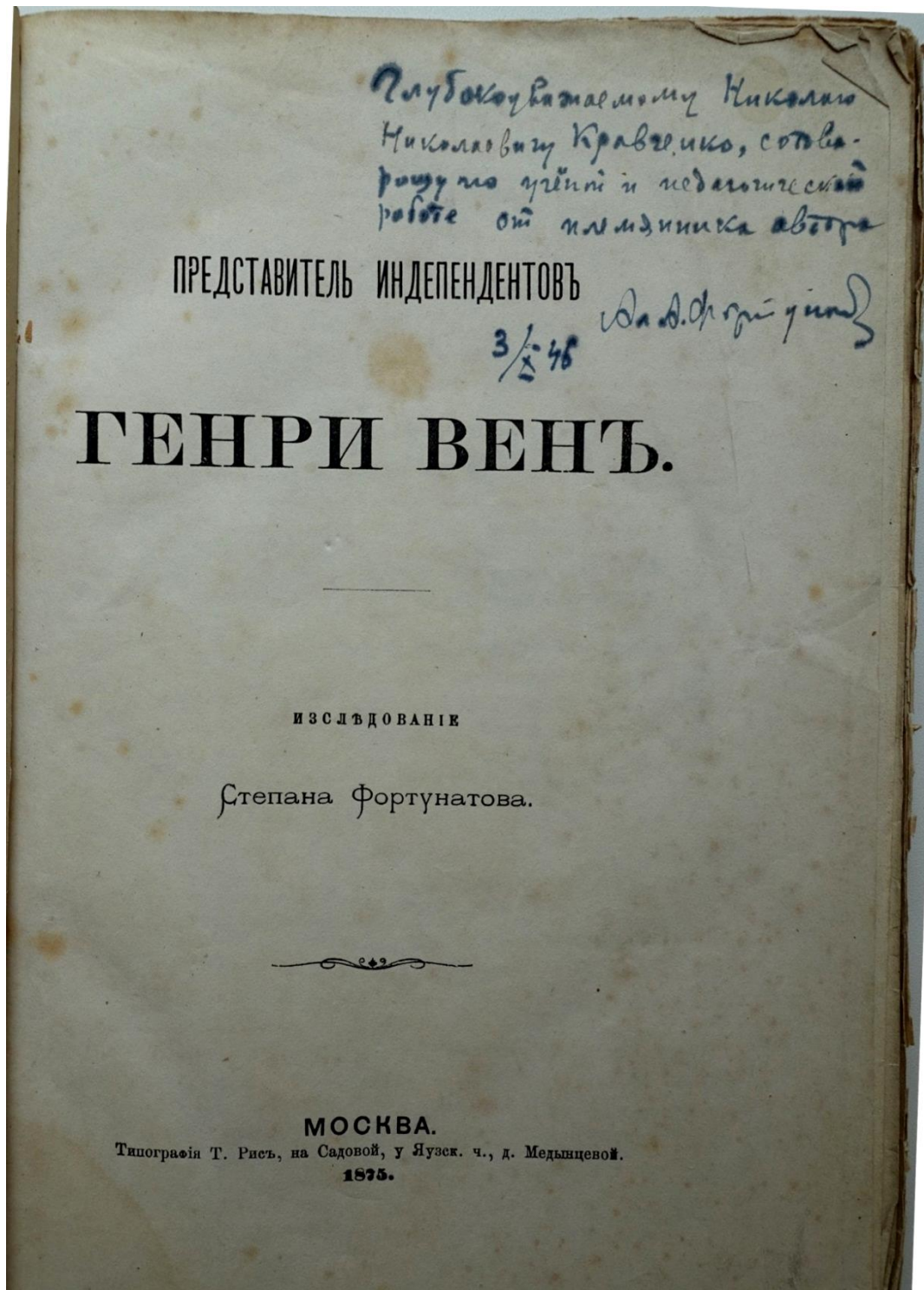
¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 476. Д. 208. Л. 1.

Письмо С.Ф. Фортунатова к В.И. Герье¹¹ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 54. Ед. хр. 94. Л. 3.

Титульный лист монографии С.Ф. Фортунатова

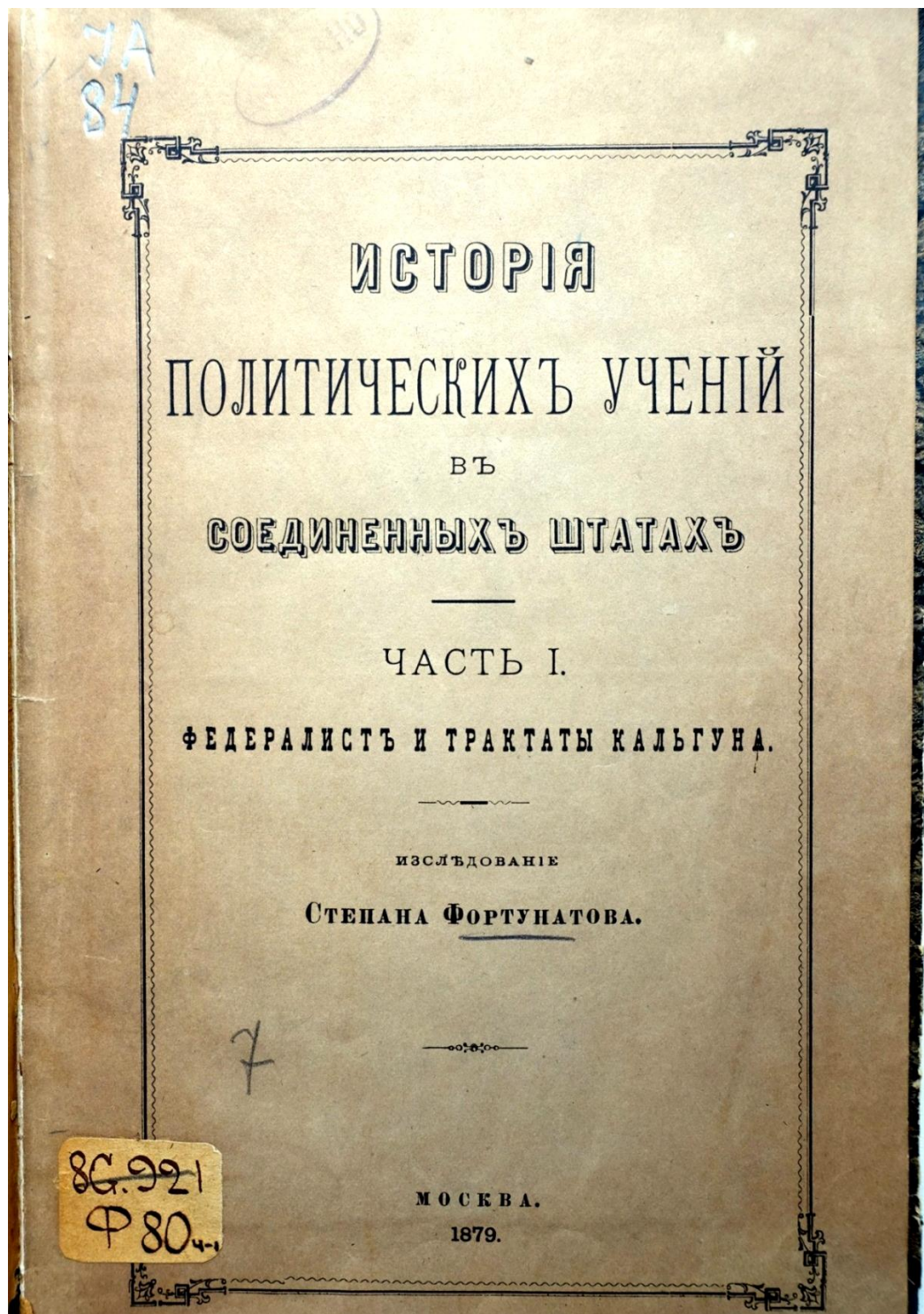
«Представитель индпендентов Генри Вен»

с автографом его племянника А.А. Фортунатова¹

¹ Личная библиотека Н.Н. Агеевой.

Титульный лист монографии С.Ф. Фортунатова
«История политических учений в Соединенных Штатах»

Титульный лист самого полного лекционного курса

С.Ф. Фортунатова по истории США

